

НАГИ СИМЭНО

РЫЖИЙ КОТ ФУТА

ИЗ КАФЕ МЕЖДУ МИРАМИ

перевод
Полины Гуленок

роман

МИОО

НАГИ СИМЭНО

РЫЖИЙ КОТ ФУТА

ИЗ КАФЕ МЕЖДУ МИРАМИ

*Перевод с японского
Полины Гуленок*

Москва
МИФ
2025

УДК 821.521-311.2
ББК 84(5Япо)6-449
С37

Оригинальное название:
伝言猫がカフェにいます

На русском языке публикуется впервые

Симэно, Наги
С37 Рыжий кот Фута из кафе между мирами / Наги Симэно ; пер. с яп. П. Гуленок. — Москва : МИФ, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-00214-885-1

Между нашим и иным миром есть одно кафе. По слухам, здесь можно оставить записку и договориться о встрече с кем угодно, даже с тем, кого давно нет в живых, — лишь бы ваше желание было искренним. Ваши слова близким передаст неунывающий рыжий кот Фута.

Пять поручений — пять жизненных историй с глубоким смыслом в духе анимации Хаяо Миядзаки. Сумеет ли Фута выполнить все задания и вернуться к своей хозяйке Митиру?

В этой книге найдутся и слова поддержки для тех, кто переживает потери и расставания, и добрый юмор, которого иногда так не хватает в трудные времена. Приятное чтение для уютного вечера.

УДК 821.521-311.2
ББК 84(5Япо)6-449

Книга не пропагандирует
употребление алкоголя
или любых других
запрещенных веществ.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

伝言猫がカフェにいます
DENGON NEKO GA CAFE NI IMASU
Copyright © 2022 by Nagi SHIMENO
First published in Japan in 2022 by PHP Institute, Inc.
Russian translation rights arranged with PHP Institute,
Inc. through Emily Books Agency LTD.

ISBN 978-5-00214-885-1

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2025

Пролог

Порой, глядя в ночное небо, люди говорят, что умершие становятся звездами... Но на самом деле они не уходят так далеко. Грань между «этим» и «тем» миром очень тонка, а потому перемещаться между ними не так уж и сложно.

Однако нельзя просто бродить бессистемно туда-сюда — только всех перепугаешь. Надо быть осторожнее. Проскальзывать в лазейки между мирами нужно аккуратно и тихо. Впрочем, я сам еще только учусь.

Первое поручение

Кот Фута идет на выставку

1

Я открыл глаза, когда короткий звон возвестил об окончании приветственной речи.

— Наконец-то...

Опершись на передние лапы и выгнув полосатую бело-рыжую спину, я хорошенько потянулся. Затем взглянул на Нацуки. Черная кошечка с серьезным видом бормотала:

— Первое — ранний подъем. Второе — физическая активность. Третье — умеренность в еде. Четвертое — каждый должен сам о себе заботиться. Пятое...

Она прилежно повторяла пять правил жизни в «этом» мире, которые только что продекламировал нам достопочтенный серый полосатый наставник.

— Будет тебе, откуда такое прилежание? Это же прописные истины, они и так каждому известны. Тоже мне, открытие.

Нацуки обернулась. Огромные круглые глаза казались слишком большими для ее маленькой мордочки — словно вот-вот из орбит выкатятся. Она вежливо ответила (все же в «этом» мире я дольше, а значит, опытнее):

— Но обо мне всегда заботилась Юна и остальные. Даже не знаю, как я теперь сама по себе...

Юна — хозяйка Нацуки. Точнее, уже бывшая хозяйка. Нацуки взяли в дом еще двухмесячным котенком — тогда Юна сама только вступила во взрослую жизнь. Когда Нацуки исполнилось двенадцать, Юна вышла замуж и вместе с ней переехала к мужу. Привыкнуть к новому дому для Нацуки оказалось нелегко, но избранник Юны любил кошек и был к ней очень добр. Нацуки прожила с Юной и ее мужем еще пять лет — до своих восемнадцати, после чего попала в «этот» мир.

— Ну-ну, нечего сопلي разводить.

Я старался держаться уверенно, как положено старшему, но и у меня на душе было беспокойно.

Как там Митиру? Как ее учеба в университете? Она ведь так и не освоилась в школе... Удастся ли ей завести друзей? Стоило вспомнить ее грустное личико, как в груди все сжалось. Митиру с детства такая застенчивая, к тому же та еще плакса... Я спрыгнул со стула, чтобы Нацуки не заметила, как у меня увлажнилась шерсть вокруг глаз.

2

Я попал в «этот» мир три дня назад, с утра пораньше.

Своих родителей я не помню. Лишь смутно припоминаю, как одиноко дрожал на ледяном асфальте (как я узнал после, на парковке многоквартирного дома). Ночи тогда были холодными, а я только и мог, что сжиматься в комочек, пытаюсь согреться. Если бы папа не нашел меня по пути с работы и не забрал домой, скорее всего, я попал бы в «этот» мир куда раньше.

Девятнадцать лет я жил беззаботной жизнью домашнего кота с папой, мамой и Митиру, которая была совсем крохой во время нашего первого знакомства. Для «того» мира немалый срок — я вполне могу зваться долгожителем. Есть чем гордиться.

С черной кошечкой Нацуки я познакомился сегодня днем. Она только прибыла, поэтому непонимающе слонялась туда-сюда, вот я ее и окликнул. Судя по всему, баловали ее знатно, и с собой надавали просто тьму игрушек — так, что и в руках (ну, в нашем случае — в лапках) не унесешь. Одну из них, яркую плюшевую птичку, Нацуки таскала с собой в зубах, а у самой глаза на мокром месте. Ну как тут пройти мимо при виде такого удручающего зрелища?

Чтобы тебя официально приняли в «этом» мире, нужно явиться на инструктаж, он же приветственная речь. На сегодняшний я и сам планировал заглянуть, так что захватил Нацуки с собой. За три дня я успел хорошенько изучить «этот» мир и уже неплохо тут ориентировался.

— Так нечестно, что целых семь месяцев нельзя выходить в «тот» мир, чтобы повидаться с владельцем. Я хочу к Юне!

— Не можешь же ты заявиться к ним вот так сразу — только напугаешь. Придется потерпеть.

Глаза у Нацуки снова были на мокром месте:

— Наставник сказал, если не соблюдать правила, Земля искривится.

— Странно звучит, да? Видимо, из-за «искривлений» миры и не строго параллельны, раз то тут, то там пересекаются. Вон, люди возвращаются

«туда» на Обон*, да и в Хиган** совсем близко к «тому» миру подбираются. Мы так и вовсе через семь месяцев сможем идти куда пожелаем.

— Семь месяцев, начиная с сегодняшнего дня. Получается... — Нацуки принялась считать на пальцах. Конечно, кошки не могут сгибать пальцы, как люди, так что вместо этого она выпускала коготки.

— Январь, — тут же ответил я. Сам уже с десятков раз все прикинул с тех пор, как сюда попал. Можно и не проверять.

— Январь? Отлично! Успеваю, — Нацуки довольно махнула длинным хвостом, разом успокаиваясь.

— Успеваешь что?

— Вернуться к рождению ребенка Юны. Он пока у нее в животе. Хочется быть рядом, когда он появится на свет.

— Ну и замечательно.

Помахивая хвостом, Нацуки принялась наводить порядок в своих вещах.

* *Обон* — трехдневный японский праздник поминовения усопших. Считается, что в этот день мертвые возвращаются на время в мир живых. *Здесь и далее прим. перев и прим. ред.*

** *Хиган* — буддистский японский праздник, который отмечается во время весеннего и осеннего равноденствия. Связан с поминовением предков.

— Пошли, посмотрим на доску объявлений в коридоре? — предложил я.

— Точно, надо же найти подработку.

— На лакомства тут придется самим зарабатывать.

В «этом» мире можно не беспокоиться о еде и крыше над головой, но если хочется любимых лакомств или новых игрушек — их уже бери за свои честно заработанные.

— А тебе повезло с расцветкой. Смотри, черные кошки пользуются спросом, — я ткнул лапой в доску объявлений, где висел запрос на курьеров службы доставки*.

— Ого, и правда! Сколько вакансий с условием «кошки только черного цвета»!

Нацуки радостно прижала к себе плюшевую птичку. Маскот кафе, герой книжек с картинками, персонаж мультиков... Черные кошки пользуются спросом.

— А уж как лето кончится, тут у тебя отбоя не будет от желающих взять на работу, — добавил я.

— Почему?

— Так Хеллоуин же. Там ваша братия вообще нарасхват.

* Крупнейшая японская компания, занимающаяся доставкой, имеет логотип в виде черной кошки, несущей в зубах котенка.

— О, как те черные кошечки, которые летают с ведьмами на метлах? Здорово!

Ушки Нацуки дернулись. Они у нее тоже были непропорционально большие.

Я вернулся к изучению доски объявлений.

*Нанимаем трудолюбивых
и добросовестных кошек.
Пол, порода, расцветка
не имеют значения.*

— О, это мне подойдет. А что там с оплатой? — Я внимательно вчитался в текст. — Да, неплохо.

Кивнув, я еще раз взглянул на Нацуки — та снимала с доски объявление о поиске черной кошки на роль фамильяра ведьмочки. Я едва сдержал смех, когда представил Нацуки на метле с плюшевой птичкой в зубах. Уж я-то ей не уступлю и тоже мигом устроюсь.

— Ну, до встречи, — бросил я и отвернулся. Затем добавил, не оборачиваясь: — Кстати, пятое правило жизни в «этом» мире — «Проводите время с удовольствием».

Огромные глаза Нацуки засверкали.

— Фута, значит, ты слушал! А притворялся, что спишь!

— Слушал вполуха.

Я дернул усами и поднял рыжий полосатый хвост.

— В общем, не перетруждайся. Чрезмерное усердие никому на пользу не идет.

— Ага. Будем проводить время с удовольствием.

3

— Пересечь два холма и после второго спуска свернуть на третьем повороте...

Я на ходу восстанавливал в памяти карту из объявления. Местность в «этом» мире холмистая. Короткие подъемы с лестницами можно преодолеть за пару прыжков, а вот долгий и длинный путь вверх даже кота утомит. Сюда бы Митиру с ее электровелосипедом...

Вообще домашние кошки обычно не любят поездки, но я исключение. У меня была своя особая переноска, которую Митиру водружала в корзину на руле велосипеда. Когда мы ехали, мою мордочку обдувал приятный ветерок. Весной он приносил нежный аромат цветов, летом — сочный запах травы, осенью — яркую опавшую листву... А мимо проносились прекрасные пейзажи. К такому легко пристраститься, стоит лишь раз выбраться в поездку.

Что насчет зимы? Да кто в здравом уме по своей воле выйдет на улицу в холод? Зимой положено спать, свернувшись клубочком у обогревателя. Разве не очевидно?

Стоило вспомнить о былом, как нос защекотал знакомый запах. Пахнет совсем как река, вдоль которой мы часто ездили с Митиру. Глаза вдруг заволокла мутная пелена, и я поспешил утереть их лапой.

— Разве на карте была река? — Я замер, оглядываясь по сторонам, и потер лоб. — Странно. Неужели дорогой ошибся?

Я уже прошел два поворота и дошел до начала нового подъема, а третьего поворота так и не видеть. Однако на карте он точно был. Не то чтобы я мог похвастаться идеальной памятью, конечно...

Я вернулся ко второй тропинке и огляделся. В такие моменты котам помогают усы. Благодаря им можно внимательно просканировать окрестности и высчитать все расстояния, не упуская ни малейшей детали.

Вот оно!

Усы на правой щеке дернулись.

— Серьезно?

Неудивительно, что я не сразу ее заметил. Прямо за вторым поворотом притаилась тонкая тропинка, выющаяся между домами, — в такой лаз

только кошка и протиснется. У меня с весом проблем нет, так что я проскользнул туда без труда.

«Хорошо, что не переедал лакомств», — облегченно подумал я.

Я постоянно выпрашивал у Митиру любимые вкусности, но она частенько отказывала: мол, растолстею. Порой я дулся на нее, однако именно благодаря этому теперь могу похвастаться стройностью и легкостью движений. Я мысленно сказал Митиру «спасибо», пока уверенно шагал по узкой тропке. Наконец впереди показалось открытое пространство.

«Где это я?»

Увиденное напомнило мне о детской площадке, куда я часто навещался, чтобы пообщаться с другими кошками. Там были пара качелей, горка, просторная песочница, а вокруг росли сакуры, которые весной покрывались легкими, словно облачка, нежными цветами. Мы собирались под большим деревом недалеко от входа. С возрастом я перестал туда заглядывать, но наверняка там и сейчас проводятся регулярные совещания.

В углу участка размером где-то с ту площадку приютился маленький белый домик. За ним скрывался неожиданно крутой спуск с видом на крыши и парковки.

«А в каком я мире? “Этом”? Или “том”?» — недоуменно нахмурился я.

«Этим» мы называем мир, где находимся сейчас, то есть царство мертвых. Но с точки зрения живых, мы на «том» свете. Никогда об этом не задумывался, пока не попал сюда.

4

Аккуратный кубик белого домика накрывала трехскатная крыша. Рядом с дверью красовалось окно с узорной решеткой. Прямо как в детских книжках с картинками.

Приблизившись, я увидел перед входом вывеску — белую доску, приколоченную к бревенчатой подставке, которая словно росла прямо из под земли. По центру блеклой серой краской было выведено: *Café Pont*.

Вероятно, я на месте.

Не то чтобы я не был уверен в своей памяти и способности ориентироваться... но что дальше?

Ручка на двери домика — из тех, что прокручиваются, такую лапами непросто открыть. С теми, на которые нужно надавливать, проще: подцепил да и все, но вот круглые — та еще проблема. Сколько ни прыгай — бесполезно.

Я наострил уши, пытаюсь понять, что происходит внутри. Уж на слух я никогда не жаловался.

Говорят, он у кошек в сотни раз тоньше человеческого.

За дверью слышался лишь мелодичный звон посуды — и никаких голосов. Судя по всему, в домишке был кто-то один. Я огляделся. Непохоже, что кто-то придет сюда в ближайшее время. Значит, не стоит и надеяться зайти с другим посетителем.

Делать нечего. Подам голос.

— Мяу.

За дверью раздались негромкие шаги, а затем она со скрипом отворилась. На пороге показалась женщина в белом платье. Ей, наверное, немного за тридцать — старше Митиру, но младше мамы. Она недоуменно огляделась. При каждом повороте головы ее длинные волосы, собранные в хвост, болтались туда-сюда. Наконец женщина догадалась опустить взгляд.

— О!

На ее лице расцвела радостная улыбка.

Человеческую речь я научился понимать. А вот люди понимать кошек так и не научились. Но я все же попробовал заговорить с ней:

— Я по объявлению о найме.

Женщина тут же как ни в чем не бывало ответила:

— Прекрасно. Проходи.

Я окинул ее внимательным взглядом. Вот это поворот. Кто же она такая?

— Ну-ну, наверное, думаешь, что я за зверь такой? Не переживай, никакой я не оборотень и не злой дух. Вон, смотри, и ноги у меня имеются*, и хвоста нет. — Женщина слегка приподняла подол платья.

— Тогда как...

— Как я тебя понимаю? Видишь ли, я своего рода посредник между «тем» и «этим» миром. И никак не смогу хорошо выполнять свою работу, если не буду понимать кошек, которые мне помогают.

— А в каком из миров находится кафе?

— Тут все сложно. Для меня оно в «этом» мире, а для тебя наоборот. — Она слегка тряхнула головой и задумалась. — В реальном мире, скажем так. И наши гости тоже оттуда.

То есть оттуда, где я был до недавних пор. Но сколько можно этой путаницы? Тут меня осенила до того гениальная идея — аж хвост дыбом встал.

— Есть предложение.

— Какое?

— «Этот мир», «тот мир», так и запутаться немудрено. Может, дадим им понятные имена? Например, «первый» и «второй» или «верхний» и «нижний».

* В Японии считается, что у призраков нет ног.

Я долго прожил в «том» мире, а потом попал в «этот», так что «порядковые» названия показались мне самыми простыми. Но моя собеседница внесла другое предложение:

— Хм... Тогда как тебе идея: «этот» мир будет синим — царством синевы, а «тот», который для живых, — зеленым, царством зелени? Подойдет?

Синий — цвет моря и неба. Зеленый — цвет травы и деревьев. Хорошие, яркие летние цвета.

— Отличная мысль! — уверенно кивнул я.

— Я хозяйка кафе. Меня зовут Нидзико. Моя работа — выслушивать желания людей из «этого»... точнее, зеленого мира и с помощью кошек из «того», то есть синего, — исполнять их.

Общий смысл я вроде понял, но суть работы пока до конца не уловил. Ну мне ведь надо просто делать то, что Нидзико велит. Уж тут я справлюсь.

— Меня зовут Фута. Рад знакомству.

И еще кое-что нужно уточнить.

— Работа тут правда позволит вернуться в зеленый мир пораньше? Сократит срок ожидания?

Именно этим обещанием объявление и привлекло мое внимание.

— Правда. Если как следует выполнишь пять поручений, сможешь отправиться в зеленый мир к тем, с кем хочешь повидаться, раньше, чем через семь месяцев. Расторопные кошки и за четыре управятся. Так что постарайся, Фута!

Еще бы!

— Не подведу.

— Но есть и кошки, которые работают не спеша, и семь месяцев проходят быстрее, чем они успевают выполнить пять поручений, — Нидзико спустила меня с небес на землю. В таком случае выбор этой работы потеряет всякий смысл.

Впрочем, замечание только еще больше распалило меня. Я одним махом запрыгнул на книжный шкаф у стены и нетерпеливо дернул хвостом.

— Хватит болтовни. Я готов приступить к работе.

— К поручениям нужно относиться серьезно. Те, что выполнены как попало, не засчитаются, — строго уточнила Нидзико.

Я уселся поровнее, лапа к лапе, и приготовился слушать.

С книжной полки открывался обзор на все кафе. Три столика для гостей, у каждого — по два стула с мягким сиденьем из плотной ткани (такая отлично подходит для точки когтей). Само помещение на удивление просторное — как кухня и гостиная в квартире Митиру, вместе взятые. Снаружи домик кажется меньше. У стены напротив меня — кирпичный камин, ни дать ни взять прямоком из сказки. На каминной полке стоят какие-то дикинские заграничные сувениры.

Кухня куда меньше, чем у Митиру. Плита с одной конфоркой, раковина. Низкая полка на колесиках, видимо, играет еще и роль столешницы. Да и холодильник не впечатляет. В доме Митиру он с кучей отсеков, высоченный, почти до потолка (впрочем, я все равно с легкостью на него забирался). А в кафе холодильник всего с двумя отсеками и высотой Нидзико по пояс, не больше.

«Как-то скудно для кафе. Невелик простор для кулинарии», — отметил я. И папа, и мама прекрасно готовят. Мама, кажется, только хлопнет холодильником — а на столе уже целая трапеза. А папа в выходные надолго занимал кухню и готовил всякие заморские деликатесы вроде конфи*, или риета**, или еще чего-нибудь эдакого. К такому ужину мама с папой часто открывали бутылочку вина. Конечно, Митиру пила газировку, а я воду, но это не делало воскресные трапезы менее теплыми и радостными.

Созерцание пламени в камине настраивало на ностальгический лад. Из воспоминаний меня выдернул голос Нидзико:

* *Конфи* — блюдо французской кухни: мясо или другой продукт, приготовленный методом конфи, т. е. с помощью медленного многочасового томления в жире.

** *Риет* — блюдо французской кухни: закуска из мяса, напоминающая паштет, но с менее однородной, более волокнистой консистенцией.

— Ты слушаешь?

Похоже, я успел задремать — может, мысли о вине заставили меня слегка захмелеть.

— Вот этот почтовый ящик.

Нидзико показала мне ящик, стоящий на комоде, который отделял зал кафе от кухоньки.

В зеленом мире сейчас начало лета. Впрочем, мы, кошки, знаем: независимо от времени года счастье там, где тепло, а по ночам даже в самый разгар лета бывает прохладно. Кошки сворачиваются клубочком на коленях хозяев или пытаются залезть к ним за пазуху, потому что ищут тепла. Вот и сейчас воздух, согретый камином, поднимался к верхней полке и чудесно меня обволакивал. Хотелось и дальше наслаждаться этим мягким, светлым счастьем... но так я точно проиграю сонливости. Пришлось спрыгнуть на пол.

Вот что объяснила Нидзико.

В этом кафе люди получают шанс еще раз встретиться с теми, кто им дорог. Схема простая. Гость пишет на карточке имя того, с кем хочет познакомиться, и бросает ее в ящик. Нидзико выбирает, чей заказ исполнить, а затем наступает черед кошек, работающих в кафе. Их задача — отыскать нужного человека и помочь ему встретиться с тем, кто так жаждет его увидеть.

— Конечно, мы не можем привести его из синего мира в зеленый для встречи. Он уже скончался, а воскрешение не наш профиль.

Говорят, в синем мире есть те, кто и такое сумеет проверить. Я мельком восхитился: чего только не бывает.

— И как же мы устраиваем встречу?

Я облизнулся, демонстрируя острые клыки. Намекнул, чтобы объясняла поскорее, — это уже почти угроза. Однако Нидзико, похоже, нисколько не испугалась — только вздохнула слегка.

— Мы выслушиваем, что именно хочет передать человек из синего мира своему близкому, и проносим в зеленый мир кусочек его души. После мы на время «вселяем» этот кусочек в тело живого человека, посредника, чтобы тот передал заветные слова.

— Как те женщины с горы Осорэ... как их там?

Что-то шевельнулось в памяти. Кажется, Митиру проходила это в средней школе и даже обсуждала с мамой. Мол, кто-то может становиться сосудом для душ умерших, чтобы те получили шанс пообщаться с живыми.

— Ты про медиумов, итак?

— Да-да, про них.

Когда я впервые услышал это слово, то принял его за название какой-то зверушки или рыбы. Оказалось, «итак» называют женщин, которые

живут на горе Осорэ в Тохоку и умеют передавать послания с того света. Точнее, для меня — уже этого.

— Кошки-посланники и итако совсем не одно и то же. Коты лично встречаются с людьми из обоих миров. Им приходится побегать и попотеть, чтобы передать сообщение как следует. А как итако связываются с тем миром, я понятия не имею, — подмигнула мне Нидзико. Глаза ее озорно заблестели — я даже залюбовался, но затем звонко чихнул и отвлекся.

— В любом случае тут важна практика. Как возьмешься за работу — сам все поймешь.

И то верно. Нет смысла переживать о чем-то, что еще не свершилось. Я частенько замечаю такое за людьми и каждый раз лишь головой качаю. Им стоило бы поучиться у нас, кошек. Мы-то легко адаптируемся к любой ситуации и не терзаемся лишними сомнениями.

Я сладко потянулся, выгнув спину и вытянув передние лапы, — мол, все ясно, готов приступить.

— Это список сотрудников. Вот, я и тебя внесла. — Нидзико показала мне лист бумаги. На нем столбиком выстроились имена кошек — судя по всему, прямо сейчас на кафе их работало не много. Напротив имен красовались отпечатки кошачьих лапок.

— Каждая печать означает успешно выполненное поручение, — пояснила Нидзико и вернула листок на место, прикрепив его на стенку комода.

Значит, пять печатей — и свобода. Один взгляд на список заставил сердце затрепетать, и меня тут же переполнило желание поскорее приняться за дело. От переизбытка чувств хотелось носиться кругами по кафе, но уж больно много тут бьющихся предметов. Потом неприятностей не оберешься. Пришлось сидеть смирно.

— Ну, удачной работы.

Хоть я и пришел лишь на собеседование, меня все равно угостили. Еще и моим любимым лакомством — мясным желе из узких длинных пачек.

«Славная женщина», — решил я. Я успел полюбить Нидзико, хотя наша первая встреча и была совсем короткой.

5

У котов-посланников график гибкий. Можно заходить за поручением, как будет настроение. Единственное правило — не появляться в часы работы кафе, с десяти утра до пяти вечера. По словам Нидзико, бродящие по залу коты только распугивают посетителей.

— У меня же тут не кошачье кафе, — с достоинством заявила она.

Я сам активнее по ночам (впрочем, как и большинство кошек), а днем в основном сплю. Вот и на следующий день мне захотелось прогуляться лишь к вечеру.

Когда я подошел к кафе, Нидзико как раз вешала на дверь табличку «Закрыто».

— Привет!

— О, Фута! Здравствуй. Как ты скоро заглянул.

— Надо осваиваться побыстрее, — тут же гордо ответил я. По правде говоря, дело не только в этом. Так как тут не с кем поиграть, движения мне не хватает. А путь в кафе со всеми подъемами и спусками оказался отличным способом размяться.

— Как раз собралась заглянуть в ящик. Составишь компанию?

Я прошел за Нидзико в кафе. Она со щелчком открыла стоящий на комод ящик старинного вида ключом и откинула крышку. Внутри оказалось штук двадцать карточек формата обычной открытки. На одной стороне полагалось писать имя гостя, на другой — имя того, с кем он хочет повидаться, однако, помимо имен, некоторые оставляли на записках длинные послания или украшали их рисунками и пестрыми наклейками.

Нидзико достала все и принялась разбирать их.

— Вот за такое мы не беремся, — показала она мне одну открытку. На ней красовалось имя члена известной музыкальной группы — его даже я знаю.

— Почему это?

Ничего удивительного, что кто-то хочет увидеться со звездой.

— Со знаменитостями много мороки. Надо обращаться в агентство, и публичности сложно избегать.

Разумеется, клиентам запрещается рассказывать кому-либо о встрече, но в случае с известными людьми разглашение может выйти слишком громким.

— Вот такое тоже не годится.

Рядом с иллюстрацией — до того умелой, что немудрено с фото перепутать, — на карточке было написано имя знаменитого полководца эпохи Сэнгоку.

— Ничего хорошего не выйдет, если слова исторической личности вдруг опровергнут то, что все считают незыблемой частью истории.

Вполне резонно. Поясняя критерии отбора, Нидзико продолжала перебирать карточки. Вдруг ее рука замерла. Она показала мне одну из открыток.

— Как насчет этого? Возьмешься?

Воздушным и красивым взрослым почерком в центре карточки было аккуратно выведено: «Хочу

увидеться с покойным отцом». На обратной стороне стояло имя отправителя — Юдзу Минами.

— Берусь!

Я так обрадовался первой работе, что выпалил, не подумав. Но как мне отыскать заказчика, имея такую скудную информацию? Я тревожно дернул усами, и Нидзико тут же пришла на помощь.

— Они сегодня днем приходили, после обеда. Две женщины: одна лет сорока, вторая помоложе. — И, прикрыв глаза, Нидзико по памяти начала описывать гостей.

— Поздравляю с окончанием работы над книгой. Теперь остается только ждать, когда она появится на книжных полках.

— Все благодаря вашей поддержке, Исобэ. До сих пор не верится, что я не только премию получила, но еще и книгу с моими иллюстрациями выпустят...

Юдзу Минами — женщина в легкой блузке с вышивкой и коротким рукавом. Рядом с ней девушка помоложе в ладно скроенном сером костюме — Исобэ. Они не были похожи на коллег, и только когда до Нидзико донесся их разговор, она понимающе кивнула. Значит, Исобэ работает над изданием книги Юдзу.

Юдзу заказала чай с соевым молоком, а Исобэ — горячий кофе. Попутно Нидзико добавила, что для

молочного чая она кипятит заварку сразу вместе с молоком, чтобы напиток получился насыщеннее, но это я пропустил мимо ушей как несущественное.

— Как подготовка к выставке? — поинтересовалась Исобэ.

— Закончила с рамами. Надо еще сделать таблички к картинам, напечатать комментарии... В общем, дел невпроворот.

— Всего неделя осталась, да? Давайте я зайду, как привезут экспонаты, помогу с оформлением зала.

— Это было бы очень кстати.

— Галерея же где-то недалеко от станции?

— Станция Исудзу, — кивнула Юдзу и объяснила: — Сразу за ней тянется крытая торговая улочка. Там и находится выставочный зал, на втором этаже, над кондитерской. Пешком две-три минуты от станции.

— Значит, с багажом добраться несложно. Сообщите, если нужно будет что-то привезти.

Женщины еще немного поболтали и засобирались уходить.

— А затем Юдзу кинула сюда открытку, — Нидзико указала на старенький ящик с прорезью.

На боку его была наклеена пожелтевшая от времени бумажка с надписью от руки: «Анкетный

опрос. С кем вы хотели бы увидеться больше всего на свете?»

Не самый понятный почерк. Про такой говорят: «Словно червяк прополз», — но настоящие червяки так не ползают. Они двигаются по прямой, неторопливо так... Картинка в голове вспыхнула до того ярко, что я невольно протянул лапу и задел стоящую рядом вазу с цветами. Она пошатнулась, но, к счастью, не упала. Я облегченно вздохнул. Разбейся она — и все залило бы водой. От одной мысли о том, чтобы промокнуть, меня в дрожь бросает. Хотя на шерсть и не попало ни капли, все равно меня вдруг встревожила верхняя часть лапы, и я успокоился, только когда вылизал ее.

— Ты все понял?

— Наша клиентка, Юдзу, — художница, которая готовит персональную выставку.

Какой я молодец. Все уловил!

— Да, в общих чертах так, — Нидзико несколько не удивилась моей внимательности.

— Вероятно, она хочет показать свою выставку отцу? — продолжил я, вздернув хвост.

— Да, она так и сказала.

Я слегка оскалился: можно было и сразу о таком упомянуть!

— Диалог состоялся уже у кассы. — И Нидзико продолжила рассказ.

— Я вас сегодня позвала на встречу, так что мне и угощать, — улыбнулась Исобэ и оплатила весь заказ.

Юдзу благодарно кивнула. Тогда-то Исобэ и заметила ящик на комоде рядом с кассой.

— А это что такое?

— Почтовый ящик, — пояснила Нидзико. — Если написать имя человека, с которым хочешь увидеться, и бросить туда, есть шанс, что это исполнится.

Женщины переглянулись.

— Правда, он может прийти в другом обличье. И даже если вы поймете, что перед вами он, нельзя спрашивать имя и проверять. Это очень важно.

— Погоди-ка, — торопливо перебил я Нидзико. — Ладно еще явление в другом облике, но как же узнать, кто перед тобой, если даже имя нельзя спросить? Или мы сообщаем о встрече заранее?

Нидзико покачала головой.

— Нет, не сообщаем. Но клиент и так все поймет, если тщательно выбрать слова, которые нужно передать. А если он ничего не понял — либо слова были не те, либо клиент недостаточно хорошо знает того, с кем хотел повидаться. И получается, не стоило и хлопотать ради встречи, — фыркнула Нидзико.

— Выбрать слова? Но это твоя работа?

Не успел я выдохнуть, как Нидзико подняла указательный палец и покачала им перед моим носом:

— Это работа котов-посланников. Вы ведь лично встречаетесь с клиентами. Кто же еще сумеет подобрать лучшие слова, которые стоит передать?

И что тут скажешь...

— Получается, — с трудом начал я, ощущая, как тело тяжелеет от навалившейся ответственности, — только от кота-посланника зависит, осознает ли клиент долгожданную встречу?

Нидзико с улыбкой кивнула и продолжила рассказ.

Глаза Исобэ засияли, когда она услышала о том, зачем нужен ящик.

— Давайте тоже напишем что-нибудь!

Юдзу поддержала идею, и женщины заполнили по карточке. Исобэ какое-то время колебалась, однако Юдзу сразу уверенно начала выводить текст — видимо, желание давно зрело в ее душе. Затем они показали друг другу свои записи.

— Понимаю, — улыбнулась Исобэ, глядя на карточку Юдзу. — Было бы здорово, если бы ваш отец смог увидеть выставку.

Юдзу ответила ей теплой и светлой улыбкой.

— Кстати, вот карточка Исобэ.

На обратной стороне оказалась надпись «Будущий муж». От такой прямоты даже коту станет неловко.

— Подобные заказы мы тоже не берем? — предположил я.

— Разумеется, — отрезала Нидзико. — Уж кого-кого, а супруга надо самой искать. Работы у нас и так хватает, а нанимать слишком много котов-посланников я не могу. Поэтому хочу исполнять самые заветные желания. Желания тех, кто уже не смеет и надеяться.

Несомненно, Юдзу относится именно к таким клиентам.

— Всякой ерундой мы не занимаемся, — подытожила Нидзико. А затем добавила: — В нашей работе очень важна сила воображения. Не забывай об этом.

6

К задаче я приступил на следующий день. Не люблю ранние подъемы, однако, когда имеешь дело с людьми, приходится подстраиваться под их ритм жизни, решил я, но в итоге все проспал и проснулся уже к закату.

Ох, вот же!

Я подскочил, но спешка — плохое подспорье в делах. Так что для начала я хорошенько потянулся и вылизался и лишь затем помчался к Юдзу. Солнце к тому времени уже совсем зашло. Пробегая мимо кафе Pont, я подумал было поздороваться с Нидзико, но не стал: вдруг начнет ворчать, что я так поздно взялся за работу. Все настроение испортится. Так что через площадку перед белым домиком я проскользнул тихо и незаметно.

Под холмом, на котором стоит кафе, находится проход в зеленый мир. Я думал, это будет просто дорога, однако вместо нее обнаружил мост. Привратником оказался черно-рыжий кот с грозным взглядом. Небось тоже на подработке, а сколько напыщенности.

— Пропуск.

Ну и грубиян. Никаких представлений об общительности. Я показал бумагу, полученную вчера от Нидзико. Там был указан пункт назначения и красовалась фирменная печать кафе с изображением кота и радуги.

— Хм... — привратник до раздражения пристально изучил пропуск, а затем поднял на меня взгляд: — Так ты кот-посланник?

Что еще за сомнение на морде?

— А что не так? Это моя первая работа, между прочим, — мне всего-то хотелось немного

похвастаться, но вышло вызывающе. Котам сложно друг с другом поладить: как ни начни разговор, в итоге может и до драки прийти.

— Станция Исудзу, значит? Ну, вперед.

Процедура перехода оказалась проще, чем я думал. Не успел я оглянуться, как очутился перед зданием станции с надписью «Исудзу» над входом. Понятия не имею, как работают эти перемещения. Видимо, место перехода определяют те, кто отвечает за сообщение миров.

Я надеялся, что сумею повидаться с Митиру где-нибудь между поручениями, раз все равно буду в зеленом мире, но оказалось, что не выйдет — слишком сложно все устроено.

«Ну и ладно. Выполню пять поручений и с чистой совестью смогу к ней отправиться», — напомнил я себе.

Работу стоит начать со знакомства с клиенткой. Отправной точкой я выбрал станцию Исудзу, потому что знал путь от нее до галереи. На следующей неделе там откроется выставка Юдзу, и сейчас она спешно ее готовит. Пока это все, что мне известно. Нидзико советовала прислушиваться к воображению. Но пока у меня слишком мало информации, чтобы его подключать...

Я зашагал по торговой улочке, оглядываясь по сторонам. В уголке у стены свернулась клубочком кошка, однако она принадлежала к другому

миру, поэтому лишь бросила на меня короткий взгляд, но никак не отреагировала. Так заведено.

Булочная, овощная лавка, аптека... Обычная крытая торговая улица-сётэнгай*. Кругом куча людей — все спешат закончить с покупками и поскорее вернуться домой. Влекомый вкусным ароматом, я дошел до рыбного магазина, на прилавке которого лежали в ряд свежие рыбыны. Заплатят мне только после того, как выполню поручение. Но даже тогда тут ничего нельзя будет купить. Я нехотя прошел мимо.

Впереди меня ждало еще несколько искушений: болтающийся на ветру плакат на столбе и заманчиво завернутые в шуршащую целлофановую обертку букеты в цветочном магазинчике. Я мужественно преодолел их все и дошел наконец до кондитерской старомодного вида.

На витрине выстроились традиционные японские сладости: охаги**, митараси-данго***, мандзю**** и тому подобные. На стеклянной двери

* *Сётэнгай* — так называют пешеходные рыночные улицы в Японии.

** *Охаги* — шарики из клейкого риса с добавлением пасты из сладких бобов.

*** *Митараси-данго* — рисовые клецки, надетые на деревянную шпажку, со сладким соусом на основе соевого.

**** *Мандзю* — небольшие пирожки из сладкой муки с различными начинками.

висело объявление: «Художественная галерея на втором этаже». Ниже — листовка о скором открытии выставки.

«Тут, значит».

Старенькое трехэтажное здание. На второй этаж можно было попасть по внутренней лестнице, через кондитерскую, но сбоку внешняя лестница также вела к служебному входу. По ней я и поднялся. Дверь на втором этаже была приоткрыта. Я заглянул внутрь — передо мной развернулась пустая белоснежная комната. Ни души.

«Где же все?»

Я уже собрался проскользнуть за дверь, как вдруг за моей спиной послышались шаги. Пришлось спешно прятаться в углу лестничной площадки.

Хрупкая невысокая женщина с кучей тяжелых на вид пакетов прошла мимо и скрылась за дверью галереи. Оттуда донесся другой женский голос. А ведь только что там никого не было. Видимо, кто-то поднялся по внутренней лестнице через кондитерскую.

Мои уши способны улавливать звуки на очень большие расстояния. Раньше я особенно гордился этим — думал, все потому, что они у меня наостроенные, всегда торчком. Но потом понял, что все кошки слышат одинаково хорошо и внешний вид ушей тут особой роли не играет. Я прислушался к разговору в галерее.

— Здравствуйте. Я буду выставяться тут со следующей недели.

Шуршание пакетов — их поставили на пол.

— Я вас ждала!

Выходит, по внешней лестнице поднялась Юдзу, клиентка кафе. А встречать ее вышла администратор галереи.

— Спасибо, что разрешили пораньше приступить к подготовке. Я уже принесла кое-что из вещей.

Экспонаты привезут послезавтра — тогда и Исобэ, редактор Юдзу, которая была с ней в кафе, придет помогать. Это я помню.

— Не за что. Прошлая выставка уже завершилась, вот я и позвонила вам. Решила, что лишнее время не помешает.

Я осторожно скользнул в приоткрытую дверь. В глубине комнаты стояла администратор галереи с пепельными волосами, собранными в аккуратный пучок. Юдзу робко ей улыбалась. Мне представлялось, что причастные к миру выставок и галерей люди должны выглядеть более экстравагантно, «не от мира сего», однако собеседница Юдзу казалась скорее деловой и сосредоточенной, чем витающей в облаках.

— Спасибо вам еще раз. Я впервые открываю выставку, все такое незнакомое. Постараюсь не доставлять вам лишних хлопот, — потупилась

Юдзу. Похоже, она порядком нервничала. Так за-
смущалась, что даже приободрить ее захотелось,
сказать: «Да будь же поувереннее!»

Дальше женщины начали обсуждать организа-
цию выставки — сугубо деловые вопросы. Я не-
заметно вернулся к лестничной площадке, чтобы
дождаться там конца беседы.

По крайней мере, теперь я знаю, как выгля-
дит Юдзу. Женщина сутулилась, из-за чего ка-
залась еще меньше ростом, чем была на самом
деле. На японском это называют «кошачьей
спиной», но кошки вовсе не проводят все вре-
мя, скрючившись вот так. Я растянулся на лест-
ничной площадке и выгнул спину, оттопыривая
лапки, — словно пытаюсь кому-то что-то до-
казать.

Щелчок дверного замка заставил меня вски-
нуть голову и оглядеться. Я так уютно устроился
в закутке на лестничной площадке, что сам не за-
метил, как задремал. Торопливо вскочив и встрях-
нувшись, я поспешил за удаляющейся прочь Юдзу.
Та прошла сквозь торговый ряд к станции. На-
верное, поедет домой на поезде.

Нидзико сказала, что мне разрешено пользо-
ваться общественным транспортом во время ра-
боты. Только чтобы никто не заметил: иначе
люди начнут фотографировать, гладить — в об-
щем, проблем не оберешься. Если еще и дети

окружат — вообще беда, от них потом никуда не скрыться.

Когда видите в электричке кошку, почти наверняка это кот-посланник на работе. Лучше сделайте вид, что ничего не заметили, чтобы ему не мешать.

Я никогда раньше не ездил на поездах, а потому занервничал, но тут у Юдзу зазвонил телефон.

— Юдзу, привет!

Расслышать голос по ту сторону трубки — сущий пустяк для моих ушей. Звонила пожилая женщина.

— Что-то случилось, мам?

Юдзу едва слышно вздохнула, развернулась перед самыми дверьми станции и вышла к дороге, ведущей вдоль путей. Видимо, решила вернуться домой пешком за разговором. Беседы с матерями обычно затягиваются, это, похоже, общее правило.

— Я насчет поминальной службы на годовщину отца...

Я отвлекся было на качающиеся на ветру цветочки у дороги, но, услышав ее слова, тут же собрался. Покойный отец Юдзу. Тот, с кем она хочет повидаться.

— Годовщина? Она же в декабре.

До декабря еще пять месяцев. Видимо, привычка суетиться раньше времени тоже общая черта всех мам.

— Хочу начать подготовку уже сейчас. Юдзу, ты сможешь приехать пораньше? А то у детей школа, так что Такэси со своими день в день прибудет.

Наверное, речь про брата Юдзу и его семью?

— Еще столько времени впереди, рано строить планы. Но я и собиралась приехать заранее, накануне.

— Вот как, — в голосе женщины послышалось облегчение, и она заговорила уже спокойнее: — Я думаю в этот раз собраться только семейным кругом: вы с братом, невестка да внуки. Без дальней родни. После службы поужинаем вместе в ресторане, помнишь, в том, который при отеле. У них есть специальное меню для таких случаев.

— Отличная идея. Мне забронировать столик?

— Не стоит! Там в администрации работает папин друг, я сама с ним свяжусь.

После короткой паузы Юдзу вновь заговорила — кажется, это далось ей нелегко.

— Кстати, мам...

— Что такое? — в голосе по ту сторону трубки зазвенела надежда.

— Я получила премию. А еще скоро выйдет книга с моими иллюстрациями.

— Вот как. Поздравляю, — почему-то в ответе не слышалось особого энтузиазма. Скорее

наоборот. — А я думала, может, ты хорошего мужчину встретила. Зря понадеялась?

— Я ведь уже говорила, мне это не нужно, — отрезала Юдзу.

— Ну-ну, не надо зарекаться. Жизнь длинная. Я вот с твоим папой почти пятьдесят лет счастливо прожила. Работа — это, конечно, хорошо, но и о семье забывать не стоит. Думаю, отец на небесах тоже волнуется, что ты все одна.

Большая часть тирады прошла мимо ушей Юдзу — на ее середине она отодвинула трубку от уха. Когда наконец разговор завершился, Юдзу яростно забросила мобильный в сумку и ускорила шаг, словно пытаясь сбежать от сетований матери.

Где-то через полчаса она дошла до трехэтажного жилого дома и зашла внутрь. Вскоре в третьей по счету квартире на первом этаже зажегся свет. Вот, значит, где она живет. Запрыгнув на оконный отлив, я заглянул в комнату сквозь щель в занавесах. Похоже, Юдзу вымоталась за день: она рухнула в постель прямо в одежде.

— Ну, на сегодня можно закончить, — решил я и уже собрался уходить, когда Юдзу вдруг поднялась с кровати, подошла к комоду и достала оттуда желтоватый конверт формата А4, плотно забитый бумагой. Какое-то время она смотрела на него, а потом засунула обратно в ящик, так и не открыв.

— Вот, значит, как.

На следующий день я пришел к Нидзико с отчетом. Расторопность — залог успеха. К тому же я опасался, что, если не расскажу все пораньше, какие-то детали забудутся.

— Теперь надо бы сходить к ее отцу и поговорить с ним... Но как его найти?

Нидзико подняла голову — она мыла посуду за разговором.

— Ее отец в синем мире. Его адрес мы узнаем по здешнему имени.

— Здешнему имени?

— Ну, тому, которое ему тут дали.

Из объяснения Нидзико я понял, что после смерти в синем мире человеку дают новое имя — что-то вроде звучного прозвища, по которому можно узнать, где он тут обитает и чем занимается. А оно найдется по прежнему имени, ну и дате смерти.

— Сейчас посмотрим. Его фамилия — Минами, верно? А год и месяц кончины...

Нидзико достала легкий ноутбук, смотревшийся совершенно чужеродно в интерьере кафе. Ее пальцы запорхали по клавишам. Пропуск, который мне выдавали, был написан вручную, но, оказывается, и сюда добралась цифровизация. Вон, целая база данных есть.

Тут как раз кстати оказался подслушанный вчера разговор.

— Она обсуждала с матерью поминальную службу по случаю годовщины его смерти в декабре.

— Вот как. Раз служба — значит, речь о второй, шестой или двенадцатой годовщине.

— Этого не знаю. Но ее мать сказала, что хочет собраться в узком кругу семьи, без дальней родни. Тогда вряд ли вторая. На нее обычно собирают много людей — меньше, чем на сами похороны, но все же. Остаются шестая или двенадцатая. Есть, конечно, и более поздние, но по разговору непохоже, что отец Юдзу умер так давно. Кстати... Еще ее мать упоминала, что прожила с мужем почти пятьдесят лет. Судя по возрасту Юдзу, скорее всего, речь про шестую годовщину.

— Отлично, — кивнула Нидзико в ответ на мои соображения. — Сейчас поищем.

Она вернулась к ноутбуку и наконец воскликнула:

— Есть! Думаю, это он. Сеити Минами. Скончался в возрасте семидесяти двух лет.

На всякий случай Нидзико поискала и по другим годовщинам, но там людей подходящего возраста с фамилией Минами не нашлось. Нам повезло, что имя попало не такое уж распространенное. Нидзико записала для меня прозвище, полученное Сеити в синем мире.

— Какое длинное, — отметил я.

— Первые три иероглифа означают место, где он живет в синем мире, — объяснила Нидзико. Она уже упоминала, что по имени, которое дают тут людям, можно сразу понять, где они живут и чем увлекаются. Выходит, что и остальные иероглифы здесь имеют значение.

Я коротко заурчал.

— Точно-точно. Угощение.

Не то чтобы я просил. Но раз дают — не откажусь. Съев несколько ломтиков сушеного рыбного лакомства, я покинул кафе.

8

Нужное место располагалось через три подъема на холм и два спуска — красивый жилой район с нарядными домиками. Из-за отсутствия заборов казалось, что все здания вокруг — часть огромного жилого комплекса. То тут, то там встречались люди, погруженные в свои дела. Очень уютная и мирная атмосфера. Сразу видно: здесь живут те, кто уже «отработал» свое в синем мире и может ни о чем не беспокоиться.

— Здравствуйте, — обратился я к мужчине, который сидел на скамейке и что-то писал в блокноте.

— О! Неужто кот-посланник?

— Ага.

— Ты ко мне пришел? — в глазах мужчины блеснула радость.

— А как вас зовут?

На отца Юдзу он решительно не походил. Как я сразу и подумал, это был не он.

— Эх. А я уж понадеялся, — вздохнул мужчина, когда понял, что ошибся.

— Разве вы не можете сами повидаться с кем хотите? Если уже заработали такое право.

Я толком не знаю, как оно устроено у людей, — но, наверное, так же, как у нас?

— Теоретически-то да. Но на деле без серьезных причин нельзя просто так бродить туда-сюда. Вопрос баланса.

Похоже, не зря нас предостерегали: видимо, без соблюдения правил и впрямь «Земля искривится».

— На Обон можно разгуляться и отправиться к своим, но в другое время с оформлением намучишься. А вот если коту-посланнику поручение дали, все куда проще. Я потому и обрадовался: думал, вдруг ты ко мне.

Коты-посланники принимают заказы только у людей из зеленого мира. Не наоборот. Мой собеседник совсем приуныл. Я искренне ему посочувствовал, но работа есть работа. Пришлось продолжить расспросы.

— Вот кто мне нужен, — я показал бумажку с именем от Нидзико.

— А-а. Видишь вон там человека с фотоаппаратом? Это он. В нашем районе много творческих людей живет, но такие таланты тут наперечет.

Я бросил взгляд на стоящего неподалеку художавого мужчину в джинсах. В синем мире люди пребывают не в том возрасте, в котором умерли, а в том, каком сами пожелают. Поэтому, хотя отец Юдзу и скончался в преклонных годах, сейчас ему на вид дашь не больше сорока. Если подумать, у меня тоже здесь и шерсть снова залоснилась, и аппетит отменный — как в молодости. Никто мои пожелания не спрашивал, но, видимо, возраст сам скорректировался до идеального. Мысленно поблагодарив того, кто так хорошо придумал, я зашагал к отцу Юдзу, помахивая хвостом.

— Здравствуйте. Я — Фута, кот-посланник.

Тот окинул меня внимательным взглядом.

— Вот как! То-то у тебя такой роскошный хвост.

А он знает толк в комплиментах!

— Я пришел к вам, потому что Юдзу оставила заказ на встречу.

Взгляд мужчины потеплел. Он посмотрел куда-то вдаль и ответил:

— Вот оно что. Я отсюда на нее поглядываю.

Я проследил за его взглядом. С этой точки и впрямь виднелся зеленый мир. Высмотреть бы Митиру... Но, пожалуй, это будет сложновато. Пока я рассказывал отцу Юдзу о том, как она пришла в кафе, с его лица не сходила улыбка.

— Я как раз думал пойти выпить чаю. Составишь мне компанию? Конечно, я его разведу: помню, что кошки не любят горячее.

Теплый чай в изящной маленькой пиалке на столе пах сладко, но на вкус оказался горьковатым. Похоже, Минами заметил, как я скривился, и тут же замахал руками:

— Прости-прости. — И щедро добавил молока.

— Кстати, Юдзу тоже заказывала в кафе чай с молоком, — вспомнил я рассказ Нидзико.

— У нас с ней вкусы сходятся. Не только в еде, но и в творчестве. Я ведь фотограф, — он коснулся камеры, висящей на шее. — А Юдзу рисует. Мы часто вместе гуляли: я снимал, она делала наброски.

— У нее скоро персональная выставка. Она получила премию, и книга с ее иллюстрациями вот-вот в свет выйдет, — рассказал я.

— Вот как. Персональная выставка, — задумался Минами. — Хотелось бы самому туда прийти, но я знаю, что так нельзя. Да и дел у меня тут хватает.

Глаза у Юдзу в отца. И ей бы очень пошла такая же широкая и искренняя улыбка.

— Похвали ее хорошенько за меня.

Минами махал мне на прощание, пока я не скрылся из виду.

9

И вот настал знаменательный день. Время передать послание. С самого утра меня потряхивало, но вовсе не от волнения, а от нетерпения. Для начала я заглянул к Нидзико поздороваться.

— Удачки! — она одним росчерком выписала мне пропуск.

На мосту стоял все тот же черно-рыжий кот, что и в прошлый раз. Нахальства в нем не убавилось ни на йоту.

— А, новичок. Все в делах?

— Иду передавать послание.

Я уже ступил было вперед, когда привратник окликнул меня.

— Эй! Удачи в работе. Уж постарайся устроить все как надо.

Если подумать, то морда у него вполне себе дружелюбная.

— Не подведу. — Вздернув хвост, я решительно зашагал по мосту.

Как я и рассчитывал, Юдзу приехала на станцию с утра пораньше. Я незаметно последовал за ней до галереи. Сегодня самый разгар работы выставки, пятый день из десяти. Юдзу поднялась на второй этаж, а я остался внизу, в закутке перед кондитерской, — искать посредника, который скажет нужные слова.

Кусочек души, которым поделился отец Юдзу, надежно скрывался у меня внутри. Когда коты испуганы или раздражены, они умеют распушать хвост, и он кажется в несколько раз больше. Порой так происходит само собой от переизбытка эмоций, но сознательно мы тоже умеем так делать. Нидзико подсказала, что это можно использовать, когда передаешь душу посреднику.

Я слегка напрягся и переместил кусочек души на кончик хвоста. Ничего сложного. Я уже успел хорошо натренироваться, только вот подходящего человека пока нет. Надо же, как с этим оказывается непросто. На торговой улочке людей хватает, но большинство куда-то спешат. К тому же многие с друзьями или семьями — такие на роль посредника не подойдут.

«Ладно, время у меня есть», — я уже свернулся было клубочком, как вдруг услышал за спиной цоканье каблучков. Женщина в костюме прошла через дверь кондитерской и спросила:

— А Юдзу уже здесь?

— Да, на втором этаже, — ответила девушка за прилавком. Посетительница поднялась по внутренней лестнице. Даже с моим чутким слухом такой далекий разговор не различить. Я решил воспользоваться внешней лестницей и проскользнул в галерею с черного хода.

— Здравствуйте.

Юдзу обернулась на голос.

— А, Исобэ. Добрый день.

Ясно. Значит, эта женщина в костюме — та самая Исобэ, выпускающий редактор Юдзу. Хорошо, что я не выбрал ее посредником. Станный бы вышел разговор. Я мысленно погладил себя по голове за внимательность.

Тем временем беседа продолжалась.

— Я слышала, выставка пользуется успехом.

— Все благодаря вашей поддержке. И спасибо еще раз огромное за помощь с подготовкой, — как всегда робко ответила Юдзу.

— На церемонию вручения успеваете?

— Да. Я вечером еще домой зайду и уже оттуда поеду.

Хм, значит, Юдзу сегодня вручают премию. А вот этого я не знал. Надо намотать на ус.

— Простите уж, что назначили церемонию на период, когда у вас выставка. Так получилось, никак было не подвинуть.

Вечер... Получается, время ограничено. Нельзя его тратить понапрасну. Я парой прыжков преодолел лестницу и вновь вышел на улицу. У плаката с объявлением о выставке на дверях кондитерской как раз остановился мужчина за пятьдесят в деловом костюме. Отлично. Этот годится.

Определившись с целью, я как бы невзначай начал приближаться к нему. Отголосок души отца Юдзу подрагивал на кончике хвоста. Осталось только распушить хвост хорошенько и коснуться им нужного человека. Тогда душа на короткое время подселится в его тело. Ничего сложного.

Однако... возникла заминка.

В тот самый момент, когда мой хвост уже задрожал и распушился, прямо передо мной выскочил какой-то ребенок.

— Вот же!

Все случилось слишком быстро, чтобы я успел отреагировать. Кончиком хвоста я задел ногу мальчика. Первое поручение — и такая оплошность. Это кого угодно выбьет из колеи. А ведь Нидзико предупреждала, чтобы я был осторожнее в момент «пересадки» души и не коснулся ничего по ошибке.

— Душа может вселиться не только в человека, но и в вещь. Поэтому, когда уже приготовился

перемещать душу, нужна внимательность, — предостерегла она.

Я ответил тогда:

— Да уж, если вселить человека в телеграфный столб, поговорить он ни с кем не сможет.

Хотелось бы мне сейчас явиться перед собой в тот момент и хорошенько вразумить — мол, слушай, что тебе говорят, и не расслабляйся. Столько работы — и все насмарку. За такое я штампик не получу... Пока я предавался самобичеванию, мальчик с криком: «Мама!» — забежал в кондитерскую. Женщина, стоящая у витрины, обернулась на голос.

— Ехито, я же просила подождать снаружи с бабулей.

Бабушка мальчика заболталась со знакомой и даже не заметила, как внук направился к лестнице, ведущей на второй этаж кондитерской.

— погоди, туда нельзя, — окликнула Ехито мать.

Однако девушка за прилавком успокоила ее:

— Все в порядке, пусть идет. Там сейчас проходит выставка.

Что же теперь будет?

Я обошел здание, поднялся на второй этаж по внешней лестнице и заглянул внутрь.

— Здравствуй, малыш. Не спеши, осмотрись хорошенько, — тепло поприветствовала юного

посетителя Юдзу. Исобэ уже успела уйти, и в галерее пока никого больше не было. Поначалу мальчик робел, но вскоре увлекся, и глаза его радостно заблестели. Он остановился перед одной из картин.

— Очень красиво! — воскликнул он и с широкой улыбкой на лице повернулся к Юдзу.

— Правда? Спасибо. Эти лотосовые поля я видела в детстве, когда гуляла с отцом.

Тут Ехито вдруг сложил руки в импровизированный квадрат из больших и указательных пальцев. Поднял его к лицу и произнес: «Щелк», — имитируя щелчок камеры. Глаза Юдзу изумленно распахнулись. А затем она улыбнулась. Широко, тепло — совсем как отец. Больше Юдзу ничего не говорила — только тихо следовала за Ехито, пока он обходил выставку.

— Прекрасная работа.

Они остановились у картины в глубине зала, так что я не видел их лиц. Но заметил, что плечи Юдзу подрагивают.

— Спасибо, что зашел посмотреть, — дрожащим голосом ответила она.

— Тебе нелегко приходилось, но вот и твое время настало. Ты сама отыскала свое счастье. Умница.

Юдзу тихо кивнула.

— Ехито, идем домой!

Услышав голос матери с первого этажа, мальчик помчался вниз. Юдзу проводила его долгим взглядом, а затем наклонилась и подняла что-то с пола. На лице ее вновь расцвела светлая улыбка. Когда Юдзу вставала, я сумел рассмотреть листок у нее в руках.

Это был снимок. Снимок прекрасного лотосового поля. Его принес не я. Может, ее отец все же сумел пройти все формальности и выбратся сюда на минутку, чтобы доставить фотографию. А может, он передал ее через кого-то другого. Не все ли равно?

В какой-то момент казалось, что все потеряно, но я все-таки сумел выполнить работу как следует. Уже пора было возвращаться, но настроение до того улучшилось, что я решил еще немного насладиться успехом и заглянуть на церемонию вручения премии.

Главное — не забывать, что я кот-посланник и после завершения работы мне нельзя больше вмешиваться в жизнь заказчика. Так можно и мир исказить. Поэтому до дома Юдзу я следовал за ней крайне осторожно, чтобы она точно не заметила.

У себя она переоделась в нарядное платье из мягкой струящейся ткани, которое ей очень шло. Черный и поблескивающий, словно лоснящийся,

материал напомнил мне шерстку Нацуки. Как у нее дела, интересно?

Перед уходом Юдзу завернула за угол дома, к мусорным контейнерам, и оставила у секции для сжигаемых отходов стопку бумаги. На самом ее верху лежал желтоватый конверт, который Юдзу рассматривала, когда я заглядывал к ней в окошко в прошлый раз. Проходя мимо, я бросил на него взгляд: из конверта торчали документы о брони зала для проведения свадебной церемонии. Бумаги заполнили десять лет назад, но, видимо, залом так и не воспользовались.

Мне вспомнились слова отца Юдзу: «Она с детства была слишком требовательной к себе и в итоге часто терпела неудачу. Талантом Юдзу не обделена, но в решающий момент пасовала и проигрывала детям побойчее. И когда старше стала, тоже немало тягот пережила. А теперь, значит, премию получила... Еще и личная выставка у нее. Какая умница». Во взгляде мужчины тогда читалась искренняя радость за дочь.

На улице у дома Юдзу поймала такси. Мне удалось расслышать адрес, который она назвала водителю, но как же добраться туда самостоятельно? Не успел я поразмыслить об этом, как захлопнувшаяся дверца машины приоткрылась. Видимо, проблемы с доводчиком? Я воспользовался ситуацией и проскользнул внутрь, под

сиденье рядом с водительским, а в конце поездки вылез наружу, пока Юдзу расплачивалась. И никто даже ничего не заметил! Похоже, в скрытности мне нет равных.

— Поприветствуем Юдзу Минами, лауреата премии!

Сияющая, как солнышко, Юдзу так уверенно и легко вышагивала к сцене, что даже я почувствовал гордость за нее. И плечи девушка расправила как следует — никакой больше «кошачьей сутулости».

— Я счастлива, что мои труды были так высоко оценены. Я продолжу рисовать, чтобы покорить новые горизонты.

Среди аплодирующих зрителей я увидел и Исобэ.

— С кем вы хотели бы поделиться этой радостью в первую очередь? — спросил один из членов комитета.

Юдзу несколько смущенно ответила:

— С папой, который гулял со мной, когда я ходила на пленэры*, — а затем вдруг покачала головой: — Но с ним я уже поделилась.

На ее лице засверкала яркая улыбка.

* *Пленэр* — метод, при котором картины пишут с натуры при естественном освещении вне мастерских: на улицах или на природе.

— Отличная работа! Тем более что это твое первое поручение, — похвалила Нидзико, выслушав мой доклад за вечерней уборкой кафе. Правда, она не сдержала смешка, когда я признался, как ошибся во время перемещения души. Обидно, между прочим.

— Похоже, я подхожу для этой работы.

— Нечего нос задирать. А ну-ка, — Нидзико неожиданно ухватила меня за переднюю лапку, которой я как раз почесывал голову, и слегка сжала ее.

Глядя на первый отпечаток лапки — отметку о выполненном поручении, что красовалась напротив моего имени в списке сотрудников, — я довольно дернул усами. До ноздрей вдруг донесся какой-то сладкий аромат. С запозданием я понял: это запах цветущих лотосов.

Второе поручение

Кот Фута покупает торт

1
Я — Фута, полосатый рыжий кот. Прожив девятнадцать лет, три недели назад я попал в «этот» мир и уже успел хорошо тут освоиться.

Кстати, «тот» мир, который люди зовут «реальным», я придумал называть «зеленым». Цвет травы и молодой листвы, он ассоциируется с жизнью... и всяким таким. «Этот» же мир — люди еще говорят «иной» — я окрестил «синим». Как море или небо. Отличные названия, правда?

Обозначать их по цветам я придумал вместе с Нидзико, хозяйкой кафе Pont, что стоит на границе миров. Впрочем, эти названия так всем

понравились, что и остальные кошки, работающие здесь, начали их использовать. Еще одно доказательство моего безупречного вкуса. Впрочем, он и доказательств не требует... А дело вот в чем: может, люди и зовут «тот» мир реальным, а «этот» — миром мертвых, но, если смотреть с моей точки зрения, нынешний мир для меня куда реальнее, чем прошлый.

Впрочем, это сложно понять, пока не ощутишь на себе.

Кстати, если вы думаете, что, попав сюда, можно целыми днями прохлаждаться и маяться от скуки, то сильно ошибаетесь. Дел здесь хватает. С едой и крышей над головой проблем не будет, но лакомства или новые игрушки надо покупать за свои кровные. Конечно, какую-то ерунду на мелкие расходы всем предоставляют, но сильно рассчитывать на нее не стоит. Чтобы хоть немножечко шикавать, все устраиваются на подработку.

Она бывает разная — где-то за хорошую службу можно получать премии или другие приятные поощрения. Меня судьба занесла работать в кафе Pont, которое я упомянул выше. Впрочем, как «судьба» — я просто нашел листовку о поиске сотрудников на доске объявлений.

Это вовсе не кошачье кафе, если что. Как будто я позволил бы толпе незнакомцев тискать себя и бесконечно фотографировать! А ведь говорят,

что такая работа пользуется большим спросом, и многие специально ищут подобные вакансии. Поверить не могу.

— О, Фута! Как первое поручение?

Меня окликнула черная кошечка Нацуки, которая вылизывалась неподалеку: тщательно, от спины до кончика хвоста. Она попала в «этот» мир на три дня позже меня и беспокойно бродила кругами, вот я и окликнул ее, пригласив вместе сходить на приветственную церемонию. Пусть три дня — небольшой срок, все равно он делает меня более опытным обитателем «этого» мира. Значит, мой долг — приглядывать за младшими.

— В какой-то момент мне показалось, что все пропало, но в итоге вышло на удивление хорошо.

— Поздравляю! Котами-посланниками все восхищаются. Мне другие ведьминские кошки рассказывали.

Нечего смотреть на меня такими сияющими глазищами. Аж неловко становится. Кстати, кот-посланник — это и есть моя подработка.

Поручения нам выдает хозяйка кафе Pont, Нидзико. Посетители могут оставить у нее просьбу о желанной встрече, а задача котов-посланников — помочь этой встрече состояться. Так как заказы поступают от жителей зеленого мира, мы, коты, иногда ходим туда по работе, для расследования.

Совсем недавно я как раз справился со своим первым поручением. Кстати, если успешно выполнить пять таких заданий, коту-посланнику позволят раньше положенного срока отправиться в зеленый мир к своему дорогому человеку. Разве не здорово?

— А у тебя как дела? С работой нет проблем?

Нацуки уже успела закончить вылизываться и теперь уютно свернулась клубочком. Услышав мой вопрос, она на мгновение высунула мордочку откуда-то из района живота и ответила:

— Ой, все так сложно. Даже просто удержаться на метле — то еще испытание.

Черная Нацуки устроилась на работу семейным ведьмам. Теперь старшие коллеги усердно тренировали ее летать на метле.

— Научишься еще! Будь все так просто, на небе было бы не протолкнуться от летающих кошек.

— Думаешь, я сумею освоить метлу?.. — сонно пробормотала Нацуки и тихо засопела.

Ну раз она не утратила способность засыпать в любом месте и в любое время, значит, с тревогами своими справится, решил я, глядя, как мерно вздымается черная спинка.

Тихо, чтобы не разбудить ее, я вышел за дверь.

— Сходить, что ли, за новым поручением?

Махнув хвостом, я направился к кафе.

Кафе Pont располагается на границе синего и зеленого миров. Нидзико, его хозяйка, принадлежит к зеленому миру, однако может свободно общаться с кошками. Меню здесь максимально простое, да и время работы невелико — с десяти утра до пяти вечера. Однако, как ни странно, кафе пользуется популярностью. На комодике у кассы кафе красуется почтовый ящик, на котором написано: «Анкетный опрос. С кем вы хотели бы увидеться больше всего на свете?» Я был удивлен, когда увидел, до чего там всегда много заполненных карточек с ответами.

Разумеется, в кафе не исполняют все желания. На такой объем работы никаких котов-посланников не хватит. В Японии говорят: «Занят так, что готов у кота лапку помощи принять», но когда даже коты не справляются, тут уж ничего не попишешь. Нидзико тщательно разбирает карточки с просьбами посетителей и откладывает те, что хочет нам поручить.

По правде говоря, «почтовый ящик» в кафе — это обычная деревянная коробка. Однако не стоит так называть ее при Нидзико, если не хотите получить от нее прожигающий взгляд.

Пересечь два холма, а затем свернуть в третий по счету поворот — узенький проулок между домами, где только кошка и пролезет. За ним

открывается широкий участок на возвышенности, в углу которого и приютился белый домик кафе Pont.

Я пришел в кафе после обеда, ежедневного обхода окрестной территории и короткой беседы с Нацуки. На часах уже перевалило за четыре. Перед дверью сновал незнакомый кот, белый с рыжими пятнами. Когда я собрался зайти внутрь, он предостерег меня:

— Кафе еще открыто.

Точно, Нидзико просила не заходить во время работы заведения, чтобы не смущать посетителей.

— Мы ведь не знакомы, да?

Бело-рыжий кот снова обернулся. Теперь главное — не наседать. Не хватало еще, чтобы он решил, будто я на драку нарываюсь.

— Я попал сюда около двадцати дней назад, — добавил я.

— Уж не Фута ли?

Я изумленно вздрогнул, услышав свое имя от незнакомца.

— Ага, это я.

Тут мой собеседник расслабился и подошел ближе. Голос его зазвучал дружелюбнее:

— Я слышал о тебе от Нидзико. Она тебя хвалила — мол, с первым поручением отлично справился.

Ну надо же! Я довольно усмехнулся себе под нос:

— Есть такое.

— Меня зовут Скай*. Рад знакомству.

Телосложение у Ская было весьма упитанное, и его облик мало вязался с воздушным именем.

Как оказалось, он тут уже почти полгода.

— Мое первое поручение прошло далеко не так гладко, — невесело заметил он, едва не со слезами на глазах.

— Расскажешь?

По правде говоря, не так уж мне и хотелось с кем-то общаться и слушать чье-то нытье. Но, с другой стороны, информация лишней не бывает. Нужно держать ушки на макушке.

— Заказчицей стала девушка, у которой намечалась свадьба. Она хотела повидаться с покойной бабушкой.

— В таком случае отыскать нужного человека в синем мире должно быть не так сложно.

Все примерно как у меня. Что тут трудного?

— С этим проблем и не возникло. А вот поиски заказчицы отняли кучу времени.

По словам Ская, у девушки был роман на расстоянии, так что она много перемещалась по стране,

* Скай — англ. sky — «небо».

и застать ее дома оказалось той еще задачей. В конце концов все же удалось выяснить ее главное желание: она мечтала, чтобы бабушка побывала на ее свадьбе.

— Значит, оставалось вселить кусочек души бабушки в кого-то на церемонии, — кивнул я.

— Ага. Так я и хотел, но...

Из-за заминки в расследовании с бабушкой ему удалось поговорить лишь тогда, когда свадьба уже прошла.

— И как ты поступил? — слушая Ская, я и сам начал отчаиваться.

— Что поделать? Я решил воспользоваться путешествием после свадьбы.

— Медовым месяцем?

— Да-да, именно. Они с мужем отправились на юг к морю. Я хотел сделать посредником хозяйку пансионата, где они снимали домик.

— Вот как. Звучит отлично.

— Но... — на глазах Ская уже отчетливо виднелись слезы.

— Не вышло?

— Когда я попытался приблизиться к той женщине, оказалось, что у нее аллергия на кошек, и она тут же жутко расчихалась. Как тут подступить? Пришлось отказаться от изначального плана. Оставался еще кандидат — инструктор по дайвингу.

Скай заранее выяснил, что пара записалась на урок по подводному плаванию, и в назначенный день спрятался в лодке. Но когда он наконец коснулся хвостом инструктора, все сиганули в воду.

— То есть он передал сообщение прямо в море? — я все яснее понимал, в какой панике был Скай.

— Ага. Разве кто воспримет в такой момент всерьез послание от бабушки: «Поздравляю. Будь счастлива»?

Наверное, большинство решит, что инструктор просто пытается подбодрить.

— Какая жалость, — вздохнул я. Тут же вспомнилась беспомощность и растерянность в момент, когда я сам коснулся по ошибке другого человека. Да уж, тут кто угодно нос повесит.

— Однако в тот момент, — глаза Скай сверкнули, — рядом с ними как раз проплывала рыбка. Их еще зовут «рыбы-клоуны».

— А, знаю-знаю. Яркие такие, полосатые. Оранжево-белые.

— Да-да. И представляешь, какое совпадение — точно таких же рыбок девушка видела в детстве, когда ходила с бабушкой в океанариум! К тому же она смотрела у нее дома мультик как раз про такую рыбку. Поэтому ее вдруг осенило: а, вот оно!

— Так она все поняла?

— Когда вынырнула — полная маска слез была. Все смеялась, что теперь уже не до ныряний. Но так радовалась!

— Вот здорово, — выдохнул я. Прямо у самого на душе потеплело.

— В общем, у меня что ни поручение, то какие-то проблемы.

Скай рассказал, что сейчас занимается уже четвертым по счету.

— Ого, так ты скоро совсем закончишь. Везет, — позавидовал я.

— Не все так просто, — покачал он головой. — Нидзико старается вначале давать поручения попроще, но постепенно их сложность растет.

— Серьезно?!

Я кое-как справился с первым и уже расслабился: решил, что, если и дальше так пойдет, остальные четыре я мигом сделаю. А тут такое открытие.

— В этот раз моя работа — помочь встретиться двум людям из зеленого мира, и я в тупике. Вот, пришел спросить у Нидзико совета.

— Люди из одного мира? Мы и таким занимаемся?

— Странно, да? Сразу думается: ну так пошли бы да увиделись сами. Однако есть особые обстоятельства, которые не позволяют им встретиться. Я начал расследовать их и уже завяз, — уныло покачал головой Скай.

Нидзико сама говорила: «Ерундой мы не занимаемся». И раз уж она взялась за просьбу, значит, у тех людей и впрямь серьезные причины, по которым они не могут так просто устроить встречу без посторонней помощи.

— Вот дела...

При виде павшего духом Ская я начал серьезно сомневаться, что справлюсь с пятью поручениями. Вот и он переживал, что семь месяцев, после которых можно отправиться в зеленый мир, в итоге пройдут быстрее, чем он успеет выполнить все задачи.

— Ладно, что-то сегодня гости в кафе засиделись. Пойду я. Зайду за советом завтра, — решил Скай. Коротко попрощавшись, он затрусил в сторону прохода, ведущего в синий мир.

Стоило ему исчезнуть из виду, дверь кафе, словно по сигналу, открылась. Вышла оттуда не Нидзико, а незнакомая женщина. Видимо, та самая засидевшаяся гостья. Худенькая, невысокая. В бежевых тканевых брюках и темно-коричневой куртке. Волосы коротко острижены, на лице ни следа косметики — издали можно принять за юношу. Возраст... Наверное, тридцать с небольшим. Быстрым шагом она направилась в сторону зеленого мира.

— Фута, ты же тут? Заходи, — окликнула меня Нидзико из кафе, пока я провожал гостью взглядом.

— Как это ты меня заметила? — удивился я, проскользнув внутрь.

Нидзико уже открывала почтовый ящик.

— Скай тоже тут был, да?

— Он хотел о чем-то посоветоваться, но устал ждать и ушел.

— Нехорошо получилось.

Поразительно, как Нидзико контролирует, что происходит вокруг кафе, даже когда сама находится внутри. Неужели все управляющие умеют так точно отслеживать, где их сотрудники? Тут даже не знаешь, восторгаться или пугаться...

— Хочешь взяться за это поручение?

Нидзико показала мне одну из карточек. На ней было написано:

Хочу встретиться с ней.

— «С ней»? И все? Больше информации нет? — опешил я.

— Это написала женщина, которая только что ушла. Ты ее видел.

Ах да, та, с короткой стрижкой.

— Ага.

— И разговор наш тоже слышал? У кассы.

— Нет, ни слова.

Я так увлекся рассказом Скай о его первом поручении, что на происходящее в кафе вообще внимания не обращал.

— Чем вы тут занимались оба? Нужно держать уши на макушке! — с досадой покачала головой

Нидзико и принялась рассказывать о клиентке: — Она пришла после трех дня. Похоже, что после работы. Заказала горячее молоко.

— Молоко? А что, взрослые его тоже пьют?

Когда я был еще совсем котенком, мама Ми-тиру налила мне молоко в блюдечко. А как только я принялся пить его, похвалила: «Умница, все понял», — и погладила по голове.

— Я добавляю в горячее молоко мед, который придает ему нежную сладость. Оно очень вкусное, — гордо заявила Нидзико, но на меня ее хвастовство впечатления не произвело. Это вообще нормально — брать с людей деньги за обычное подогретое молоко? Впрочем, раз посетителей все устраивает, почему нет.

— А дальше?

Нидзико так увлеклась расхваливанием своего фирменного напитка, что совсем забыла, о чем говорила изначально.

— Ах да. Женщина, после того как допила молоко, какое-то время просто отдыхала, но вдруг обратила внимание на календарь на стене и поспешно засобиравалась.

— Хм. Наверное, вспомнила срочные дела?

— Мне тоже так показалось. На кассе она спросила у меня, не знаю ли я хороших кондитерских, где можно заказать целый торт.

— Про чей-то день рождения вспомнила, значит.

Нидзико велела тренировать силу воображения, и я не пропустил совет мимо ушей.

— Ага. Сказала, что скоро день рождения ее дочери. Я посоветовала ей свою любимую кондитерскую. Там очень красиво украшают десерты. Их фирменные булочки шу такие популярные, что за ними вечно очередь выстраивается!

— Булочки шу! — я так и подпрыгнул на месте. Еще бы! Это мое излюбленное лакомство. На праздники в доме Митиру всегда покупали тортики и пирожные. На день рождения папы — чизкейк, на мамин — кремовый торт с клубникой, а для Митиру — булочки шу. И она всегда давала мне немного полакомиться их кремом. Он был таким нежным, сладким и тающим во рту...

Голос Нидзико вернул меня в реальность — я так замечтался о вкусах, что совсем перестал участвовать в разговоре.

— Фута, ты меня слушаешь?

— Да-да. Ты подсказала клиентке кондитерскую, где делают вкусные булочки шу.

— Не совсем, ну да ладно. Кстати, ее зовут Хидзуру Сосигая, — Нидзико прочитала имя женщины на обратной стороне карточки. — Она достала телефон и тут же нашла сайт кондитерской.

— Хотела узнать, как туда добраться?

— И это тоже... А что еще, по-твоему, ей захотелось сразу проверить?

— Ну-у... — я задумался.

— Поразмысли хорошенько. Включи воображение.

— Адрес, время работы. Меню. Есть ли у них торт, который больше всего нравится дочке.

— И еще кое-что. Это ведь торт на день рождения любимого ребенка. Скорее всего, для него и надпись захочется заказать особую.

Тут меня осенило. Усы победно дернулись.

— Она хотела уточнить, успеют ли сделать его в срок!

— Именно. Хидзуру всегда заказывала на день рождения дочери целый торт с поздравительной надписью. Но в этот раз заработалась и едва не забыла оставить предварительный заказ. Вот почему она и заспешила.

— И что, она успевает?

— На сайте было написано, что предзаказ у них минимум за три дня до нужной даты. Так что впри-
тык, но успевает. Она очень обрадовалась.

— Прекрасно.

— Перед уходом Хидзуру заметила почтовый ящик у кассы и заполнила карточку.

— Но что еще за «она» такая? Кто-то из друзей? Родственников?

— Понятия не имею. Но она выглядела грустной, когда писала это, а выяснить остальное — уже твоя работа.

Так я взялся за новое поручение.

2

Я уверенно зашагал вниз по крутому склону к мосту, который соединял зеленый и синий миры. Рядом с ним примостилась будочка привратника, похожая на телефонную. Оттуда донесся хрипловатый голос:

— Привет, новичок! Все пучком?

Из будки выглянул уже знакомый мне черный с рыжими подпалинами кот, который присматривал за мостом. Прозвище «новичок» мне не очень-то нравилось, но с досадой приходится признать: для этого прожженного котяры с его опытом работы тут я и впрямь все равно что неоперившийся птенец.

— Да-да, — я протянул разрешение на проход, выписанное Нидзико. Там красовалась ее фирменная печать с милой картинкой — кот на фоне радуги.

— О, кондитерская «Амбруаз»? Там очень вкусные пирожные.

— Мне говорили. Мол, за ними даже очередь выстраивается.

— Булочки шу у них купить непросто. Мигом разбирают. Мне их даже видеть не приходилось. Но остальные их десерты я хорошо знаю. Фруктовый тарт, например, там просто объеденье, — кот облизнулся. Похоже, есть и другие коты-сладкожки, кроме меня. Я бы еще побеседовал с привратником про десерты, но плохо будет из-за этого разминуться с заказчицей. Надо спешить.

Привратник проверил печать и пропустил меня дальше. Небольшой спуск с холма — и вот я уже напротив вывески «Амбруаз». Да как это работает? Каждый раз удивляюсь системе перемещений, но в чем тут секрет, так и не понял. Ну и ладно. Видимо, кто-то устроил все как надо, вот и все дела.

Перед кондитерской стояла очередь человек в десять. Кто-то уткнулся в телефон, кто-то рассеянно смотрел по сторонам, кто-то читал книгу — все выглядели спокойными и нисколько не раздраженными необходимостью ждать.

В такие моменты я вспоминаю, до чего же люди все-таки странные создания. Зачем тратить впустую столько времени просто для того, чтобы что-то купить? Будь я на их месте, уже махнул бы на это все лапкой и отправился искать

пропитание куда-нибудь еще, ну или просто повалялся на солнышке всласть — и полезно, и настроение поднимет. Разве не так?

Какое-то время я наблюдал за тем, как очередь то растет, то уменьшается, и уже почти задремал, как вдруг легкий силуэт в спешке подлетел к кондитерской.

А вот и она.

Все те же куртка и брюки. Кроссовки на ногах, уже весьма стоптанные и потрепанные. Сначала женщина встала в очередь, но потом видимо сообразила, что все стоят за булочками шу, поэтому обошла их и скрылась за дверями кондитерской. Я прокрался поближе, чтобы подслушать разговор в заведении.

По словам Нидзико, в день нашей первой встречи женщина заказала торт. Теперь, три дня спустя, она должна была прийти забрать его. Поэтому я решил начать расследование сегодня — и не прогадал.

— Я заказывала у вас целый торт на имя Хидзуру Сосигая, — голос у женщины оказался звонкий и четкий. Слушать приятно.

— Здравствуйте! Сейчас уточню. Шоколадный, верно?

Видимо, продавщица показала Хидзуру торт: я услышал шорох коробки.

— Ой, какой милый! — радостно воскликнула та.

— Проверьте, нет ли ошибок с надписью.

Видимо, Хидзуру попросила, чтобы на торте написали персональное поздравление.

— «Хими, с днем рождения», — вслух прочла Хидзуру. — Да, все верно.

— К тарту нужно шесть свечей, правильно? — продащица снова зашуршала упаковкой.

Вскоре Хидзуру вышла из магазина, бережно придерживая обеими руками белую картонную коробку. Я последовал за ней.

Жила она в тихом закрытом квартале, в новеньком частном домике с именной табличкой «Сосигая». Хидзуру прошла во двор и ключом открыла входную дверь. Я проскользнул в щель под калиткой и спрятался в неприметном углу внутреннего дворика. Уютное местечко — тут можно долго пролежать в засаде безо всяких проблем. Я прислушался к звукам, доносящимся из дома, но ничего особенного не уловил. Хидзуру переодевалась, хлопала дверью холодильника и все такое. Ее муж и дочь, похоже, еще домой не вернулись.

Дворик выглядел заросшим: трава высокая, кусты не подстрижены. Я попробовал пару травинок на вкус из интереса, но они пришлись мне не по душе. Зато стебельки с пушистыми

кисточками славно качались на ветру, и я даже попрыгал за ними немного, но вскоре мне и это надоело.

— Почему ее домашние все не возвращаются? День рождения ведь.

В небе заблестели звезды, и круг луны поднялся над крышами. Вечер переходил в ночь. Наконец перед домом остановилась машина. Из нее вышел высокий мужчина.

— С возвращением, — встретила его Хидзуру. Похоже, она устала ждать: голос ее звучал глухо.

— Прости, что припозднился. Сегодня ведь ее день рождения, — извинился мужчина.

— Ты помнишь...

— Конечно, помню.

Хидзуру замолкла, и муж продолжил, словно пытаясь ее растормошить:

— Ты ведь купила торт, да? Давай выпьем чаю.

— Идем, — сказала Хидзуру чуть бодрее. — В этом году я заказала торт в кондитерской, которую мне посоветовала владелица одного кафе. Сначала подумала: может, рановато еще покупать шоколадный торт, но ведь в шесть лет детям уже можно такие, да?

— Ага, — теперь притих муж.

— И я купила шесть свечей.

В окне задрожали огоньки тонких свечек. Затем они погасли: видимо, Хидзуру с мужем их задули.

— Будь она жива, в этом году пошла бы в школу, — дрогнувшим голосом произнесла Хидзуру.

Больше они не разговаривали — из дома доносилось только позвякивание столовых приборов о тарелки.

3

— Каково это — потерять ребенка? Как думаешь? — спросил я у Нацуки. Та была занята чтением какой-то мудреной книги, как я узнал после, руководства для кошек — ведьминских фамильяров. Впрочем, все это время Нацуки смотрела на одну и ту же страницу и дальше чтение не продвигалось. В конце концов она просто улеглась на книгу.

— У меня не было детей, но моя подруга рожала котят.

Как и я, Нацуки была домашней, но иногда выходила погулять и поучаствовать в кошачьих сборищах, поэтому водила дружбу кое с кем из бродячих кошек. У меня тоже такие товарищи имелись, но мы чаще гонялись друг за другом или в шутку боролись, чем разговаривали по душам.

— На улице малышей не вырастишь, поэтому обычно она подыскивала котят дом. Часто приводила их к людям по одному, если не была уверена, что смогут забрать всех разом.

— Непросто ей приходилось.

Я свою маму не помню. Папа Митиру говорил, что нашел меня по пути с работы, когда я в одиночестве дрожал от холода на пустой парковке. Я был еще совсем крохой — едва ли не новорожденным. Скорее всего, мама-кошка, как и знакомая Нацуки, специально оставила меня там, где подберут заботливые люди.

— Конечно, она грустила, когда приходилось разлучаться с детьми, но она хотела, чтобы те росли счастливыми и здоровыми, пусть и вдали от нее. Это было для нее главным.

Я мысленно поблагодарил свою маму-кошку. В доме Митиру я прожил счастливую жизнь в тепле и сытости — о лучшей и мечтать нельзя.

— Но все равно иногда кто-то из ее котят умирал. Она говорила, что это... как там оно, «отбор», кажется?

— Естественный отбор. Тоже что-то про баланс, который удерживает мир от «искривления». Как и здешние правила.

Я вспомнил неуютную тишину в доме Сосига. И муж, и жена за столом, но все равно в их доме ощущались пустота и одиночество.

— Возможность прожить длинную жизнь — настоящее чудо, — улыбнулась Нацуки. Глаза ее ярко сверкнули. Она изменилась за время, которое работала с ведьмами. Я похвалил ее про себя и вновь воспрянул духом: раз Нацуки старается, нужно и мне не подкачать и как следует выполнить поручение.

4

На следующий день я решил начать расследование с дома Хидзуру. Пришлось даже встать пораньше, еще до восхода солнца, — а это мне ох как непросто дается. Борясь с сонливостью, я добрел до нужного адреса и спрятался в гараже Сосигая. Хидзуру вышла из дома спозаранку — на улице едва рассвело. Муж ее, наверное, еще спал. Одетая женщина была, как и в прошлые разы, просто и практично. Я последовал за ней.

Небольшая прогулка — и мы с Хидзуру дошли до здания с вывеской «Детский сад “Жираф”». Перед входом располагалась детская площадка с песочницами. Несмотря на столь ранний час, там уже гуляло несколько малышей.

— С добрым утром! — бодро поздоровалась с Хидзуру девочка в песочнице и помахала ей розовым ведром.

— Привет, Мио, — та весело махнула ей в ответ. Видимо, Хидзуру работает тут воспитательницей.

Понаблюдав за садиком, я понял, что ее здесь все любят — и дети, и коллеги. Она была заботливой, расторопной, веселой, и ее залиvistый звонкий смех то и дело раздавался из разных частей сада.

Мне весь день приходилось прятаться то тут, то там, пока кто-то из малышей вдруг не обнаруживал меня и не начинал преследовать с криком: «Котик!» Тогда наступало время улепетывать. Ну почему дети вечно такие: бросаются ко мне со всех ног с визгом, даже не думая о том, в настроении ли я общаться? Сколько можно этой беготни! Пока я пытался не попасться на глаза воспитанникам садика, настала вторая половина дня. Постепенно за ними начали заходить родители — кого-то забрали уже сразу после обеда. Мио, которая встретила Хидзуру с утра пораньше, вскоре тоже с криком «Мама!» бросилась к появившейся в воротах женщине в строгом синем костюме.

— Добрый день, — поприветствовала ее Хидзуру, выйдя на улицу вместе с Мио.

— Здравствуйте! Спасибо за ваш труд.

— Мио стала такой заботливой с другими детьми. Прямо старшая сестренка.

— Правда? Ну, скоро ведь в школу. Надеюсь, она там освоится, — улыбнулась мать Мио.

— Первый класс, да? Наша тоже... — Хидзуру замолчала на полуслове.

Ее собеседница опустила глаза. Похоже, история Хидзуру была ей известна.

— Простите.

— Что вы, не стоит. Эта работа для меня улада для сердца.

— Вот как...

Тут в разговор вмешалась Мио — она дернула Хидзуру за рукав и, выглядывая из-за маминой ноги, заговорщицким тоном произнесла:

— А мы завтра пойдем выбирать ранец!

— Вот это да! Как здорово, — также вполголоса, словно по секрету, ответила ей Хидзуру.

— Нынче такой выбор: и дизайн разный, и цвета, — покачала головой мать Мио. — В мое время мальчики ходили с черным ранцем, а девочки с красным. Иногда с розовым — это было пределом мечтаний.

Пока женщины переговаривались, Мио достала у мамы из сумки каталог и принялась его листать.

— Я хочу вот этот зеленый!

— Покажи-ка?

Хидзуру склонилась над каталогом, и Мио вдруг протянула его ей.

— Дарю!

— Мио, будет тебе! — одернула девочку мать.

— Ого, какой большой выбор! — Хидзуру с увлечением начала листать каталог.

— Можете взять, если интересно. Нам их в ящик кидают один за другим, уже деваться некуда, — улыбнулась женщина.

В глазах Хидзуру мелькнула печаль, но затем она вновь просветлела и радостно проводила удаляющихся мать и дочь.

— Смотри! Сколько нынче видов ранцев есть, не то что раньше!

Муж Хидзуру, как и в прошлый раз, вернулся домой поздно, после десяти вечера. Женщина тут же принялась показывать ему страницы подаренного Мио каталога.

— Интересно, какой цвет пошел бы Хими. Мне нравится сиреневый, но ей, наверное, захотелось бы чего-то помилее. Может, вот этот жемчужно-розовый? — Хидзуру увлеченно зашуршала страницами. — Как думаешь?

Я услышал короткий «звук». Судя по всему, кто-то поставил на стол стеклянный бокал. Наверное, муж Хидзуру пил воду, а может, и что покрепче после рабочего дня.

— Не пора ли прекратить? — глухо произнес он. Он говорил негромко, и тон его не был

приказным. Скорее фраза походила на сдавленную мольбу.

— Почему? Я же просто воображаю, — тихо ответила Хидзуру.

— Шесть лет прошло. Она ведь даже не родилась, а ты все продолжаешь праздновать ее день рождения. Теперь и поступление в школу? Сколько еще ты планируешь продолжать в том же духе?

— Мне нельзя даже пофантазировать о том, как я растила бы ребенка? Раз не сумела родить — так и мечтать не имею права? Несправедливо. Женщина, которая забеременела в один год со мной, завтра с дочкой пойдет выбирать школьный ранец. Могу же я хотя бы пофантазировать о чем-то подобном.

— Мне ведь тоже грустно. Но порой я не успеваю за полетом твоей фантазии. И мне становится страшно: не слишком ли ты увлеклась? Не потеряла ли грань между реальностью и грезами?

— Я прекрасно знаю, где мечты, а где реальность. Каждый день за чужими детьми присматриваю. Хотя порой и хочется все бросить: думается, зачем мне возиться с ними, если я даже не могу родить своего. Однако такова реальность. И я это понимаю.

Голос Хидзуру оборвался. Дом Сосигая вновь охватила гнетущая тишина.

— Детям, которые умерли в утробе, тут не дают нового имени.

В камине уютно потрескивал огонь. В кафе он горит все время, даже летом и весной. Хотя, может, Нидзико зажигает его только по вечерам, когда к ней приходят коты-посланники. Мы ведь любим уютное тепло. Я растянулся на полу перед камином, и на меня тут же накатила сонливость. Пришлось поспешно подавить зевок. Я же на работе.

— И как тогда ее искать?

Во время своего первого поручения я передавал заказчице частичку души ее отца. Через специальную базу Нидзико помогла мне отыскать его особое прозвище для синего мира, и уже по нему мы нашли его здешний адрес.

— К тому же она ведь и не родилась. Разве можно с ней поговорить?

Отец заказчицы пребывал в синем мире в том возрасте, который сам для себя выбрал, а не в том, в котором умер, — как и все прочие его обитатели. Поэтому он выглядел при встрече лет на сорок — наверное, то было время расцвета его карьеры.

— Можно. В синем мире такие дети растут, как обычные.

— Правда?

Нидзико объяснила, что, хоть дети и не появились на свет, они все же были какое-то время в зеленом мире, поэтому, умерев, как и все, перемещаются в синий. Однако особых имен-прозвищ они не получают, и у них довольно большая свобода перемещений.

— Тут есть место, где заботятся о них. Что-то вроде детского садика.

Оказалось, что затем подросшие дети отправляются в местную младшую школу. Подумать только, до чего похожи два мира, в самом деле! Не такой уж и четкой оказалась граница между фантазией и реальностью, о которой говорил муж Хидзуру. Впрочем, сообщать ему об этом — не моя работа. Сам поймет.

— Значит, я смогу найти там девочку?

— Ага. Возраст ведь знаешь и имя тоже.

— Да-да. Хими, исполнилось шесть лет.

— А, «Хи» из Хидзуру и «Ми» из Минору, да?

— Мужа Хидзуру зовут Минору? Откуда ты знаешь?

— Ой, я тебе не показала?

Нидзико продемонстрировала мне открытку, которую заполнила Хидзуру. На обратной стороне значилось: Сосигая Хидзуру & Минору.

— Это что же получается...

Конечно, желание загадала Хидзуру. Но раз на открытке стоят два имени, значит, послание

нужно передать обоим. Поручение-то выходит двойным.

— Если не удастся с обоими — подойдет и одна Хидзуру. Я все равно засчитаю поручение как выполненное, — ободрила меня Нидзико. На душе стало легче. Однако сомнение не отпускало. Правда ли достаточно лишь Хидзуру?

Это все обостренная ответственность, собственная рыжим котам.

6

Отыскать садик синего мира оказалось на удивление просто. Жить дети могут в разных местах, на свой вкус, но вот садик явно должен находиться где-то, куда даже маленькому ребенку легко добраться из любой части города. Значит, вероятно, центр. И чтобы вокруг было зелено и хватало пространства для прогулок.

И еще.

Наверняка к нему не ведут крутые спуски и подъемы.

В синем мире много холмов. С их вершин открываются красивые виды, и потому такие места пользуются популярностью, но детям тяжело добираться до садика по дороге, где надо

постоянно идти вверх и вниз. В общем, я определился с условиями, исключил все неподходящие части города и в итоге отыскал протяженное и ровное место, соответствующее запросу. Пришел туда — и сразу набрел на садик. Вот она — сила воображения! Не зря тренировал ее изо дня в день.

Стоило лишь зайти на территорию садика, как меня тут же окружили дети.

— Котик! Какой милый!

Я попытался было улизнуть, но...

— Постой! Дай поглажу!

Да уж, дети во всех мирах одинаковые. Сплошное беспокойство. Еле как я сумел пробиться к входу в здание.

— О, кот-посланник?

Сотрудница садика подошла ко мне и ласково потрепала по подбородку. Хорошо бы они учили детей не только творчеству и математике, но и тому, как правильно обращаться с кошками.

— Да. Хочу встретиться с Хими Сосигая, — сквозь мурчание ответил я.

— Хими, значит! Где же она? — воспитательница заозиралась по сторонам и тут же тихо засмеялась. Я проследил за ее взглядом и нашел глазами девочку, сидящую под столом в центре комнаты.

— У Хими очень тонкое чувство прекрасного.

Она увлеченно рисовала цветными карандашами. Яркая картина, похожая на изображение радужных мыльных пузырей в небе, выглядела теплой и умиротворяющей.

— Наверное, это благодаря тому, что она воспринимала из внешнего мира, когда еще была в животе матери, — объяснила воспитательница, а затем окликнула девочку: — Хими, к тебе пришли!

Она рассказала Хими, кто я такой.

— Значит, мама с папой хотят со мной повидаться? — Глаза у малышки были большие и черные, совсем как у Хидзуру. — Здорово!

Хими радостно подпрыгнула на месте — живой, веселый нрав тоже, наверное, у нее от матери.

— Если хочешь что-то им передать, скажи этому котiku. Он доставит послание, — объяснила воспитательница.

На лице Хими отразилось замешательство.

— Я очень рада, что мама с папой меня помнят. Но у меня тут все хорошо, и я хочу, чтобы они меньше грустили. Я ведь в этом году уже в школу пойду!

Тут личико Хими приобрело такое гордое выражение, что я прыснул от смеха. Все же ребенок может быть не только шумным и раздражающим. У меня самого детей нет, но, думаю,

я отчасти понял, какие чувства к ним испытывают. Родители желают детям счастья, а дети хотят для них того же. Тут люди и кошки одинаковы.

7

По правде говоря, плана у меня не было.

Я пронес в мир людей частичку души Хими, но так и не решил, когда лучше передать послание Хидзуру. Конечно, здорово было бы сделать это в доме Сосигая — тогда получится встретиться с обоими... но попробуй приведи постороннего человека в чужой дом. Тут лучше не хвататься за все и сразу, а сосредоточиться лишь на Хидзуру. Я направился к садику.

Притаившись у ворот, я дождался Хидзуру. Она пришла в то же время, что и в прошлый раз, с улыбкой поздоровалась с играющими во дворе детьми и зашла в здание.

Ну, поехали.

Сначала предстояло решить, кому доверить частичку души. В сад одного за другим приводили детей. Они то и дело обнаруживали меня и пытались схватить, что нисколько не упрощало задачу.

К тому же, пока я от них уворачивался, у меня не было возможности сконцентрироваться на передаче души.

Частичка души Хими дремала во мне, и, чтобы вселить ее в кого-то, надо прикоснуться к нему кончиком хвоста. Правда, в теле живого частичка души сохранится совсем ненадолго. Если за это время послание не передать, все старания пойдут прахом.

Тот, кому «передастся» душа, ничего не запомнит, а минуты короткой «одержимости» покажутся ему долей секунды. В общем, люди даже не замечают, что сыграли роль посредника, — для них все длится мгновение. Нидзико объясняла, что время в синем и зеленом мирах течет немного по-разному. Звучит вполне логично. Даже в одном лишь зеленом мире время в разных точках Земли отличается. А тут — разные миры!

Я наблюдал за прибывающими в садик родителями и детьми. Время шло, а мне все никак не удавалось определиться.

Пока частичка души у меня, она не исчезнет так быстро. Когда настанет время, я сконцентрирую ее на кончике хвоста, но пока она надежно спрятана, не передастся никому и не сбежит, даже если я коснусь чего-то. Однако чем дольше частичка души у меня, тем быстрее она

теряет свежесть. Тут как с овощами или фруктами. Если душа успеет поблекнуть и увянуть, ее изначальные качества изменятся. Чтобы передать волю умершего без искажений, нельзя медлить.

И еще один важный момент. У нас, кошек, весьма короткая память. Поэтому лучше передавать послание поскорее, пока оно не успело забыться. В общем, не время откладывать.

Так, паника делу тоже не поможет. Надо немного успокоиться.

Утро постепенно переходило в день, новых детей уже не приводили. Малыши в садике разыгрались вовсю, и приближаться к ним сейчас было бы неразумно. Когда время перевалило за полдень, я устал ждать и слегка задремал. Вернее, собирался просто подремать — но, когда открыл глаза, уже начало смеркаться. Я так и подскочил на месте.

В песочнице пусто. И в здании тоже никого. Даже думать не хочется о том, какую выволочку Нидзико устроит мне за то, что не вовремя уснул и провалил задание.

Надо поскорее выбрать на роль посланника хоть кого-нибудь! Как раз когда я подумал об этом, в ворота садика зашла младшеклассница с ранцем за спиной. Она выглядела высокой и подтянутой — наверное, уже готовилась перейти в среднюю школу.

Сейчас!

Я без колебаний скользнул девочке под ноги и легко провел хвостом по ее коленке, надеясь, что она справится. Бросив полный мольбы взгляд на посредницу, я притаился неподалеку и принялся наблюдать.

— Здравствуйте. Я старшая сестра Мио Ватанабе, — звонкий девичий голосок разнесся по улице. Из дверей садика выглянула Хидзуру.

— Ой, здравствуй! Какая ты молодец. Сама пришла за сестрой? — с удивлением спросила она.

— Папа ждет в машине на улице. Он не нашел, где припарковаться, так что остался в машине.

Очень смышленная девочка.

Впрочем, важнее другое. Душа Хими до сих пор никак себя не проявила. Неужели что-то пошло не так? Я уже сделал все, что мог, и теперь оставалось только нервно следить за ней и проклинать свое бессилие.

Мио с криком «Сестренка!» выбежала из садика. Она казалась совсем неразумной крохой, а ведь всего через несколько лет станет вполне самостоятельной, как сестра. Поразительно, до чего дети меняются, когда растут. Я попытался вспомнить Митиру младшекласницей. Тогда я и сам был еще котенком, поэтому мало что осталось в моей

памяти. Разве что то, как весело мы играли с ней в догонялки.

— Идем домой. Мама сегодня задержится на работе. Зато дома нас ждет вкусненькое! — ласково обратилась сестра к Мио.

— О, а что?

— Тортик. Мама купила перед работой. С клубникой, как ты любишь.

Мио радостно заскакала вокруг сестры.

— А я, — тут сестра Мио вдруг посмотрела прямо на Хидзуру, которая явно удивилась неожиданному зрительному контакту, — люблю шоколадный торт. Особенно когда на нем красивые украшения в виде роз.

Девочка широко улыбнулась. Мио приплясывала вокруг с криками: «Клубничка!» — и не обратила внимания на речь сестры, но вот Хидзуру точно все услышала.

— А в возрасте Мио уже можно шоколадный торт? — спросила она.

Сестра Мио кивнула:

— Было очень вкусно.

В ее голосе и выражении лица появилось что-то очень невинное и детское, как у ребенка, который едва достиг школьного возраста.

Хидзуру улыбнулась ей в ответ:

— Ясно. Значит, тебе понравилось. Какая ты уже взрослая...

Женщина долго смотрела вслед шагающим рука об руку девочкам. Рюкзак старшей сестры Мио был светло-розовым. Наверное, это и есть тот «жемчужно-розовый» цвет, о котором говорила Хидзуру мужу. Она прижала руки к груди.

— Как быстро растут дети, — тихо пробормотала она.

После успешной передачи послания я какое-то время шатался по опустевшему садику. На улице совсем стемнело. Хидзуру давно ушла домой. Я был доволен проделанной работой, однако кое-что по-прежнему не давало мне покоя.

Внутри меня еще теплился крохотный отголосок души Хими. Все потому, что втайне я желал оставить хотя бы чуть-чуть, когда передавал волю Хими сестре Мио.

Заказчиков ведь было два — Хидзуру и ее муж. Значит, надо бы передать весточку от Хими обоим. Это мое желание и привело к тому, что кусочек души откололся. Я даже не знал, что так можно, и понятия не имел, насколько большая частичка души у меня осталась. А вдруг она уже не будет иметь никакого эффекта, вдруг осколок слишком уж незначителен?

Тем не менее я все равно решил попытать счастья и направился к дому Сосигая. Муж Хидзуру как раз ставил машину в гараж. Едва ли по этой тихой улочке в столь поздний час пройдет кто-то,

кто сумеет передать послание... Ничего не поде-
лаешь, тогда придется отступить.

Тут Минору вышел из машины, чтобы открыть
дверь гаража. Похоже, автоматика сломалась, вот
и приходится возиться с ней вручную. А, была
не была. Я шустро проскользнул к машине, рас-
пушил хвост и коснулся его кончиком темно-синего
корпуса автомобиля. Радио в салоне в ответ зашур-
шало, а затем заиграло какую-то мелодию.

— С возвращением! — Хидзуру встретила мужа
у порога. Выглядела она куда радостнее, чем вчера.

Минору прошел в комнату и сел за стол.

— Слушай, может, на выходных съездим в тор-
говый центр? — предложил он. — Купим что-
нибудь в честь начала учебного года для Хими.

— А?

— Ранец, конечно, брать не станем. Но можно
взять что-то, чем сами потом будем пользовать-
ся. Например, цветные карандаши в подарочной
упаковке. Что думаешь? Почему бы нет? Уж вре-
да от них точно не будет.

Я не услышал ответа Хидзуру — понял лишь,
что она плачет. В комнате повисла тишина, но со-
всем не такая, как прежде. Сейчас она казалась
умиротворяющей и теплой.

— Удивительное дело, — сказал Минору. —
Когда я сегодня завел машину, чтобы поставить

ее в гараж, радио вдруг включилось и заиграла песня. Та самая, которую я частенько пел, когда ты была беременна Хими.

— Помню-помню. Ты постоянно ее напевал тогда, мне даже надоест успело. Говорил, это полезно для ребенка, — в дрожащем от слез голосе Хидзуру послышался смех.

— Воспоминания — они ведь, наверное, тоже растут, если бережно их взращивать...

— Да. Наша девочка счастливо выросла где-то там. Можно больше за нее не переживать.

8

Длинный выдался денек.

Я легкой походкой пересек мост и направился к кафе.

— А ты припозднился.

Нидзико все еще меня ждала.

— Я думал, ты уже ушла, — удивился я. До чего приятно, когда кто-то терпеливо ждет твоего возвращения. И огонь в камине она, наверное, специально для меня разожгла. Пока я рассказывал о сегодняшнем поручении, Нидзико то расплывалась в улыбке, то утирала слезы — в общем, явно не скучала.

— Какой ты молодец. Обоим смог что-то передать, — похвалила меня Нидзико и поставила вторую печать о выполненной работе.

— Уже поздно, так что ступай домой спать. Кстати! Твоя подружка, черненькая кошка Нацуки, скоро дебютирует как полноправная ведьминская кошка.

Под «подружкой» Нидзико явно подразумевала что-то не то. Напридумывала себе. Но откуда она вообще знает о Нацуки? Мне о многом хотелось спросить Нидзико, но я уже так и клевал носом.

Я зевнул так широко, что глаза превратились в узкие щелочки. Наверное, можно подремать немного, пока Нидзико будет прибираться в кафе. Камин так приятно потрескивает...

Третье поручение

Кот Фута резвится в поле

1

В последнее время я много размышлял о любви. Кошкам непонятны человеческие метания вокруг романтики и влюбленности. Как люди умудряются все запутать в таком простом деле? Порой мне кажется это невероятно странным — особенно после расследования, связанного с нынешним поручением.

Ты встречаешь кого-то, с кем хочешь провести жизнь, и вы держитесь вместе. Живете себе спокойно, заботитесь друг о друге, наслаждаетесь обществом любимого. Что тут такого сложного?

Стоит одному начать подозревать в чем-то свою половинку или цепляться к ее недостаткам — так и второй начинает отвечать тем же. А вот если оба пойдут на уступку и сделают шаг навстречу друг другу, пара сблизится сразу на два шага. Неужели не все это понимают?

Я хотел поделиться своими соображениями с Нацуки, однако не обнаружил ее на привычном месте.

— Нацуки! — Я вышел на улицу, оглядываясь по сторонам, и черная кошечка вынырнула из тени дерева неподалеку. На шее у нее красовалась алая ленточка.

— Что скажешь? — спросила она.

Мне уже доводилось встречать в «зеленом мире» черных кошек с красной ленточкой на шее. Они всегда напоминали мне мягкие игрушки с полки детского магазина. Однако Нацуки украшение как-то особенно шло и смотрелось на ней очень мило и вовсе не «игрушечно». Да она просто красавица! Я так удивился, что дар речи потерял.

Нацуки поняла мое молчание по-своему и смутилась:

— Странно выглядит?

— Вовсе нет. Тебе очень идет, — уверенно ответил я. — Но с чего ты так принарядилась?

Неужели на свидание собралась? Это внушает беспокойство.

— Так выглядит официальная форма кошки-фамильяра. Мне положено носить ленточку на работе.

Нацуки присела рядом. Только тут я вспомнил. Нидзико ведь упоминала, что Нацуки собирается дебютировать в качестве «ведьминской кошки». Как это я забыл!

— Поздравляю.

Выходит, ее обучение закончено.

— Я пока все равно много ошибаюсь, но мне сказали, что совершенствоваться надо на практике.

— Значит, сидеть на летящей метле ты научилась?

Прежде Нацуки жаловалась, что это ей плохо дается.

— Одной мне пока нельзя летать. Слишком опасно. Но я уже летаю вместе с ведьмой и учусь дальше понемногу. Когда совсем освоюсь, мне выделят особую личную метлу.

— Всему свое время, — кивнул я отчасти самому себе. — Удачи тебе.

Нынешнее поручение оказалось сложным, и я застрял уже на этапе расследования. Однако...

— И у тебя пусть все получится, — Нацуки подняла на меня свои огромные глаза и дружелюбно махнула хвостом.

— Ага! — уверенно кивнул я. Надо постараться!

Люди вечно проводят время, уткнувшись в телефон. Что тут хорошего? За едой, в транспорте, на остановке... Да даже на ходу умудряются держать его в руке и глаз от экрана не отрывают! Словно без него и шагу сделать не могут. Более того — они и вслух разговаривать прекращают, а все общение переносят на тот же экранчик.

У нас, котов-посланников, исключительно хороший слух. Впрочем, он у всех кошек отличный. Мы умеем разделять важные и неважные звуки и цепко улавливать нужную информацию. Даже телефонный разговор можем уловить с обеих сторон, если хорошенько прислушаться. Это очень удобно для расследований.

Но в последнее время вместо бесед вслух люди все чаще обмениваются сообщениями, и тут кошки бессильны. Зрение у нас не такое острое, и разглядеть буквы на экранчике вдали даже нам не просто. А если подбираться поближе, привлечешь ненужное внимание. И как тут прикажешь быть?

Вот и Юдзи Тодо, муж моей нынешней клиентки Фуми Тодо, с головой погружен в обмен сообщениями. Судя по мечтательному выражению лица, переписывается он со своей любовницей, Аской Нэдзу.

На вид Юдзи немного старше жены, которой вот-вот исполнится сорок, однако, по словам Нидзико, его любовнице нет еще и тридцати.

Что за ерундяй!

Мне уже хотелось вцепиться в ногу Юдзи, но вместо этого я терпеливо продолжал слежку.

А я ведь не детектив, который расследует чужие интрижки.

Скучно так, что в сон тянет... Однако работа есть работа. Я тряхнул головой, чтобы взбодриться.

Поручение досталось мне от коллеги. Другой кот-посланник уже начал расследование и даже неплохо продвинулся, но в какой-то момент застрял на месте и решил отказаться от дела. Так оно и попало ко мне.

Я с радостью принял поручение: прошлые заняли у меня не так много времени, а тут еще и расследование частично готово! Однако все оказалось не так просто, и я почти сразу увяз вслед за отчаявшимся коллегой.

Вот как, со слов Нидзико, началась и развивалась эта история до того, как попасть ко мне.

Посетительницу, оставившую заказ, зовут Фуми, она уже десять лет как замужем за мужчиной по имени Юдзи. Детей у них нет. Со своей любовницей, Аской, он познакомился на работе почти год назад. Семью разрушать он не хочет, и внешне отношения супругов выглядят гладко.

— Внешне?

— Ну, они живут тихо и стараются поддерживать видимое благополучие.

Ничего не понятно. Вроде и неплохо, но это не шаги навстречу друг другу и на счастливую семью не тянет... Впрочем, ладно. Работа есть работа, кому тут нужны мои разглагольствования.

Скорее всего, Фуми затосковала по дням своей юности именно потому, что в семейной жизни сейчас царит такое вот «внешнее благополучие».

В студенчестве она гналась за карьерой певицы. Рассылала повсюду записи своих песен, проходила прослушивания и в конце концов попала на глаза маленькому агентству по поиску талантов. Ее дебютная песня стала опенингом к аниме, которое крутили в ночном эфире, и это выглядело неплохим стартом.

В то время она встречалась с парнем по имени Ватару Хонма. Они познакомились в университете.

Он искренне поддерживал начинания Фуми и радовался ее успехам.

Однако она была подающей надежды молодой певицей. Агентство не запрещало ей иметь отношения, но строго наказало не светить ими на публике. И чем успешнее становилась ее карьера, тем сильнее они с Ватару отдалялись друг от друга.

Постепенно Фуми начала проводить на работе больше времени, чем с возлюбленным. Ничего удивительного, что она в конце концов сблизилась с Юдзи, нынешним мужем, который тогда был сотрудником в студии звукозаписи.

Взлет карьеры Фуми был ярким, но недолгим. Прошло время, когда одной юности и энергичности хватало, чтобы завоевать любовь и симпатию. После пяти выпущенных синглов и одного альбома агентство отправило Фуми в отставку. В качестве поощрения напоследок ей позволили выпустить памятный альбом в честь ухода со сцены, но больших продаж тот не сделал. За его продвижение как раз отвечал Юдзи, и Фуми вышла за него после завершения карьеры. Если подумать, то со стороны это скорее напоминало попытку искупить вину за провалившийся альбом. Что уж тут говорить про счастливый брак.

— Интересно, какой была бы моя жизнь, останься я с Ватару? — терзалась сомнениями Фуми и, когда обнаружила в кафе ящик, приглашающий

загадать желание о встрече, бросила туда карточку с надписью:

*Парень, с которым я встречалась
в студенчестве.*

4

— Жизнь — это череда выборов, — такими словами Нидзико закончила свой рассказ. — Конечно, иногда жизнь выбирает за тебя, но даже тогда человек будет порой с сожалением оглядываться на путь, который оказался для него закрыт.

— Как говорят, у соседа всегда трава зеленее, да? — попробовал блеснуть знаниями я. После того как я приступил к этой работе, меня начали занимать странные выражения людей.

— Так говорят, когда завидуют другим, но чувство очень похожее.

Все равно непонятно.

— Но если выбор уже сделан, остается лишь посчитать его лучшим и продолжить двигаться дальше. Ведь нельзя выбрать сразу оба варианта.

Это как выбор между двумя видами вкусов. Конечно, хочется слопать оба разом. Но если сделать так, в итоге переешь и будет плохо. Вот

почему лучше выбрать то, что больше хочется конкретно сейчас.

Я вспомнил драгоценное время, проведенное рядом с Митиру. Как гонялся за игрушечной мышкой, привязанной к шнурку, как запрыгивал на холодильник и удивлял Митиру своей ловкостью, как спал, свернувшись клубочком у нее на коленях. Каждое мгновение было наполнено счастьем — вот уж в чем я твердо уверен. Потому я и в этот мир пришел со спокойной душой.

— Люди слишком все усложняют. Жизнь куда проще, — возмущенно фыркнул я.

— Да, ты прав. Сожалениями все равно ничего не добьешься.

Я оторопел: впервые увидел Нидзико такой погрустневшей.

5

В кафе Pont любой может заполнить карточку с именем человека, которого хочет снова встретить, и бросить ее в ящик, но исполняем мы далеко не все просьбы. Нидзико выбирает клиентов и передает дело котам-посланникам, а дальше наступает наш черед поработать. Она говорит: «Если человек сам может повидаться с тем, с кем

хочет, пусть так и поступит». Потому-то нынешний заказ сбил меня с толку.

— А почему Фуми самой не встретиться с этим ее бывшим? Он что, уже в синем мире?

Синий мир на нашем профессиональном сленге мир, где я сейчас нахожусь. Царство мертвых.

— Нет. Он в зеленом мире, — покачала головой Нидзико. Значит, Ватару вполне себе жив.

— Тогда почему Фуми самой не найти его? Разве мы таким занимаемся?

Вторую мысль я не высказал: и стоит ли возиться с настолько сложным поручением, что один кот уже не справился, тем более если оно не по нашему профилю?

— Поначалу я тоже так подумала. К тому же нам часто пишут пожелания встретиться с бывшим парнем или девушкой. Братся за все нам точно не по силам. Вам, вернее.

Вот именно.

Нидзико озорно подмигнула мне — (такое озорство ей было очень к лицу) а потом объяснила подоплеку дела.

Однажды Фуми, наша клиентка, заметила в супермаркете пачку картошки.

— Знаешь, иногда на продукты небольших хозяйств помещают фотографии фермеров?

— Ага. Такие рекламные наклейки, мол, «эти овощи я вырастил».

Мне приходилось видеть подобные продукты в доме Митиру и на кухнях, куда я проникал по работе.

— Так вот. Подумать только, какое совпадение: на той самой картошке Фуми увидела фотографию своего бывшего парня, Ватару.

— Ого. Он из семьи фермеров?

Фуми не знала, пошел ли он по стопам родителей или пришел к этому другим путем. Но поняла, что сейчас Ватару занимается сельским хозяйством в провинции.

— Она сразу поискала через мобильный информацию о ферме Ватару и нашла ее официальный сайт.

Снова телефоны. От привязанности людей к своим смартфонам хочется глаза закатывать, однако их возможности впечатляют: как быстро и легко находится все о том, с кем хочешь увидеться! Удобно, не поспоришь.

— На сайте было описание самого хозяйства, весьма немаленького, сведения о том, какие овощи и фрукты там выращивают, и фото семьи хозяина.

К слову, ферма занималась не только продажей своей продукции — там также проводили экскурсии с разными активностями. Всю эту информацию собрал кот, который работал над делом до меня. Нидзико предположила, что, вероятно,

потому Фуми и заказала в кафе картофельный гратен.

— Ого, тут и гратен подают?

Я был уверен, что в меню только напитки и закуски.

— О, а ты не знал? Я отвариваю картошку, заливаю соусом бешамель, посыпаю сыром и запекаю в духовке. Получается вкусно, пальчики оближешь! — гордо заявила Нидзико.

Я уверен, что соус бешамель она использует готовый, из консервной банки. Впрочем, не будем вдаваться в тему. Я переспросил:

— Но раз уже все известно, разве цель не близка?

Нужно отправиться на ферму, получить послание от Ватару и передать его Фуми, только и всего.

— Понимаешь, — Нидзико задумчиво смотрела куда-то в пустоту, — Ватару счастливо живет с семьей. У него жена и сын. Как тут спросишь послание для бывшей девушки? Да и Фуми не может просто взять и заявиться к нему в гости.

— А как насчет такого? Фуми может приехать на экскурсию и смешаться с другими посетителями, — предложил я.

— Дело ведь не в том, что она хочет просто увидеть Ватару. Ей недостаточно лишь посмотреть на него издалека. Согласись, это совсем не то.

— Да, твоя правда, — кивнул я. Мне хочется повидаться с Митиру, но не просто взглянуть на нее украдкой, а хотя бы словом перекинуться.

— К тому же Фуми хочет, чтобы он продолжал помнить ее по времени, когда она сияла ярче всего, была юна и полна мечтаний и надежд.

Между отношениями с Ватару и карьерой певицы она выбрала карьеру. Но в итоге та не задалась. Конечно, потерпев неудачу, Фуми не хочется показывать Ватару нынешнюю себя — разочаровавшуюся и утратившую былой запал.

Да уж. Понимаю, почему мой коллега потерпел поражение и отказался от дела. Попробуй реши такую задачу!

Я тяжело вздохнул, провожая взглядом Юдзи, мужа Фуми, который шел, уткнувшись в смартфон.

6

Слежка за Юдзи ничего не дала. Вместе с любовницей Аской он поужинал в дорогом ресторане, а затем они скрылись за дверьми красивого отеля на набережной. Я узнал только, что Аска — начинающая актриса и недавно дебютировала

в фильме, над которым Юдзи работает как музыкальный продюсер.

«Похоже, он вечно тянет руки к лакомым кусочкам, что поближе», — покачал головой я.

Вороватость считается дурным тоном и среди кошек тоже. Но избавиться от этой привычки никому не удастся.

7

Я решил сменить тактику расследования и переключиться на Фуми. К тому же наблюдение за Юдзи и Аской только портило настроение, так что хотелось немного отвлечься. Адрес Фуми и Юдзи уже вызнал кот, который работал над делом до меня. То была квартира на двадцать первом этаже высотного дома недалеко от станции.

Вокруг раскинулись красивые многоэтажные здания и частные коттеджи. Неподалеку шла какая-то стройка — видимо, еще один жилой дом. Весьма большой, судя по масштабу работ и количеству нагроможденных вокруг стройматериалов.

Я остановился у дома Фуми — чтобы оглядеть его снизу вверх, пришлось так задрать голову, что уши чуть ли не до спины достали.

С ума сойти.

Похоже, муж Фуми весьма преуспел на своем поприще, раз приобрел такое жилье. Я вспомнил, как беззаботно Юдзи шагал на встречу с любовницей, и в душе снова проснулось желание цапнуть его посильнее. Рот тут же наполнила фантомная горечь, словно после того, как раскусишь горькое насекомое. Я поморщился и поспешно умыл мордочку передними лапами.

Проникнуть в многоквартирный дом не так уж и сложно. Достаточно спрятаться в клумбе у входа, дожидаться, когда кто-нибудь откроет магнитную дверь в холл, и проскочить следом за ним. Кнопку лифта можно нажать в прыжке, главное — подгадать время, чтобы вокруг никого не было.

Конечно, есть риск, что кто-то подсядет в лифт по пути, но кого так уж удивит кошка в жилом доме? А если какой-нибудь сердобольный сосед примет меня за потерявшегося питомца и потащит к консьержу, всегда можно найти подходящий момент, чтобы улизнуть и спрятаться.

Сложности начинаются на нужном этаже.

Обычно в многоквартирных домах нет окон, которые ведут в общий коридор. Поэтому, когда добираешься до двери в квартиру, просто так туда не заглянуть. Остается лишь прислушиваться к доносящимся изнутри звукам. А если человек живет один или жильцы не особенно

разговаривают друг с другом, не поможет и это. Хотя звуки телевизора или компьютера могут хоть что-то подсказать о перемещениях объекта слежки по квартире.

Приступив к работе котом-посланником, я уже сталкивался со сложностями и допускал ошибки, благодаря чему и узнал все эти премудрости.

Сначала я решил понаблюдать за жильцами и уловить момент, чтобы проникнуть в дом, однако консьерж как раз принялся убирать территорию вокруг. Пришлось спрятаться неподалеку, чтобы дожидаться, когда он уйдет.

Нидзико описала мне внешность Фуми так: полная женщина за сорок с химической завивкой. Но таких полно. В этой высотке живут сотни людей, и по общему описанию сложно отыскать кого-то среди жильцов. За те несколько часов, что я просидел в засаде, множество женщин вошли в дом и вышли из него, но распознать Фуми мне так и не удалось.

Помимо прочего, Нидзико показала мне видео с тех времен, когда Фуми выступала на сцене. В интернете нашлись и студийные клипы, и записи альбомов.

Тогда Фуми была хрупкой девушкой с осветленными волосами и мягким, глубоким голосом, напоминающим весенний ветер. Под такую

музыку особенно сладко спать — так мне подумалось, пока я слушал записи...

Тут воспоминания вдруг прервало звучание того самого глубокого голоса — я аж встрепенулся от неожиданности. Поспешно стряхивая с себя сон, я поднял голову и огляделся, но не сразу определил обладательницу голоса. Уж больно беседующая с консьержем женщина отличалась от певицы с видео.

Ну да, точно. Полная, с химзавивкой.

Да она в два, если не в три, раза потяжелела по сравнению с собой в юности. И волосы ее уже совсем не так шелковисты. Лицо покрывает толстый слой косметики, который мешает понять, как Фуми выглядит теперь на самом деле. Должно быть, сценический грим в молодости сильно испортил ее кожу, и сейчас ей приходится усиленно скрывать это макияжем, который еще больше вредит лицу. Прямо смотреть больно.

Но голос — глубокий и мягкий, несомненно, тот самый. Люди могут сильно меняться со временем, однако голос остается прежним. А своим ушам я верю. Передо мной точно была Фуми.

Выйдя из подъезда, она поздоровалась с управляющим, перекинулась с ним парой слов о погоде и направилась к улице. Я быстро умылся, протерев глаза, и последовал за ней.

Фуми зашла в супермаркет, а затем (видимо, забыла что-то?) в комбини* поближе к дому. В магазины с животными нельзя, и сотрудники за этим внимательно следят. Туда мне ходу нет, так что пришлось ждать ее у дверей. Я уклонился от попытки привязанной на парковке собаки завести знакомство и подобрался поближе к панорамному окну комбини, чтобы наблюдать за Фуми. Женщина как раз расплатилась за покупки и направлялась к выходу, когда вдруг остановилась у стойки с прессой. Мне открывался идеальный обзор. Стоя лицом к окну, Фуми взяла в руки один из журналов.

Я отчетливо разглядел его обложку. Журнал назывался «Радости деревенской жизни». Выпуск был посвящен основам фермерства для начинающих. Едва ли в нем писали что-то о Ватару... Но, скорее всего, именно из-за него взгляд Фуми цепляется за подобные заголовки. Вряд ли она в самом деле смогла бы заниматься сельским хозяйством, но, представляя иные варианты будущего, Фуми бежит от окружающей реальности. По крайней мере, так мне кажется.

* *Комбини* — так в Японии называются небольшие круглосуточные магазины у дома. В них продают продукты и товары первой необходимости, а также оказывают ряд бытовых услуг.

Вообще-то нет ничего плохого в том, чтобы отвести взгляд от непроглядной действительности и погрузиться в мир грез в поисках новой отрады для души. Это даже здорово. Но мне кажется, Фуми могла бы отыскать мечту, которая больше ей подходит.

«Надо найти слова, чтобы достучаться до нее», — решил я и отправился в кафе за следующим пропуском в зеленый мир.

8

Черный с рыжими подпалинами кот-привратник, который держит пост в будке у моста, ведущего в зеленый мир, увлеченно вылизывался. Вычесанные языком клочки шерсти так и летали вокруг, словно тополиный пух, — я даже чихнул.

— Здорово! Снова в делах? На этот раз картофельные поля, значит? Часто ты туда-сюда носишься, — с улыбкой заметил он, проверяя выданный Нидзико пропуск.

— Работа такая.

По правда говоря, я по большей части равнодушен к посторонним людям и их счастью и невзгодам. Но вот искренняя радость от хорошо

проделанной работы — это другое. Ей хочется наслаждаться.

Помнится, папа Митиру часто приговаривал: «После работы пиво особенно вкусное», когда доставал вечером жестяную банку из холодильника и открывал ее с тихим хлопком. Думаю, он тогда испытывал похожее чувство. Да и видеть счастливые лица заказчиков после успешно выполненной задачи тоже неплохо. Может, это и есть то, что зовется «яригай»?

— Какое уже у тебя по счету поручение? — скорее из вежливости поинтересовался привратник.

— Будет третьим, если все получится.

Черно-рыжий кот скрылся в будке, чтобы убрать пропуск в папку. Первые два поручения я завершил на удивление удачно. Но вот с нынешним совсем застрял. К слову, мой старший коллега, Скай, — с ним я как-то повстречался у кафе — тоже говорил, что поручения Нидзико постепенно усложняются.

Успех нынешнего дела зависит от того, удастся ли мне получить от Ватару правильные слова,

* *Яригай* — понятие в японском, которое дословно переводится как «ценность дела». Этим словом обозначают наслаждение добросовестной работой и получением хорошего результата.

которые можно передать Фуми. Я распушился и активно замотал хвостом, чтобы поднять боевой дух.

9

На том конце моста, спускающегося вниз с холма, простиралось бескрайнее поле. Я с наслаждением потянулся, радуясь свежему воздуху, когда вдруг встретился взглядом с незнакомым котом. Его изумрудные глаза пристально смотрели прямо на меня из стоящей на земле коричневой переноски. Рядом его хозяин внимательно изучал карту, которую держал в руках. Тут же стоял красный дорожный чемодан на колесиках.

— Ты из местных? — спросил черно-белый кот.

Хозяин незнакомца с головой погрузился в карту и не обращал внимания на происходящее, поэтому меня даже не заметил — только не глядя бросил в сторону переноски: «Подожди немного».

— Нет, я тут по работе, — расплывчато ответил я, так как не знал, что нам можно рассказывать о себе кошкам из зеленого мира.

— А, неужто кот-посланник? — к моему удивлению, тут же уточнил собеседник. Выходит, он не совсем посторонний. Разговор вышел коротким,

но интересным. Как выяснилось, он путешествует по стране с хозяином — владельцем передвижного кафе на колесах. Несомненно, такой опыт пригодился бы в работе кота-посланника — как минимум он наверняка отлично ориентируется. Но пока черно-белый сопровождает хозяина и до отправления в синий мир ему еще далеко. А осведомлен он так потому, что, по его словам, в нем живет кусочек души и памяти его предка.

Надо же, в зеленом мире тоже чего только не бывает... Я в который раз осознал, как тонка и расплывчата грань между мирами. И снова подумал: поскорее бы увидеться с Митиру.

10

Видимо, стоял сезон сбора урожая. Трактор для копания картошки так и сновал по полю туда-сюда. На сайте говорилось, что в разгар полевых работ ферма не проводит экскурсии, так что посторонних людей вокруг не было.

— Пообедаешь с нами?

Звонкий женский голос донесся до водителя. На женщине были джинсы с ляжками — кажется, они зовутся комбинезоном — и белая хлопковая рубашка. Ее загорелая кожа выглядела здоровой

и упругой — я это видел даже издалека. Похоже, она почти не красилась. Наверное, они с Фуми примерно ровесницы, а какие разные. Просто поразительно.

Рядом с женщиной стоял мальчик в таком же комбинезоне и махал трактору рукой.

— Сегодня на обед твои любимые короккэ* с кукурузой!

— Ого! Вот здорово!

Водитель вылез из трактора и подошел к жене и сыну.

— Погода отличная, давай поедим на свежем воздухе?

— Прекрасная идея!

Слушая веселые голоса и смех семейства, я вздохнул: тут мне ловить нечего. Конечно, все может быть, но едва ли удастся получить от Ватару послание для бывшей девушки. Неудивительно, что мой предшественник потерпел неудачу.

Прежде я мыслил более оптимистично. Думал, может, удастся на ферме найти что-нибудь этакое. Например, диски с музыкой Фуми или какие-то памятные вещи о ней, что поможет отыскать для нее слова утешения. Но, как ни посмотри, в этой

* *Короккэ* — блюдо японской кухни, представляющее собой картофельные крокеты — котлеты из картофельного пюре с различными добавками.

семье не было места для студенческой любви Ватару.

Однако делать нечего.

Я решил, что можно немного развеяться, раз уж все равно сюда дошел, и какое-то время слонялся по полю. Сырую картошку грызть не хотелось, да и картофельная ботва кошкам не по вкусу. Я порыл землю и даже откопал немного насекомых и погонялся за ними, но это мне быстро наскучило. Вообще-то кошкам узкие и тесные места нравятся куда больше широких открытых пространств. Когда я уже решил сдаться и уйти, до меня донеслись обрывки беседы отца и сына. Мать семейства как раз отошла, чтобы налить чай, так что они остались вдвоем. Я встрепенулся и наострил уши.

— Самая вкусная картошка — гладкая и плотная, да? Вот такая? — спросил сын, глядя на урожай.

— Ага! Посмотри сюда. — Отец присел на корточки на краю поля и принялся увлеченно объяснять сыну тонкости сбора урожая.

— Значит, вот эту уже можно собирать? — радостно воскликнул мальчик.

— Какой ты молодец! — улыбнулся ему мужчина.

Я вслушался в разговор, чтобы выцепить послание, которое смогу передать Фуми. Да, вот что значит семья. Естественно, Митиру и ее родители

не моя кровная родня. Однако и Митиру, и мама с папой звали меня членом семьи. Пожалуй, кто-то найдет подобное странным, но это и есть настоящие родственные узы.

Наверное, когда-нибудь мальчик унаследует дело отца. Будет старательно, бережно выращивать картошку, она потом попадет на полки супермаркетов в далеких городах, а оттуда — на стол к людям, которые о нем и знать не знают.

Я искренне восхитился этой масштабной, стройной цепью связей. А еще подумал: скорее всего, во многом мы сами ограничиваем свои возможности. Жить надо проще и свободнее — так ведь всем будет лучше! Наверное, это местный свежий воздух наводит на такие мысли.

11

Высотный дом все так же вонзался в синее небо. Я был тут и вчера, и позавчера. По правде говоря, уже неделю я прихожу сюда каждый день.

Фуми обычно покидает квартиру немного за полдень и обходит пару окрестных супермаркетов. Иногда еще заглядывает в комбини или универсальный магазин. Кроме как за покупками, она, похоже, никуда не выбирается.

Кстати, ее мужа я за все это время тут так и не встретил. То ли он очень поздно возвращается с работы, то ли ночует у любовницы... А может, они с Фуми и вовсе давно не живут вместе.

Впрочем, я всегда появляюсь в разное время — то с утра, то днем — и ухожу к вечеру, как проголодаюсь. Вполне возможно, что я просто пропускал приход Юдзи или прогулки Фуми.

Будущая высотка напротив дома Фуми постепенно начала приобретать очертания. Я нашел очень уютный закуток на стройплощадке в уголке, где лежат стопки досок, и оттуда наблюдал за Фуми. По правде говоря, в том местечке было так хорошо и удобно, что пропадало всякое желание что-то делать — хотелось так и валяться себе дальше и тихонько дремать.

Но если не взяться наконец за работу, частичка души Ватару потеряет свежесть. С моего визита на ферму прошло десять дней. Память тоже начинала меня подводить.

К тому же я с первого дня расследования заметил, что Фуми живет в мире грез, далеко от реальности, — но сейчас она прямо на глазах погружалась в него все глубже и глубже.

Как-то раз, когда Фуми выходила из супермаркета, я увидел в ее пакете упаковку картошки*.

* В Японии обычно продаются упаковки по 3–5 картофелин.

Разглядеть как следует я ее не успел, но, скорее всего, то был картофель с фермы Ватару. А затем с каждым днем пакеты с покупками становились все больше и тяжелее. Упаковок картошки в них стало три, потом четыре... А вчера она тащила пакеты в обеих руках, и картошки при ней было уже упаковок семь-восемь.

И не только это. Где-то раз в три дня к ней приходит курьер. Есть такая служба доставки с логотипом, на котором изображена кошка, несущая котенка. Так вот, ее сотрудники всегда очень хорошо относятся к нам, котам. Показывают тайком бирки с данными о доставке, например.

Едва ли они в курсе, что существуют коты-посланники, но, должно быть, чувствуют в нас коллег. Скажем, если забраться в грузовик этой компании, они точно сделают вид, что ничего не заметили, и вообще часто помогают в расследованиях.

Именно благодаря доставщику товара я понял, что Фуми привозят овощи с фермы Ватару. Когда я тихонько следил за ним, он ненадолго поставил коробку на землю так, чтобы я хорошо разглядел наклейку на крышке с данными об отправителе.

Конечно, может, оно так случайно вышло, но я верю: то была сознательная рука помощи.

Видимо, ферма Ватару не только продавала свои продукты через супермаркеты, но и позволяла покупателям заказывать доставку на дом. И Фуми нашла его сайт и принялась жадно заказывать коробку за коробкой. Причем получателем указывала мужа, чтобы Ватару не обратил внимания на знакомое имя.

Скорее всего, так Фуми чувствовала, что тайно поддерживает Ватару, однако это уже перешло границы разумного. Ее муж почти не появляется дома. Детей у них нет. А одному такое количество овощей точно не съесть. Наверное, у нее уже вся кухня ими завалена — особенно картошкой.

«Плохо дело», — цокнул я.

Нельзя, чтобы и дальше так продолжалось. Фуми это на пользу не пойдет. Если я не поспешу вмешаться, она совсем утратит связь с реальностью. Значит, надо поскорее передать ей слова Ватару.

Однако сколько я ни караулил на стройке, мне никак не удавалось передать послание через посредника. Другие жильцы высотки негодились: Фуми мало общалась с соседями и едва ли прислушалась бы к словам кого-то из них. А консьерж кошек терпеть не мог — к нему не подобраться. Я думал насчет сотрудников службы

доставки, но, похоже, они постоянно спешили куда-то и не давали шанса коснуться их хвостом.

«Сделаю все сегодня!» — твердо решил я без особой надежды на успех.

В мое убежище за досками проникали лучи света и приятно грели шерстку. Опилки от обработанной древесины парили в воздухе, и какое-то время я праздно ловил их, пока совсем не расслабился.

Говорят, терпение — мудрость. А я как раз поднаторел в поговорках... Радуюсь своей эрудиции, я сам не заметил, как начал дремать. Перевернулся на другой бок, чтобы поудобнее свернуться клубочком, и тут впервые обратил внимание на стоящую у стены большую доску. Прямо посреди нее разверзлась круглая дыра — не похоже, что ее сделали специально. Скорее так получилось из-за обрезки материала.

Я не единственный кот, которому хочется влезть в любое попавшееся на глаза отверстие. Коты с легкостью протискиваются везде, куда проходит их голова. Ну, за исключением тех, кто потолстел сверх меры.

Для меня, стройного и поджарого, такая дыра — пара пустяков. Я втиснул в нее голову, а затем ловко подтянул тело и оказался по ту сторону

доски. Сон как рукой сняло. Еще какое-то время я с увлечением лазил через дыру туда-сюда, забыв обо всем на свете.

В один из подходов я и заметил, как Фуми вышла из дома.

Некогда прохлаждаться!

Я запаниковал, как бы совсем не провалить поручение, заспешил и из-за этого чуть не застрял в дыре. Конечно, я сразу исправился и с легкостью вышел из положения, но в процессе от перевозбуждения незаметно для себя распушил хвост, где дремала частичка души Ватару. А когда почти закончил маневры, случайно коснулся им той самой злополучной доски.

Души могут вселяться не только в других людей, но и в предметы.

И я поместил послание в ничего не значащий бессловесный кусок дерева. Это полный провал! Однажды потраченный отголосок души уже не вернуть. Придется снова идти на ферму за посланием. Проклиная собственную беспечность — нашел время играть! — я только и мог, что грустно смотреть на Фуми.

— Эй! Принеси-ка еще доску! — окликнул строителя бригадир.

— Ага! — бодро ответил молодой парень и поднял как раз ту, с которой я только что забавлялся.

— А ведь в ней частичка души Ватару... — с досадой подумал я, но что тут поделаешь? Теперь и доску утащили.

Фуми как раз проходила рядом со стройкой. Я втайне надеялся: может, прикоснувшись к доске, рабочий получит хоть частичку послания? Тут бригадир его одернул:

— Ты присмотрись: в этой доске ведь дыры! Совсем у тебя глаз не наметан. Принеси другую.

— Что значит «глаз не наметан»?

— То и значит. Не видишь, что берешь, дурень.

Речь бригадира звучала грубо, но я не понял, правда он сердится или скорее подкалывает парня. Я прислушался. Может, из разговора что-то да выйдет? Фуми как раз стояла рядышком на светофоре, так что наверняка слышит их. Она даже смотрела в нужную сторону — то ли заинтересовалась беседой, то ли разглядывала стройку.

— И вовсе это не так! У меня глаз-алмаз вообще-то!

— С чего вдруг?

— Ну так я ведь потому и пришел работать к вам, что глаз у меня наметан! Я сразу понял: под руководством этого человека я точно стану отличным плотником, уж он-то не подведет! Разве не глаз-алмаз, а?

— Лучше бы ты руками так же хорошо работал, как языком. Подхалим нашелся, — махнул

рукой бригадир. Я даже дернулся от резкого движения.

— В общем, глаз у меня наметан, — с улыбкой закончил парень-строитель и пошел за новой доской.

— И что же, все, на кого ты глаз положил, в жизни преуспели?

— Про успех не знаю, но не сомневаюсь, что они все живут счастливо.

— Вот так самоуверенность. Значит, ты гарантируешь, что стройка пройдет по плану и дом получится хоть куда, а?

— Ну, насчет этого не скажу...

Голос плотника вдруг стал тише. Мягкий, свежий ветерок взъерошил мою шерсть. Совсем как тот, что дул на картофельном поле.

— Эй, давай сюда! — весело окликнул парня кто-то. А он повернулся к улице и тихо, но отчетливо произнес в никуда:

— Уверен, те, кого я любил, сейчас счастливы. У меня ведь глаз-алмаз.

А затем подхватил доску и, откликнувшись: «Ага!», ушел прочь. Бригадир в это время отбирал материалы и едва ли слышал последнюю фразу. А затем разговор и вовсе стих, сменившись звоном и стуком.

Светофор давно горел зеленым, но Фуми так и застыла у забора стройки, глядя в пустоту.

Уж очень знакомо прозвучало звонкое «Ага!» из уст молодого плотника.

Я вспомнил разговор Ватару с сыном, который подслушал на ферме. Тогда они говорили о качестве саженцев.

— А ты всегда понимаешь, из какого саженца вырастет хорошее дерево?

В глазах любого ребенка папа — настоящий герой.

— Ага! У меня ведь глаз-алмаз. Вон, только посмотри, какую прекрасную жену себе нашел! О-го-го какую! — с улыбкой ответил Ватару, глядя на женщину, которая как раз вышла из дома с чаем. — Уверен, что и те, с кем я был близок прежде, тоже обрели счастье! Не просто так ведь я их выбрал!

Уставшее, тусклое не по годам лицо Фуми отразилось в оконном стекле здания напротив стройки. Женщина погладила себя по щеке. То ли потому, что осознала, насколько запущенно выглядит, то ли чтобы утереть слезу. На окне было наклеено объявление о сольном фортепианном концерте, который скоро пройдет в районном культурном центре. Фуми внимательно прочла его. Может, если она отправится туда, ей удастся подружиться с местными музыкантами и получить

свой концерт? А еще бывшая профессиональная певица вполне может давать уроки пения при культурном центре или на дому.

Если твердо встать на ноги и найти в себе силы пройти по избранному пути так, чтобы не было стыдно перед прежней собой, тогда и решимость расстаться наконец с мужем наверняка найдется. Ради настоящего и будущего, которое не посрамит счастливое прошлое.

Но это уже не моя работа. Уверен, с ней Фуми справится самостоятельно.

12

— Ну и учудил ты. Нельзя же быть таким рассеянным! Но это дело из сложных, перед ним уже один кот спасовал. Рада, что все благополучно завершилось, — прокомментировала Нидзико, выслушав мой отчет, и поставила очередную печать. Перед тем как вернуться в кафе, я заглянул еще в одно место в зеленом мире: в компанию, где работает муж Фуми, Юдзи Тодо. Уже как раз наступил вечер. Он вышел из здания, как всегда уткнувшись в телефон, а затем встретился с любовницей.

Я проследовал за парочкой до отеля и, уловив момент, ловко пометил штанину дорогого костюма

Юдзи. Это значит «пописал на нее», если вы вдруг не поняли.

Юдзи успел только удивиться неожиданно увлажнившейся штанине, а вот Аска среагировала быстрее.

— Ой, а чем это воняет? — она подозрительно окинула Юдзи взглядом.

— Да? Разве?

Мужчина явно и не думал, что может быть источником запаха. Аска зажала пальцами нос и поморщилась.

— Кошмар какой. Ну и вонь. Сегодня я домой, — процедила она и поспешно зашагала прочь. Юдзи попытался броситься следом, но промокшая штанина болталась и мешала, так что он едва не упал.

Я наслаждался зрелищем из ближайших кустов. Отличное выдалось представление. Даже теперь стоит вспомнить — сразу на смех пробирает.

13

После ухода кота кафе Pont опустело и затихло. Нидзико в одиночестве мыла посуду, размышляя о плодах прошедшего дня.

«Здорово, что и сегодня кто-то увиделся с дорогим человеком».

Коты-посланники работают не покладая лапок, несмотря на все трудности и преграды. Вот и Фута, недавно совсем еще новичок, постепенно привыкает к работе и показывает все лучшие результаты. Как тут не порадоваться?

Ежедневно в ящике у кассы появляются все новые открытки с пожеланиями о встречах. Работа Нидзико — внимательно просматривать их и выбирать, за какие поручения стоит взяться.

«Как долго мне нужно заниматься этим, чтобы заслужить прощение?»

И сколько потребуется времени, чтобы Нидзико смогла простить сама себя?

Дрова в камине почти прогорели, и пламя начало тускнеть. Нидзико заспешила, чтобы поскорее закончить уборку.

Четвертое поручение

Кот Фута наслаждается ветром на школьном дворе

1

Учитель младших классов Тоору Отиай присел на складной стул рядом с кафедрой в кабинете пятиклассников — у них он был классным руководителем. Дети уже разошлись по домам, и кабинет опустел, однако казалось, что в нем еще слышны фантомные отзвуки веселого гама.

На Тоору была белая рубашка и кардиган, ткань на котором скаталась, а на локтях и вовсе прохудилась. Неудивительно: эту кофту он носит еще со времен, когда только начал работать в школе.

А преподает Тоору уже без малого двадцать лет. Он подпер рукой голову, на которой после сорока особенно заметны стали седые пряди.

2

Это случилось пару недель назад.

Я убивал время рядом с кафе Pont вместе с коллегой, Скаем. Судя по всему, посетителей не было, но все равно Нидзико не любила, когда коты заходили к ней в рабочие часы. Потому-то до вечера я часто дремал где-нибудь неподалеку или болтал со Скаем, если тот тоже заглядывал сюда по делам.

— Кстати, а почему Нидзико вообще занимается этой работой?

Скай благополучно выполнил пять поручений и смог попасть к тому, кого мечтал вновь увидеть. Шерстка у него заблестела ярче с нашей прошлой встречи. Не удивлюсь, если его дорогой человек живет где-то у моря и щедро угостил Ская разнообразными вкусностями. В любом случае наверняка Скай сблизился с ним еще во время жизни в зеленом мире. Это сразу понятно по тому, какая радость теперь звенит в его голосе.

Сегодня он пришел в кафе, чтобы еще раз поблагодарить Нидзико.

— Что будешь делать дальше? Останешься котом-посланником? — поинтересовался я.

— Пока думаю отдохнуть как следует. А там уже решу.

И правильно, зачем торопиться? Тогда я и спросил о том, что уже давно вертелось в голове. Как Нидзико пришла к этой работе?

Нидзико — жительница «того мира», мира живых, зеленого, если по-нашему. Однако по какой-то причине она работает посредником между тем и этим, синим, миром — или миром мертвых, — где пребываю сейчас я. Через котов-посланников, она помогает людям зеленого мира встретиться с обитателями синего.

— Я слышал, Нидзико глубоко сожалеет о чем-то, причем сожаление связано с кошкой, которая у нее была. Вот она и нанимает на работу котов из синего мира, чтобы как-то помочь им и искупить вину.

Скай объяснил, что об этом ему рассказал знакомый кот.

— Не знаю уж, что случилось, но едва ли ей стоит так сильно переживать. Кошки радуются уже просто тому, что их берут в дом.

— Люди вечно излишне терзаются чем-нибудь. А ведь лучшее лекарство от горьких воспоминаний — наслаждение жизнью в настоящем.

Тут Скай замахнулся на меня передней лапой, призывая к спаррингу. Я охотно принял вызов, и мы с головой погрузились в игру. Скай ловко прыгнул на меня с расстояния, пытаюсь придавить к земле, а я увернулся, прячась от атаки.

— Ур-р-р-р-р!

Со стороны многим кажется, что такой «реслинг» не что иное, как драка. Однако на самом деле коты в такие моменты искренне наслаждаются процессом.

Конечно, бывает, что кто-то слишком увлечется и по неосторожности поцарапает товарища. Но такие мелкие ранки можно простолизать, и они сразу пройдут.

К полудню мы уже успели хорошенько размяться и наслаждались отдыхом. Скай в какой-то момент сладко задремал. Я тоже решил воспользоваться такой возможностью и уже почти устроился, как вдруг заметил двух мужчин, которые поднимались на холм.

— *Café Pont*... Pont переводится с французского как «мост», насколько я помню. Посидим тут?

Видимо, они искали, где передохнуть. А я впервые узнал, что означает название кафе Нидзико, и хотел поделиться открытием со Скаем, но тот крепко спал.

Мужчинам было, наверное, под тридцать. Оба оживленные и энергичные — на простых офисных

сотрудников непохожи. Один, тот, кто прочел вывеску, невысокий и худощавый, в хлопковых брюках и пиджаке, на втором более повседневная одежда: джинсы и свитер с горлом.

Я отогнал сонливость и подобрался к окну кафе.

Когда я в прошлый раз прохлаждался рядом и совсем не обратил внимания на происходящее в заведении, Нидзико сделала мне замечание. Так что я решил в этот раз ни словечка не упустить из разговора посетителей. Вот что значит расти над собой.

— Здравствуйте! — поприветствовала Нидзико гостей. Те присели за столик.

— А пиво у вас есть?

«Нет, конечно», — мелькнуло у меня в голове, однако Нидзико вдруг кивнула:

— Есть!

Кто бы мог подумать, что в кафе Pont подают алкоголь. Пока я пытался свыкнуться с этим открытием, из зала послышался звон бокалов, плеск и шипение пива, а затем мужчины чокнулись с веселым «Кампай*!»

— На таких мероприятиях толком и не выпьешь, — заметил первый, в пиджаке.

* «Кампай!» — популярный в Японии тост, по смыслу близкий к нашему «До дна!»

— Да уж. Спасибо, что пригласил продолжить где-нибудь, — бодро ответил его собеседник в свитере.

— Надо же, Кавасе уже детьми обзавестись успела!

— Да, я тоже удивился. А как Могами изменился!

— Он в младшей школе таким худым был и высоченным — во время построения по росту первым стоял. А тут так раздался, что костюм еле сходится.

Ага. Видимо, эти двое вместе учились в младшей школе и некогда крепко дружили, а сейчас возвращаются со встречи выпускников. Алкоголя и времени побеседовать им не хватило, вот они и решили продолжить общение тут.

— Эх... По правде говоря, я втайне надеялся, что увижу Миэ.

— Миэ Хосина? Помню, она тебе очень нравилась. А ведь бывает, что старая любовь вспыхивает снова на встрече выпускников. Я слышал, она из-за работы не смогла прийти.

— Ага. Такая жалость. Хотелось повидаться...

У меня усы так и дернулись, когда я это услышал. И не я один отреагировал.

— Есть кто-то, с кем вы хотите встретиться? — спросила Нидзико.

— Да. Мы вместе учились в младшей школе и сегодня побывали на встрече выпускников. Пятнадцать лет уже прошло, — объяснил мужчина пониже ростом.

— Как здорово! Хорошо повеселились? — в голосе Нидзико слышалась улыбка.

— Конечно. Только там не было его первой любви, вот он и приуныл, — кивнул на спутника мужчина в свитере.

— Вот как. — И Нидзико рассказала им про ящик с анкетным опросом «С кем вы хотели бы увидеться больше всего на свете?»

— Значит, если я напишу: «Хочу увидеться с Миэ Хосина, которую любил в младшей школе», то обязательно ее снова повстречаю? — с интересом уточнил посетитель.

— Появится шанс. Это же лишь опрос. Но ведь вы и сами можете повидаться с ней без всяких хитростей и анкет.

— Не заявлюсь же я к ней просто так или не подкараулю где-то... Верно? — мужчина бросил взгляд на друга в поисках поддержки.

— Ты можешь спросить ее контакты у Хосокавы, она занималась организацией встречи и со всеми связывалась.

— Это-то да, но...

— Чем искать оправдания и мешкать зря, лучше набраться смелости и взяться за дело, — констатировала Нидзико.

— Ох, — мужчина тяжело вздохнул, то ли потому, что приуныл, то ли из-за того, что представил возможную встречу и занервничал. — Но если

уж заполнять анкету... — Он уверенно написал что-то на карточке и бросил ее в ящик.

Тут заговорил посетитель в свитере:

— А я бы хотел встретиться с Отиаем.

— Нашим классным? Но вы ведь только что виделись.

— По правде говоря, я и пришел сегодня потому, что хотелось его проучить. Заставить дар речи потерять.

— Отиая-то?

— Его. Помнишь, я ведь в младшей школе был довольно неприметным. Да и дружил в основном лишь с тобой.

— Ну да, тогда всех затмевали отличница Хо-сокава, первая красавица класса Оноуэ и другие яркие ребята. Сейчас родители не стали бы такое терпеть, но в наше время считалось нормальным, когда все внимание учителя достается лишь «звездочкам» класса. Никто не возмущался.

— На самом деле, это и меня не так уж и беспокоило. К тому же не сказать, что Отиай обращался плохо с теми, кто не входил в круг любимчиков. Но один момент я ему никогда не прощу.

Это случилось во втором полугодии последнего, шестого, класса младшей школы. В то время большинство младшеклассников переходили в муниципальную среднюю школу, но иногда ученики из состоятельных семей или те, чьи родители

очень принципиально подходили к вопросу образования, сдавали экзамены и поступали в частные школы. Оноуэ, яркая и красивая девочка, как раз относилась к числу таких детей.

— У меня успеваемость была обычной — ну, выше средней. Только в математике я никому не уступал.

— Помню-помню. Ты еще помогал мне с домашкой.

— Причем частенько.

Оба разулыбались.

— Поэтому я не слишком обращал внимание на оценки по другим предметам, но вот что касается математики — там у меня никогда меньше пятерки не было.

— Потрясающе. Все время высший балл. От меня вот родители ничего особо не ждали, поэтому относились к оценкам попроще, мол, не единица — и ладно.

— Ты там семейное дело-то не развалишь?

Как я понял из разговора, семья мужчины в пиджаке владела салоном по продаже автомобилей. Торговали они не только японскими, но и зарубежными машинами, так что среди их покупателей было много состоятельных людей, в том числе и иностранцев.

— Помнишь, тогда ходили слухи, что оценки за второе полугодие станут частью рекомендации

для допуска к экзамену в средние школы? И потому, мол, надо непременно показать хороший результат.

— Да-да, об этом поговаривали. На деле никто так и не узнал, правда ли система работала именно так.

— Только в том полугодии моя оценка вдруг опустилась до четверки. Хотя тесты я решал как обычно и домашние задания исправно делал. Для меня это было настоящим шоком. И тут Оноуэ, которая получала лист с оценками после меня, вдруг принялась радостно голосить: «Ой, как здорово! Пятерка по математике!», то ли искренне, то ли напоказ. И тут же пропела: «Спасибо, учитель, я так рада!» Никогда не забуду лицо Отиая в этот момент. Он выглядел таким гордым и заботливым.

Конечно, мужчина не видел всей картины. Может, в том полугодии он и правда слегка просел в учебе. Но все равно ему было ужасно обидно. Вот почему ему хотелось показать учителю, как многого он добился, чтобы тот понял, насколько несправедливо к нему относился.

— Ну да, высот ты достиг немалых. Я горжусь тем, что у меня есть такой друг.

— Спасибо. Но вот встретились мы — и я понял, что Отиай меня даже не помнит. Как уж тут утереть человеку нос. В общем, сплошное

разочарование, — со смешком закончил мужчина. И добавил: — Поэтому мне хотелось бы вернуться в прошлое таким, какой я сейчас, и снова предстать перед Отиаем.

— О, звучит здорово! Он ведь все так же работает в школе... Уж нынешний ты точно дал бы ему отпор. Отличное вышло бы зрелище, — мужчина в пиджаке весело рассмеялся и повернулся в сторону кухни. — Скажите-ка, можно устроить?

Он уже успел опьянеть, и язык у него заплетался. Нидзико, видимо, все слышала, потому что тут же ответила:

— Точно нет. Машиной времени мы не располагаем.

— Понял? Жаль, конечно, — мужчина похлопал по плечу собеседника.

— На тему издевательств, жестоких родителей и педагогического насилия часто поднимают шум в СМИ, но на деле даже куда более мелкие и, казалось бы, незначительные обиды способны ранить ребенка. Еще хуже, когда взрослый не придает им значения и напрочь забывает о случившемся. Хотелось бы вернуться и донести до Отиа то, насколько подобное отношение несправедливо. Может, это помогло бы другим детям избежать такого опыта.

— Тут ты прав. Наверное, и мне стоит переосмыслить то, как я общаюсь с подчиненными. Одинаково ли я с ними справедлив...

— А что, у тебя их так много? — слегка подко-
лол друга мужчина.

— Они, конечно, подчиненные, но на деле сре-
ди них есть немало тех, кто куда опытнее меня
и годится мне в отцы. Мне все казалось, что, если
я признаю это, меня перестанут уважать, так что
надо держать себя как старший. А теперь вот вы-
слушал тебя — и призадумался...

Мужчина воодушевленно заявил, что с за-
втрашнего дня переосмыслит свой подход.

— Ну, думаю, меня тоже тот опыт чему-то на-
учил. С этой точки зрения я могу поблагодарить
Оттая, — кивнул его собеседник и допил пиво.

3

— Что скажешь? — спросила Нидзико, когда
посетители ушли и она взялась убирать столик.

— Первая любовь не наш профиль. С ней он
и сам может повидаться.

Когда мужчина бросал в ящик открытку с име-
нем бывшей одноклассницы, он пробурчал под
нос, что, если это не поможет, придется само-
му что-то предпринимать. Нет никакого резона
браться за его поручение — ему же лучше устро-
ить все лично.

— Я и не про него, — ответила Нидзико, открывая ящик.

— Значит, второй, который хочет поставить на место учителя? Но мы ведь не можем возвращаться в прошлое, ты сама сказала.

— Разумеется. Такое нам не под силу. Но, согласись, как-то обидно.

Тут я не стану спорить. Судя по рассказу мужчины, этот Отиай работает скорее не ради детей, а ради того, чтобы потешить собственное эго. Мне такое не по душе. Да и кому оно бы понравилось?

— Тогда, может, используешь силу воображения, чтобы как-нибудь все устроить?

— Легко сказать, — замешкался я. Нидзико положила передо мной открытку. На ней было написано имя недавнего посетителя — Сусуму Хироси. А на обратной стороне значилось:

*Хочу увидеться с Тоору Отиаем,
учителем младшей школы Мацусиба,
и поставить его на место.*

Я наклонился к карточке и принялся.

— О, а ведь в ней осталась частичка души автора.

Нидзико тут же вскинула голову.

— Заберешь ее? Мы ведь его внимательно выслушали. Разве это нельзя положить в основу послания и передать его как обычно?

— То есть доставить частичку души посетителя тому, с кем он хочет увидеться?

— Да-да. Через посредника, как всегда. Только в обратном порядке, а не так, как мы обычно работаем.

Получится ли? Я попробовал это себе представить.

— Но ведь тогда выйдет, что сам заказчик, Хироси, так и не увидится с учителем.

— Верно. На сей раз будем действовать от себя, чтобы немного развеять сожаление Хироси. Пусть он об этом и не узнает.

— То есть можно и послание конкретное у него не выведывать?

Нидзико кивнула. Хироси преуспел в жизни и победил прошлые комплексы и сомнения, с ним и так все будет хорошо. Потому его поручение станет нашей с Нидзико самодеятельностью — во имя справедливости.

— Здорово, если мы немного проучим этого Отияя, чтобы он пересмотрел свои взгляды на преподавание.

Нидзико успокоилась, что работа пристроена, и вернулась к анкетам.

— Ого, — она вдруг замерла. Глаза ее удивленно округлились, а затем она захихикала.

— Что такое? Какой-то интересный заказ?

Я подошел ближе и попытался посмотреть на карточку.

— Нет уж. Мы соблюдаем тайну личной жизни посетителей. — Нидзико с улыбкой убрала открытку.

— Если что-то спрятать, оно становится еще интереснее, — пробурчал я.

Все кошки такие. Нет ничего желаннее и любопытнее шнурка, который самую малость выглядывает из комода, или комка бумаги, скрытого в тени за складками занавески.

— Фута, сосредоточься на своей работе. Пусть нынешнее поручение и необычное, не переживай: если справишься, я поставлю за него печать.

Вот и отлично. Значит, надо отправляться в альма-матер Хироси, школу Мацусиба, где работает Отиай.

4

Черно-рыжий привратник сидел рядом с мостом, о чем-то глубоко задумавшись. Даже моего присутствия не заметил. Что это с ним такое? Я окликнул его:

— Эй.

— О, посланник! Привет.

Кот поспешно выхватил у меня пропуск и неожиданно хлюпнул носом — такое проявление

эмоций совсем не вязалось с его обычным развязным поведением.

— Ты чего это? Плачешь?

— Отстань, — бросил кот и замолк.

— Что-то случилось? — забеспокоился я.

— Пока тут работаешь, с кем только ни встречаешься.

Это он про мост, соединяющий мир живых и мир мертвых. А следить за теми, кто пересекает его в ту или иную сторону, и есть работа привратника.

— Часто становишься свидетелем встреч и расставаний. Бывают такие случаи — вовек не забудешь.

На удивление ловко для здоровяка он почесал задней лапой за ухом.

— Младшая школа... Передаешь послание ребенку?

— Нет. Мне нужен учитель, да и поручение несколько нестандартное.

Коты-посланники должны сохранять тайну личной жизни клиентов. Даже привратнику я не могу рассказывать подробности.

— И которое это уже будет поручение?

— Четвертое.

— Ого! Да ты близок к цели! Молодчина! — воскликнул привратник, словно тренер, хвалящий любимого подопечного.

Раз уж мы неожиданно так хорошо разговорились, я решил и сам задать вопрос:

— А у тебя нет человека, с которым хотелось бы повидаться?

— Я по натуре волк-одиночка. В отличие от тебя, баловня, я вел бродячую жизнь. Ради выживания приходилось и немало дурного делать.

Даже представить сложно, насколько непросто уличным котам, которым вечно нужно искать, где бы спрятаться от дождя и холода. Я примолк.

— Зато я был свободен, как ветер. Не стоит меня жалеть, — кот бросил на меня такой взгляд, что я даже оробел. А затем продолжил, погрузившись в воспоминания: — Как-то раз я нашел на время прибежище в одном месте. Но там ужасно шумела мелюзга — никакого терпения не хватит.

Да, детские визги-писки и впрямь сложно переносить.

— Однако по вечерам там всегда оставляли для меня еду во дворе. Вот я незаметно для себя и привык туда заглядывать.

— Как местные коты, которые живут в одном районе, кормясь то тут, то там?

В окрестностях дома Митиру тоже были такие.

— Да нет, я к району никогда не привязывался. Где можно еды раздобыть — туда и шел.

Но вот однажды корма на привычном месте он не обнаружил.

— Обидно было?

— Я ведь даром что уличный кот, а успел привыкнуть к регулярной кормежке. И совсем отвык терпеть голод. Есть хотелось просто ужасно, так что я ушел из тех мест в поисках съестного. Для меня это было обычным делом, — спокойно объяснил он.

— Нелегко тебе пришлось! — невольно выпалил я.

— Сказал же, нечего меня жалеть. Я и сам никогда не любил подолгу жить на одном месте.

Правду кот говорил или просто крепился для виду — судить сложно.

— Уже гораздо позже я услышал от знакомых котов вот что: не знаю уж, была ли это та семья или их соседи, но кто-то оставил заявку в санэпидемстанцию. И в тот день к месту, где меня кормили, приехали люди оттуда.

— Это же те самые...

— Ага, которые увозят и уstraняют.

Мое сердце забилося быстрее.

— Значит, тебе очень повезло, что ты успел уйти подальше.

— Точно. Те шумные дети заранее все узнали и специально убрали еду, чтобы меня отвадить и убереечь от опасности.

Люди из санэпидемстанции остались ни с чем: еда, которую они положили в качестве ловушки,

куда-то пропала. Дети сказали родителям, что ее утащили вороны. Взрослые очень ругались и даже установили сетки от птиц.

— Ворон жаль, конечно, скверно вышло. Впрочем, они сами много пакостей делают, поэтому иногда не мешает их проучить.

Кот снова шмыгнул носом, но теперь как-то смущенно:

— В общем, думаю, с теми мелкими я бы еще разок повидался.

— Как соберешься — я обязательно передам твое послание.

— Хорошо. Когда-нибудь обращусь. Хотя они теперь сами стали взрослыми, — усмехнулся привратник, глядя вдаль.

Оноуэ, которая все детство и юность купалась во всеобщей поддержке и внимании, и Хироси, своими силами добившийся поста директора в компании. Нельзя сказать, что кто-то из них живет правильнее другого. Но то, как Хироси, несмотря ни на что, рвался вперед и преодолевал преграды, кажется мне куда прекраснее.

Есть те, кто шел по жизни без препятствий, а есть те, кто терзается сожалениями и тяжестью прошлого. Может, вторым и недоступна невинная красота людей, которые обошлись без душевных травм на своем пути, зато они куда сильнее.

Может, если бы Тоору Отиай сам был из этой категории людей, он лучше относился бы к таким ученикам.

Вот о чем я задумался, глядя на шрамы, покрывающие черно-рыжую спину привратника.

5

Младшая школа Мацусиба была средней по размеру — одновременно в ней училось около пяти-сот учеников. Я легко нашел класс, которым руководил Тоору Отиай: рядом с входной дверью в холле висел большой план с подписями, за кем закреплен тот или иной кабинет.

Будь он на втором этаже, пришлось бы лезть на карниз, чтобы заглянуть внутрь, но, к счастью, пятиклассники Отиая учились на первом, к тому же их окна выходили на школьный двор. Я вытянулся на задних лапках, положив передние на отлив, чтобы все рассмотреть.

В кабинете было около тридцати детей. Отиай стоял у кафедры, опустив глаза в книгу. Когда я заглянул к ним, один из учеников как раз поднял руку, а затем встал с места и начал читать вслух текст из учебника. Похоже, шел урок

родной речи. Спустя какое-то время Отиай преврал ученика:

— Хорошо, достаточно. Кто следующий?

Отвечающий вернулся на место. Мальчик с первой парты с энтузиазмом поднял руку.

— Больше желающих нет? — на лице Отиая отобразилось явное недовольство. — Ладно, делать нечего. Мицуи, продолжай.

Мальчик тут же бодро поднялся с места и принялся читать. Он очень старался и тщательно проговаривал каждый слог, но Отиай был явно недоволен его скоростью.

— А быстрее и плавнее ты не можешь? — нахмурился он. — Ладно, достаточно. — Учитель коротко вздохнул. — У нас нет столько времени. Сакурай, продолжишь? — голос его потеплел, когда он обратился к сидящей в центре класса девочке с длинным хвостиком.

Она встала с места и начала ровно зачитывать текст. Отиай довольно кивнул. Вскоре прозвенел звонок, оповещающий о конце урока.

Я голову сломал, пытаюсь придумать, в чьи уста вложить послание Хироси. Первыми на ум приходят ученики, но стоит закончиться занятию, как они тут же покидают кабинет и рассыпаются по школьному двору. Времени на беседу с учителем у них нет. Если кто-то неожиданно заговорит с Отиаем на уроке, будет странно. Я подумал

об обеде, но на нем дети едят за общими столами, поэтому подгадать момент тоже сложно.

К тому же Отиай — крепкий орешек. Не в том смысле, что он сильный, скорее... как там говорят, непрошибаемый? Толстокожий? В общем, он из тех, с кем лично мне не хотелось бы вести дел. Не думаю, что кожа у него на самом деле толстая, но такого сложно пронять словами.

«Чтобы достучаться до него, понадобится мощь», — решил я. Время уже перевалило за полдень.

После обеда по расписанию стоял урок рисования. Занятие длилось два часа, а перед началом Отиай объявил, что сегодня ученики сдадут работы на выставку акварелей, которая обсуждалась пару месяцев назад.

Ранее, на уроке родной речи, дети читали Кэндзи Миядзаву*, поэтому темой занятия стал мир его произведений. В последнее время в школах часто размываются границы предметов и вместо того, чтобы четко разделять их, одну и ту же тему рассматривают с разных сторон. Комитет образования решил, что так обучение будет эффективнее, так что и в этой школе активно внедряли их подход.

* Кэндзи Миядзава (1896–1933 гг.) — японский поэт и детский писатель.

После занятия, когда ученики разошлись по домам, Отиай собрал готовые картины в стопку и звучно постучал ей о столешницу, чтобы листы уложились ровно. Вероятно, он собирал их по классу с задних парт к передним. На самой верхней работе было изображено ночное небо, усыпанное сияющими звездами. Наверное, она принадлежала мальчику с первого ряда. Рисунки не до конца просохли, и листы слегка пошли волной, но Отиай и глазом не повел.

Он без колебаний перевернул картины. На обратной стороне каждой карандашом были указаны имя автора и номер его места. Наверняка такую инструкцию дал Отиай.

Внимательно читая имена, он начал раскладывать рисунки на две стопки. Всего в классе училось около тридцати детей. Когда Отиай закончил, справа от него оказалось шесть-семь работ — остальные отправились во вторую стопку. После этого он наконец перевернул стопку поменьше и начал рассматривать сами картины. На те, что лежали слева, он даже не взглянул и просто небрежно сунул их в конверт.

Рисунки, которые отправятся на выставку, Отиай выбирал не по качеству, а по именам учеников. Скорее всего, шесть-семь человек, чьи работы остались на столе, уже раньше хорошо показали себя в рисовании или были отличниками и звездами

класса, а может, просто нравились Отиаю. В общем, выделялись среди прочих.

Вины детей тут нет — неважно, стали они любимчиками по прихоти учителя или своим трудом и талантом завоевали место среди лучших учеников. Но что насчет ребят, которые остались за бортом? Даже если они нарисовали по-настоящему хорошие картины, ярко отражающие мировоззрение Кэндзи Миядзавы, Отиай посчитает это лишь случайностью и не сочтет нужным хоть как-то поощрить и отметить подобный пробылеск успеха.

«Ну и тип», — со злостью пробурчал я. Тут дверь аудитории приоткрылась.

6

К этому времени Отиай уже выбрал одну работу из отложенных семи и собрался подниматься с места. В дверном проеме показался Хирото Касай, который вел параллельный класс. Совсем молодой преподаватель — в школе он успел проработать всего пять лет.

— Здравствуйте! Вас ищет Юкава, это по поводу еженедельной утренней линейки. На следующей неделе она на вас, верно?

Каждый понедельник в школе проводили всеобщее собрание, которое преподаватели вели по очереди.

— Да, все так. Я как раз закончил выбирать работу на выставку. Еще успею зайти в учительскую перед началом кружков.

Оттай курировал разговорный клуб английского языка, который располагался на том же этаже, что и учительская. В нем состояло не больше двадцати человек — отличники и умницы, не доставляющие учителям хлопот. Оттай работал с ними с огромным энтузиазмом, словно то было делом всей его жизни.

В университете он специализировался на литературе, однако участвовал в кружке выступлений на английском, который основал его друг, и со временем увлекся. Изучал он язык своими силами и добился немалых успехов: его способности признавали и часто поручали ему в школе мероприятия и внеклассную деятельность, связанные с английским.

Поглядывая на часы, Оттай начал собираться. Хирото с интересом спросил:

— Кстати, как прошло знакомство с Кэндзи Миядзавой и подготовка к выставке?

— Я немало поработал, чтобы дети поняли, как связать литературу и рисование... В итоге два месяца ушло, прежде чем они смогли хоть что-то

выдать, — покачал головой Отиай и коротко вздохнул. — Думаю, стоило выбрать тему полегче. Например, рисовать людей или картины на конкретные, понятные темы, как раньше. Иначе столько времени тратится в никуда.

Хирото слегка удивился:

— Но ведь так интереснее. Можно как бы взглянуть, что творится у ребят в голове, — улыбнулся он. — А позвольте посмотреть, что нарисовали ваши ученики? Будет полезно учесть ваш опыт, когда к заданию приступят мои.

— Конечно.

Все равно выбор уже сделан. Отиай протянул Хирото все, включая конверт с непросмотренными работами. Тот открыл его и принялся с интересом рассматривать рисунки, то и дело восклицая в голос что-то вроде: «Ого!», «О!..» и все в таком духе.

— Какое оригинальное решение.

Отиай бросил короткий взгляд на рисунок, который похвалил Хирото. Верхняя часть бумаги была выкрашена небесно-голубым, а затем книзу цвет градиентом переходил в бирюзовый. Эта работа не была в числе тех, которые Отиай выбирал по именам, так что он видел ее впервые.

— А чья она?

Хирото перевернул листок.

— Рин Такаи, значит. Надо же.

У Такаи были какие-то сложные семейные обстоятельства, из-за чего он часто пропускал школу. Кажется, его растил дедушка. Директор попросил сильно не давить на мальчика, поэтому, несмотря на его проблемы с успеваемостью, Отиай махнул на него рукой. Рин вел себя тихо, спокойно и совсем не выделялся. Отиай считал его абсолютно непримечательным ребенком из числа тех, кто ни в чем не преуспевает.

Вот и глядя на картину, которую похвалил Хирото, Отиай подумал: «Может, она и оригинальная, но ничего выдающегося в ней нет. Хирото молод, вот его и привлекает все новое и интересное, но когда он станет старше, то поймет, что подобные проблески всего лишь случайность».

— О, и эта отличная! — Рисунок, который Хирото так и пожирал глазами, тоже был не из отобранных Отиаем. — Потрясающий выбор цветов, правда?

Отиай посмотрел на подпись к рисунку. Харука Мита все перемены проводила, уткнувшись в библиотечные книги, и заметно выбивалась из коллектива. Непохоже, чтобы над ней издевались, однако она постоянно выглядела такой замкнутой и угрюмой, что и сам Отиай не очень любил иметь с ней дело.

— Но разве не странно выбирать для звездного неба такие цвета?

Фон у рисунка был кораллово-розовый, с оранжевыми и желтыми просветами.

— Думаю, она хотела изобразить внутренний мир Кэндзи Миядзавы, — пояснил Хирото.

— Не кажется мне рисунок хорошим. Слишком уж неординарный и сложный для оценки.

— Зато как интересно размышлять о том, что за работу выберут дети, которые рисуют такие картины!

Нет уж. Жаль их, конечно, но что у Рина, что у Мита вряд ли будут широкие возможности выбирать дело жизни. Такое доступно лишь одаренным и способным людям.

— Прежде всего им не помешало бы научиться ладить с другими.

Школа — место, которое воспитывает в детях умение действовать сплоченно и вписываться в коллектив, чтобы во взрослом возрасте легко идти по жизни. В памяти Отиая всплыли лица инициативных и активных ребят, которые стояли во главе его класса. Вот их точно ждет светлое будущее. Уже сейчас они доказывали свой потенциал успехами в учебе и постами членов студенческого самоуправления или старосты класса — такие достижения лучше всего помогают оценить детей.

Однако Хирото глаз не отрывал от картины Харуки.

— Я даже завидую тому, какой безграничный выбор открывается перед ребятами. И думаю: как здорово работать там, где можно хоть как-то помочь им и направить их.

Отиай едва не прыснул: таким самонадеянным юнцом показался ему Хирото.

Когда Отиай зашел в учительскую, Юкава, преподаватель и по совместительству заведующая школы, уже его ждала.

— Вы собирались поговорить насчет утренней линейки, верно? Прошу прощения, что припозднился. Хирото хотел посмотреть рисунки учеников.

Отиай уже определился, что отдать на выставку. А Хирото, который хвалил только странные работы, похоже, сам тот еще чудаков. Впрочем, учитывая, как мало у него опыта, такие промахи и отсутствие вкуса понятны. Однако его учеников немного жаль.

— О, значит, он заинтересовался рисунками! — улыбнулась Юкава.

— Как ни странно. Молодежь обычно таким не сильно увлекается, — хмыкнул Отиай, однако ответ Юкавы стал для него полной неожиданностью.

— Ну, Хирото ведь специалист, так что ничего удивительного.

— Что? Специалист?

— Ой, а вы не знали? Он с детства рисует и весьма известен у себя на малой родине. Директор упоминал, что в студенчестве Хирото получил престижную творческую премию. А недавно его приглашали в жюри на конкурс рисунков. Так что взгляд на картины у него наметан, в этом нет сомнений!

От удивления Отиай потерял дар речи. Затем он с трудом выдавил:

— Почему же он стал учителем, а не профессиональным художником?

— О, директор как-то спрашивал его о том же. Хирото сказал тогда, что каждый в чем-нибудь одарен, главное — вовремя заметить талант и направить старания в правильное русло. Поэтому как учитель младших классов он хочет помогать разным, в том числе и непростым детям раскрыть свои способности и выбрать направление, развиваясь в котором они сумеют в будущем найти дело по душе.

Отиай вдруг вспомнил встречу выпускников в прошлом месяце. Тот класс он вел, когда сам еще был молодым преподавателем, — с момента их выпуска из младшей школы прошло пятнадцать лет.

Ученики, которые еще тогда выделялись среди других детей, обрели успех в жизни: кто-то теперь адвокат, кто-то врач... Первая красавица класса удачно вышла замуж и стала домохозяйкой, но немного подрабатывала моделью — даже показала всем журнал со своей фотографией.

Но пока Отиай слушал Юкаву, он ощутил смутное беспокойство. Все из-за одного участника встречи.

— О, а вы знаете, какой Сусуму молодчина? Директором компании стал! — окликнул его тогда Ханабиси. Его Отиай помнил, у него еще отец был представителем родительского комитета.

— Да ладно, брось, сколько можно обо мне? — А вот лицо мужчины, смущенно улыбающегося рядом с Ханабиси, Отиаю вспомнить совершенно не удавалось. Да и его имя, Сусуму, ни о чем ему не говорило.

— Сколько там у тебя сотен миллионов годовой доход? Я в интернете видел!

Скрывая недоумение, Отиай бросил взгляд на выпускной альбом. Его принес кто-то из учеников, чтобы поностальгировать вместе. Там на развороте были подписанные снимки всех выпускников.

Отиай отчаянно пытался отыскать на странице имя Сусуму. Да, вот она, фотография с подписью

«Сусуму Хироси». В ней узнавался представший перед ним взрослый. Но, даже увидев фото, Отиай так и не вспомнил этого ребенка, видимо, настолько не обращал на него внимания в прошлом.

Пытаясь избавиться от неловкости, Отиай отошел к столу в глубине зала, где сидели знакомые ему ученики, и обратился к ним по именам со словами: «Какие вы все молодцы». Будто старался доказать себе свою правоту.

— Кстати, вы уже знаете о пополнении в штате в следующем учебном году? — голос Юкавы вернул Отиая в реальность.

— Да, я слышал, к нам придет новенький, вчерашний выпускник. Та еще радость. Мы и так по уши в работе, а тут еще и молодежь обучать, сплошные хлопоты, — вздохнул Отиай.

— Зато образование у него прекрасное! После японского вуза он какое-то время занимался научной работой в американском университете, причем очень успешно. Настоящая находка.

— Одно лишь образование мало значит. Посмотрим, как он покажет себя в деле, — фыркнул Отиай.

Но следующие слова Юкавы выбили его из колеи.

— Раз у нас появился учитель с опытом жизни за границей, думаю, ему мы и поручим разговорный клуб. Как раз разгрузим вас немного.

— Что? Но внеклассной деятельностью я не против и дальше заниматься, — занервничал Отиай. — Под моим руководством дети растут прямо на глазах. Разве не надежнее оставить все как есть, вместо того чтобы поручать новичку?

Он очень старался подобрать аргументы, однако Юкаву явно не убедили его слова.

— Вот уж не знаю. Думаю, родители будут рады, если с детьми начнет заниматься молодой преподаватель, который успел пожить в Америке. Вы ведь специализируетесь на родном языке, верно?

— Я изучал английский самостоятельно, но мне не нравится, когда людей оценивают только по образованию или тому, где они жили. Разве это не слишком поверхностный взгляд?

Несправедливость глубоко возмутила Отиая. Пылая праведным гневом, он обиженно проследовал к своему столу в учительской.

Тут его взгляд вдруг упал на конверт с рисунками в руках, и в душе что-то дрогнуло. Вспомнилась собственная недавняя мысль: «По успехам в учебе и активности в студенческом самоуправлении оценивать детей проще всего». Место обучения, возраст — это, конечно, поверхностные

критерии оценки. Но ведь он сам поступает с учениками так же. А когда подобное случилось с ним... Отиая пробрала дрожь.

Пребывая в полном смятении, он глубоко задумался, уставившись в одну точку. Рука его крепче сжала конверт. Отиай все никак не мог решить, стоит ли открыть его и заново просмотреть рисунки.

Замечательное чувство.

Кажется, про такое люди говорят «как бальзам на душу».

Я отошел от внутреннего окна, ведущего из коридора в учительскую, и хорошенько встряхнулся, а затем с наслаждением потянулся, разминая уставшее от неудобной позы тело. Пришлось долго тянуться, стоя на задних лапах, чтобы наблюдать за происходящим.

Еще раз оглянувшись напоследок, я проскользнул через главный выход и оказался на улице. Когда я бежал по школьному двору, тело обдул нежный ветер, в котором мне послышался отголосок веселых детских голосов маленьких Хироси и Ханабиси, играющих на улице в мяч.

Стоящая со списком работников в руках Нидзико звонко рассмеялась, выслушав мой рассказ.

— Представляю его лицо, когда он узнал, что молодой учитель — профессиональный художник! Вот умора. А потом сразу новость про разговорный клуб... Двойной удар, иначе и не скажешь.

Она поставила четвертую печать. Мне самому снова стало смешно.

— Жаль, что Хироси с Ханабиси этого не покажешь, — прыснул я.

— Согласна. Ну, они выросли и нашли свое место в жизни, так что, думаю, оно им и не надо. Но, Фута, как ты умудрился доставить посыл Хироси сразу через двух учителей? Обычно кусочек души передается целиком, стоит дотронуться до кого-то хвостом.

Все верно. Когда концентрируешь отголосок души на кончике хвоста, а затем касаешься им человека, она временно перемещается в его тело. Это можно сделать лишь раз, вот почему тут надо быть очень внимательным и не допускать ошибок. У меня уже случалось такое, что я прикасался к кому-то или чему-то совершенно нечаянно и очень переживал на этот счет, хотя послание все равно в итоге доходило как следует.

Но сейчас все прошло по плану.

После расследования я решил, что слов одного человека тут будет недостаточно. Уж больно непросто пронять Отиая. Значит, нужно использовать что-то, чего точно коснется кто-то еще... И тут меня осенило: дверь в учительскую!

— Не слишком ли рискованно? Ведь и сам Отиай мог до нее дотронуться, — с беспокойством заметила Нидзико.

— Поэтому я и выбрал время, когда он находился в другом месте.

Заметив, что Отиай остался в классе после занятий, чтобы разобрать рисунки, я тут же сбегал к учительской. К счастью, дети уже разошлись по домам, поэтому никто меня не заметил, и я благополучно поместил в дверь отголосок души.

— Сначала двери коснулась Юкава, потому что она отвечала за утреннюю линейку, а после — Хирото, который отправился искать Отиая.

— Вот оно что. Ты выбрал удачное место, поэтому после Юкавы отголосок послания передался и Хирото тоже.

Однако мы проносим в мир лишь маленький кусочек. Он очень слаб. Так что, когда Отиай зашел в учительскую, прикосновение уже не имело никакого эффекта.

— Ой, все равно ужасно тревожно... — поежилась Нидзико.

— Я все внимательно просчитал. Мои усы и не на такие вычисления способны! — Я гордо ими пошевелил.

Конечно, отчасти мне просто повезло, что все так хорошо сложилось. Ну и пусть. В итоге-то отлично вышло.

Глядя на Нидзико, я вдруг вспомнил свой разговор со Скаем.

— А правда, что ты держишь это кафе из-за сожаления, связанного с домашней кошкой?

— Правда, — потупилась Нидзико. — Она умерла из-за меня.

Нидзико рассказала, что ее кошка была уже пожилой, но все еще отлично держалась. Ей исполнилось целых двадцать два года — настоящая долгожительница!

— Незадолго до смерти она вдруг потеряла аппетит, — грустно сказала Нидзико.

— Ну это ведь старость. Все мы не вечные. Разве тут кто-то виноват?

— Не в том дело. Конечно, ты прав. Оставь я ее дома до самой смерти — не терзалась бы так.

— А что случилось?

Нидзико все так же сидела, уткнувшись взглядом в пол. Она тихо пояснила:

— Я пошла с ней в ветеринарную клинику. Она хоть и ослабла, но отчаянно сопротивлялась, когда я сажала ее в переноску... Но я не отступилась.

— Прости уж, но больницы и я терпеть не могу.

— Знаю. Я все понимала, но так переживала, что...

Кошку оставили в клинике для наблюдения, и той же ночью она умерла.

— Сиди я с ней дома и не подвергни стрессу, может, она прожила бы немного дольше. Наверное, ей было очень страшно и одиноко. Мне так хотелось остаться с ней рядом до конца. Поблагодарить ее за все как следует, попрощаться. Повидаться напоследок. — По щекам Нидзико катились слезы. — Так что я хочу хотя бы немного помочь котам из синего мира, а заодно и людям из зеленого, дать шанс встретиться с близкими. Вот и взялась за эту работу.

— Вот как.

Уверен, кошка Нидзико не в обиде на нее. Напротив, благодарна ей за заботу и любовь. Мне хотелось объяснить это Нидзико, но я не нашел нужных слов. Тут она сама обратилась ко мне:

— Фута, ты слышал когда-нибудь легенду о радужном мосте?

Ах да, история о питомцах, которые ждут своих хозяев на радужном мосту, чтобы вместе отправиться на небеса.

— Какая же это легенда? Так ведь оно и есть, — удивился я.

Зеленый и синий миры и правда соединяет мост, за которым присматривает кот-привратник, да и кафе тоже на пограничье стоит.

Нидзико тихо засмеялась:

— Все думают по-разному. Я и сама не знаю точно, как все устроено. Но мне очень хочется верить в эту легенду. Она придает сил.

— Кстати, а ведь название кафе на французском означает «мост», да?

— О, ты и это знаешь? — восхитилась Нидзико.

Я не стал уточнять, что просто подслушал разговор клиентов перед входом. Если так подумать, то, возможно, и имя Нидзико* не настоящее, а всего лишь псевдоним.

— Но ведь твоя кошка уже где-то в синем мире? Разве нельзя просто отыскать ее и повидаться?

— В отличие от людей, у кошек нет точного адреса. А сама она может найти кафе, только если откликнется на объявление о подработке. Но это едва ли. Мало находится отважных котов, готовых взяться за такую непростую работенку, — Нидзико озорно подмигнула мне.

Сожаления и терзания могут сделать человека добрее к другим. Вот чему научила меня Нидзико — сильная духом и бесконечно отзывчивая.

* В имени Нидзико есть иероглиф «радуга».

Пятое поручение

Кот Фута сворачивается клубочком

1

— Я воровка.

Я дернул ушами, прислушиваясь к разговору Нидзико с гостьей за дверью кафе.

— Что-что?

Белый одноэтажный домик с вывеской Café Pont одиноко стоит в углу небольшой площадки на вершине холма. Здание укрыто трехскатной крышей, на стене сбоку красуется окошко с узорной решеткой, а на двери тускло поблескивает

круглая латунная ручка. Кафе напоминает домики из иллюстраций к детским книжкам.

Я валялся на солнышке у двери, но, услышав неожиданное признание посетительницы, заинтересовался и пошел к окошку взглянуть, что происходит внутри.

Меня зовут Фута. Я провел в «том» мире — мы зовем его зеленым — девятнадцать лет, а около четырех месяцев назад попал в синий. Проще говоря, зеленый мир можно назвать реальным, а синий — потусторонним. Но, с моей точки зрения, сейчас меня окружает вполне себе реальность, так что провести грань становится сложно.

Может, люди и считают, что ушедшие в иной мир чувствуют себя одиноко, но это вовсе не так. Во-первых, тут у всех полно дел — некогда скучать, а во-вторых, грань между двумя мирами весьма тонка, и они не так уж далеки друг от друга. А кое-где и вовсе соприкасаются. Правда, просто так бродить туда-сюда нельзя: случится что-то скверное. Кажется, кто-то это называет нарушением баланса, а нам говорили: «Земля искривится». Звучит весьма неприятно.

Потому и нужны мы, коты-посланники. Мы берем из синего мира кусочек души человека, с которым хочет повидаться кто-то в мире зеленом, и передаем его послание. Хотя случается, что мы сводим и людей, которые живут в зеленом

мире. Иногда доставить весточку легко, но часто приходится попотеть. В общем, непростое дело.

К слову, если выполнять вообще все просьбы без разбору, никаких котов-посланников не хватит. Поэтому мы работаем лишь с теми, кто никак не может сам пойти навстречу тому, с кем мечтает увидеться. Отбирает поручения Нидзико, владелица кафе Pont, стоящего на границе между двумя мирами.

Не только меня ввело в ступор неожиданное заявление посетительницы о том, что она воровка.

— Что-что? — настороженно переспросила Нидзико. Ей явно не улыбалось стать невольной соучастницей преступления.

Женщина лет сорока на вид спокойно начала объяснять.

— Понимаете, я владею небольшой частной галереей, под которую заняла часть жилого дома, — и она упомянула название городка, где он находится.

— А, тот, что у моря?

Я помню это название. Мама Митиру как-то ездила туда к подруге. Там еще есть храм, где красиво цветут гортензии, — она увлеченно рассказывала о том, как ходила ими любоваться. И даже привезла мне оттуда в подарок милый ошейник с колокольчиком, но, к сожалению, я не любитель украшений. Когда я замотал головой, демонстрируя

недовольство, мама огорченно заметила: «А ведь тебе так идет!», но тут же его сняла.

Митиру — это девушка, с которой я провел все свои девятнадцать лет в зеленом мире. Еще рядом всегда были ее папа с мамой — они тоже очень меня любили.

И вот в том городке посетительница кафе держит галерею, где выставлялись — и заодно продавались — картины и предметы искусства местных художников и мастеров.

— Большая часть посетителей тоже местные, но в выходные дни и туристы заглядывают. Хотя бывает, что галерея пустует, — улыбнулась женщина. — Я переделала под нее первый этаж своего дома. Сын вырос и уехал учиться, а для нас с мужем дом слишком большой.

В опустевшем доме у женщины освободилось много времени, и как раз тогда старый знакомый подарил ей картины одного местного художника.

— Не знаю такого, — заметила Нидзико, услышав его имя.

— Он рано ушел из жизни и не успел прославиться, но писал просто замечательно. Мне захотелось познакомить людей с его работами, и это стало поводом открыть галерею.

В юности женщина изучала искусство в университете, очень интересовалась живописью и потому часто ходила по музеям для души, однако прежде

она и не думала рассматривать что-то подобное как источник дохода.

— Поначалу мне пришлось нелегко. Я ведь всю жизнь была домохозяйкой, поэтому и не мечтала однажды завести свое дело. До сих пор во многом разбираюсь на ходу.

После открытия галереи она наладила знакомство с местными творцами — не только художниками, но и мастерами всяческих прикладных искусств — и стала работать с самыми разными жанрами и направлениями.

— А какое отношение это имеет к имени, которое вы указали? — спросила Нидзико, глядя на карточку у себя в руках.

Так работает сбор заказов в кафе Pont. Здесь любой посетитель может поучаствовать в опросе «С кем вы хотели бы увидеться больше всего на свете?», записать ответ на карточке и бросить ее в специальный ящик. После Нидзико выберет те просьбы, за которые возьмется.

Судя по всему, нынешняя посетительница отдала записку Нидзико в руки и тут же принялась рассказывать, о ком написала.

— Я указала имя лучшей подруги.

— Прошу прощения за вопрос: она здравствует и поныне?

Порой мы работаем и с людьми из зеленого мира, но уточнить не помешает.

— Да, у нее все хорошо. По крайней мере, насколько мне известно от общих знакомых.

— Получается, вы не знаете, где ее найти?

— Я много раз была у нее в гостях, так что прекрасно знаю, где она живет.

— Ну тогда, — голос Нидзико зазвучал строже, — вам стоит самостоятельно устроить встречу.

На короткое время в воздухе повисло молчание. А затем женщина снова тихо заговорила:

— Как я уже сказала, я воровка. Я украла у нее кое-что ценное.

Нидзико недоуменно захлопала глазами.

— Мы оказались в одном классе на пятом году обучения в младшей школе, — начала рассказ женщина.

Идти домой девочкам было по пути, и они быстро сдружились. Постепенно они стали проводить вместе время не только в школе, но и на выходных. А после уроков расставались ужасно неохотно и драматично, подолгу держась за руки, хотя прощались всего-то до утра следующего дня.

В средней школе подружки пошли в один кружок — на рисование. Иногда они рисовали друг друга, но в основном — всяких героев любимой манги. Старшие школы девочки посещали разные, но на выходных обязательно встречались: ходили в кино, на шопинг и все в таком духе.

Тогда наша посетительница и полюбила музеи — все благодаря подруге. Они были одной комплекции, поэтому часто обменивались одеждой или подбирали похожие наряды.

— Мы повзрослели, а наша дружба была все такой же крепкой.

Подруга посетительницы после вуза устроилась в брокерскую компанию, там и осталась — сделала хорошую карьеру и искренне любит свою работу. Замуж так и не вышла.

— Я еще в университете начала встречаться с молодым человеком, и мы поженились сразу после выпуска. Вскоре я забеременела сыном и осела дома — в общем, с подругой мы пошли совершенно разными путями.

Но, несмотря ни на что, подруга посетительницы находила время в своем плотном графике, чтобы поздравить ее ребенка с днем рождения, привезти сувениры из поездок или просто заглянуть к ней в гости.

— Растить детей — дело трудное. Когда у меня что-то не ладилось или мы ссорились с мужем, я порой заявлялась к ней.

— Обычно в такие моменты возвращаются в отчий дом, — заметила Нидзико.

— Да, но там родители как начнут читать нравоучения — только сильнее расстроишься. С ней же мне было куда спокойнее. За что я ей бесконечно

благодарна, — женщина бросила задумчивый взгляд вдаль. Она совсем погрузилась в воспоминания.

— Выходит, вы были друг другу даже ближе, чем родня.

— Так и есть. Муж тоже об этом знал и, когда я, вспыхнув, уходила из дома, всегда звонил ей, мол, моя ведь у тебя?

— Ну и ну.

Души двух женщин словно были связаны прочными узами. Абсолютное доверие и спокойствие — точно так же я чувствовал себя, когда находился рядом с Митиру, мамой и папой. Стоило лишь подумать о них, как на сердце потеплело. Даже тело, казалось, прогрелось, так, что меня мигом начало клонить в сон... Женщина, конечно, о моем присутствии и не подозревала, но ее голос вдруг зазвучал громче и вырвал меня из грез.

— Но однажды она вдруг перестала выходить на связь.

— Что-то случилось?

Я прислушался.

— Я тогда только открыла галерею и полностью ушла в дела, да и у подружки были какие-то перестановки на работе. Она и прежде порой погружалась в нее с головой и пропадала с радаров на несколько месяцев, так что я не удивилась ее молчанию.

— Кажется, брокерские компании особенно загружены в конце года, а еще когда проходят собрания акционеров...

— Вот-вот. Поэтому, даже когда я не получала ответа на свои письма, думала: ну, наверное, она слишком занята. К тому же ничего такого уж важного я не писала.

Но шли дни, месяцы, а все оставалось неизменно. Не успела женщина и оглянуться, как перерыв в общении затянулся больше чем на год.

— Тут я уже начала переживать. Подумала: не случилось ли чего?

— Конечно, запереживаешь тут. Тем более если человек живет один.

Женщина связалась с их общей знакомой, чтобы прояснить ситуацию.

— Тогда мне и передали: подруга заявила, что я воровка, — она повесила голову. — Те слова стали для меня полной неожиданностью.

— Что же случилось? Неужели что-то, связанное с мужчиной?

В телесериалах часто показывают то, как легко рушится женская дружба из-за любовных дел.

— Сразу приходит в голову, да? Я тоже сначала подумала, что по незнанию сблизилась с кем-то, кем она дорожила. Случается ведь такое, что кто-то влюбляется в тебя, а ты о том и знать не знаешь. Но, обдумав это, я поняла: не может такого быть.

Уж слишком обыденно все шло в последнее время — разве пропустишь подобную оплошность, разве не заметишь странностей?

— Значит, дело в какой-то вещи? Может, вы одолжили у нее что-то и не вернули?

— Такое и правда бывало, — на губах женщины мелькнула улыбка. — У меня до сих пор хранится в шкафу манга, которую подруга давала мне еще в студенчестве. Но и обратное верно. Одна из моих любимых книг должна лежать где-то у нее дома.

Женщина объяснила: это лишь еще одно доказательство крепости их дружбы.

— Мы постоянно одалживали друг другу вещи, так что порой переставали понимать, кому что изначально принадлежало. Было так здорово.

Но раз они так крепко дружили, что могло пойти не так?

— Прозвучит скверно, но... — женщина на миг запнулась и после короткой паузы продолжила: — я даже подумала, не в зависти ли дело? Я вышла замуж, родила ребенка и всю жизнь почти не работала, а подруга всегда была сама по себе. В молодости ее все устраивало, но, может, с течением лет ее мнение изменилось? Я размышляла об этом, однако...

— Однако вы сами сказали: подруга работала с удовольствием, и карьера у нее ладилась.

— Да. Так что дело не в том. Да и не такой она человек. К тому же она радовалась, когда мой сын поступил в университет, словно за собственного ребенка, и прекрасно знала, с какими сложностями и тревогами я сталкивалась, пока его растила. Поэтому, когда он уехал учиться, даже подбодрила меня: мол, наконец у тебя появится немного времени на себя.

— А не в расстройнии ли дело? Может, ей стало в тягость ездить к вам?

— Вовсе нет. Она порой уставала от жизни в большом городе, с удовольствием приезжала в гости и всегда хвалила окрестные пейзажи. В общем, чтобы разобраться, я внимательно проследила, с какого момента подруга перестала выходить на связь.

— Разумно, — поддержала Нидзико.

— И тогда поняла: все началось с тех пор, как я открыла галерею. Ровно два года назад, — женщина снова понизила голос.

— А подруга ее посещала?

— Лишь однажды, на открытии. Я тогда была так занята организацией, что поздно спохватилась... Но если подумать, именно с тех пор она и разорвала общение, — женщина грустно опустила глаза. — И тогда я вспомнила один наш разговор в средней школе, когда мы еще ходили в кружок рисования.

— Какой разговор?

Я тоже затаил дыхание. Не только уши, но и хвост у меня встал торчком.

— Все случилось на показе, когда участники кружка выстроили свои работы вдоль стен. Глядя на это, подруга сказала: «Я бы хотела однажды открыть маленькую галерею, в городке у моря». Такой была ее заветная мечта.

Когда женщина цитировала подругу, в голосе ее зазвенела надежда тогдашней школьницы, погруженной в грезы о прекрасном будущем.

— Вот как. Получается, вы сделали именно то, чего она тогда желала, — мягко подытожила Нидзико.

— Я украла ее мечту, — едва слышно произнесла женщина. — Мне так хочется извиниться перед ней.

Нидзико задумалась, а потом склонила голову набок:

— Даже так? Но есть ли тут за что извиняться? Ваша галерея ведь не единственная в мире в городке у моря. Их множество. Так что, если ваша подруга хочет, она всегда может открыть свою. А ваше дело — плод ваших упорных трудов и личных знакомств. Разве это требует извинений?

— Но она ведь обиделась...

— Думаю, проблема в том, что вы забыли о ее мечте. А может, помнили о ней подсознательно и где-то внутри вас таилось желание подругу опередить?

— Опередить? Но я вовсе... — Женщина тревожно сжала пальцы, удивленная догадкой.

— Уверены? — голос Нидзико звучал мягко и проникновенно, словно она видела собеседницу насквозь.

Та медленно подняла голову:

— Наверное, это я ей завидовала. Подругу уважали и ценили коллеги и подчиненные, и она уверенно шла по пути, который сама проложила. Не испытывала проблем с финансами и всегда выглядела нарядной и модной. А я стала скучной домохозяйкой. Отслеживала цены на огурцы, с головой ушла в воспитание ребенка, годами носила одно и то же... Поэтому, когда я открыла галерею, пожалуй, где-то в глубине души и впрямь хотела доказать, что тоже на что-то способна.

— В общем, вы друг друга стоите, — взгляд Нидзико был наполнен теплом и нежностью. — Вам нужно встретиться и хорошенько поговорить обо всем. О мечтах, которые вы лелеяли в юности, и о том, какими вы стали теперь.

— Но удастся ли? — с тревогой спросила женщина.

— Есть люди, которые всей душой жаждут встречи с теми, кого больше нет рядом, но знают, что это невозможно. Однако вы с подругой — другое дело. Сходите к ней сами. У вас все получится, — кивнула Нидзико, возвращая женщине карточку с именем.

— Вот я удивилась, когда она заявила, что воровка. Подумала, уж не собирается ли она тут каяться в преступлении? Этого еще не хватало.

Когда посетительница ушла, я заглянул в кафе. Вообще котам-посланникам не положено бывать тут в часы его работы, но Нидзико не сердится, если мы заходим, когда никого нет.

— Ладно, чего куковать без дела. Пора закрываться.

Нидзико всегда говорит так, когда кафе пусто. Хотя никаких кукушек я в округе ни разу не видел.

— Подумать только, с какими разными просьбами к нам обращаются, — удивленно заметил я.

— Это точно. Но та женщина справится и сама. Пусть ее подруга и не выходит на контакт первой — если женщина к ней придет, они смогут объясниться. Уверена, достаточно им начать разговор, и лед тронется. А вот подобное так просто не решить, — Нидзико показала мне карточку.

На ней значилось:

Хочу увидеться с мамой, которая перестала узнавать меня из-за деменции, и поговорить с ней о былом.

— Вот это действительно отчаянное положение. Тут уж за любую возможность ухватишься.

Человек перестает тебя узнавать... и не кто-то посторонний, а любимая мама. У меня сердце сжалось. И подумать страшно, каково мне было бы, забудь Митиру о моем существовании.

— Понимаешь? — переспросила Нидзико, заметив, как я притих.

Я кивнул.

— Тогда поручаю это тебе. Уж не подведи.

Как же сладить с человеком, у которого проблемы с памятью? Непростое выходит дело. Но все же мне захотелось попробовать. Я сразу представил себе весь ужас ситуации и тут же подумал: вот бы хоть как-то помочь.

— Ты отлично развил воображение, — Нидзико смотрела на меня по-матерински нежно.

Я спрыгнул с комода и подошел к горящему камину. Подремлю здесь немного, а потом начну строить планы.

3

Наша заказчица — Кодзуми Хосака, женщина в возрасте около шестидесяти лет. А повидаться она хочет с матерью, Сацуки Комай, которой уже

за девяносто. В анкете было указано название дома престарелых, где та сейчас находилась.

— Думаю, там получится пересечься не только с ней, но и с дочерью, — решил я, но все оказалось не так просто.

Комнату Комай я нашел быстро. В этом доме престарелых держали «терапевтических» кошек и собак. В больницах нередко организуют общение с животными, чтобы морально поддержать пациентов. Вот и в домах престарелых иногда прибегают к этому во благо постояльцев с деменцией.

Я проник в комнату с вывеской «Живой уголок», обставленную словно кошачье кафе. А дальше все оказалось просто. Большинство ее обитателей принадлежали к зеленому миру, но были и те, кто уже успел побывать в синем. Я основательно расспросил местных.

— Сацуки? Она добрая женщина.

Очень похожий на меня рыжий полосатый кот рассказал, что на ее коленях чрезвычайно уютно дремать, свернувшись клубочком.

— Семья часто к ней приходит? Их тут можно встретить?

— Каждый день. Но только сын и невестка. В будни заглядывает невестка, по выходным и сын заходит. А дочь ее тут не появляется.

Когда я объяснил новым знакомым свое поручение, один из котов заметил:

— Иногда у нее с памятью лучше, а иногда хуже. Когда как.

Странное дело. Я внимательно выслушал всех, а затем направился к комнате Сацуки.

4

— О! Ку, малыш! Зашел меня проводить? — дверь, возле которой я бродил, открылась, и на пороге показалась пожилая женщина. Судя по всему, Сацуки собралась в столовую на обед. Я думал, она уже не может сама куда-то ходить, но, видимо, ошибся.

Обитатели живого уголка ведь говорили, что состояние ее памяти изменчиво: то лучше, то хуже. Получается, по дому престарелых Сацуки гуляет свободно.

«Кто еще такой Ку? Я Фута», — хотел поправить я, но даже хорошо, что она меня с кем-то перепутала (наверное, с тем рыжим котом из живого уголка). Проще будет провести с ней время.

— Заходи, — пригласила Сацуки.

Не знаю, можно ли терапевтическим животным проникать в личные комнаты пациентов, но кого это волнует? Я проскользнул внутрь.

Сацуки посадила меня к себе на колени и принялась увлеченно гладить — похоже, совершенно

забыв про обед. Жаль, что я помешал, но наверняка еду ей позже принесут в комнату или по крайней мере зайдут позвать в столовую. А до этого момента я побуду Ку.

— Ку, хочешь угоститься? — Сацуки достала из ящика стола сушеную рыбку — нибоси.

Я тут же махнул хвостом и подал голос. Но откуда она у нее? Не успел я удивиться, как Сацуки пояснила:

— Это Сатору мне оставил. Мол, в ней много кальция, а он полезен для костей и зубов, так что пусть будет на перекус. Ты ведь не встречался с Сатору, да, Ку?

Только вот зубов у Сацуки уже совсем не осталось. Она носила вставную челюсть, которую надевала лишь во время еды.

— Я ведь уже и не могу есть такое твердое. Но Сатору очень заботливый. Мой единственный ребенок.

На глаза Сацуки навернулись слезы — то ли от радости, то ли от печали. Люди ведь плачут и от того, и от другого. А еще, говорят, становятся более сентиментальными с возрастом. Вот уж не стану утверждать — мы, кошки, редко грустим, поэтому мало знаем о слезах.

Кстати, Сацуки охотно говорит о сыне, а дочь и словом не упомянула. К тому же заявила, что он ее единственный ребенок. Похоже, она и правда совершенно забыла о Кодзуми.

Маленькая комната, в которой были лишь стол да кровать, выглядела уныло, однако в ней нашлось местечко для крохотного домашнего алтаря — буцудана. От него пахло благовониями. Перед ним стояла фотография представительного мужчины. Наверняка это муж Сацуки — отец Сатору и Кодзуми. Больше семейных снимков в комнате я не увидел.

Какое-то время я нежился на коленях Сацуки, разворачиваясь то так, то этак. Когда я уже совсем расслабился и почти уснул, в дверь постучали, а затем в комнату зашла какая-то женщина. Я понадеялся было, что это Кодзуми, но тут же понял свою ошибку.

— Сацуки, здравствуйте!

— О, Ханаэ! Ты сегодня одна?

— Да, будний день ведь. Сатору на работе.

Судя по всему, диалог был для женщин уже привычным. Значит, жену Сатору, невестку Сацуки, зовут Ханаэ.

— Меня попросили передать, что вас ждут на обеде.

Тут Ханаэ наконец заметила меня на коленях у Сацуки.

— Ой, котик! Это местный, да? Их же нельзя забирать в комнаты, вас отругают.

— Но он сам пришел, — растерянно ответила Сацуки, удивленная строгим тоном Ханаэ. Нельзя

и дальше ставить ее в неловкое положение. Я спрыгнул на пол и поспешно выскользнул за дверь. Мне показалось, что за спиной я услышал, как Ханаэ недовольно поцокала языком.

Что же делать?

Я неохотно поплелся обратно, ничего не узнав.

Посоветоваться бы с другим котом-посланником, но перед кафе никого не нашлось. К тому же на двери висела табличка «Технический перерыв». Я заглянул внутрь, но зал был пуст. Огонь в камине тоже не горел.

Я, казалось, еще ощущал тепло Сацуки, и мне невольно вспомнилось, как я спал на коленях у Митиру, пока она нежно гладила меня. Сразу стало как-то одиноко. Я совсем приуныл и даже подумал: наверное, в такие моменты люди и льют украдкой слезы.

Мне захотелось поболтать с Нацуки, но и ее я не нашел.

«Ну и ладно. Так даже лучше: нечего показываться ей в таком унынии», — попытался подбодрить себя я и тут вдруг вспомнил: точно, она ведь упоминала, что недолго поработает в зеленом мире.

Черные ведьминские кошки сейчас ужасно заняты. Близится Хеллоуин. В нашу последнюю встречу Нацуки говорила:

— Я пока не могу свободно управляться с метлой, так что в этом году на Хеллоуин буду только сидеть на ней для красоты.

Ей предстояло украшать собой на метле окно кафе где-то в зеленом мире.

— Значит, до самого Хеллоуина ты будешь там? — забеспокоился я.

— Кафе работает только по вечерам в промежутки между молодой луной и полнолунием, поэтому я проведу там лишь две недели в октябре.

— А, всего лишь, — опешил я. Хотя и расслабился немного. — Надо же, бывают кафе, которые открываются так редко.

У кафе Pont тоже довольно короткое время работы, но все равно порегулярнее.

— Говорят, кафе замечательное и очень уютное. Здорово, что мне его поручили, — весело объяснила Нацуки и добавила: — А еще у владельца есть черный кот по имени Тунец. Разве не забавно: кот, которого называли рыбой?

Нацуки выглядела такой оживленной и радостной, что мне оказалось непросто сдержать проявление жгучей ревности.

Разговор этот случился дней десять назад, так что скоро Нацуки должна вернуться. Она прекрасно справляется с работой и растет прямо на глазах.

Меня охватило чувство, что я один топчусь на месте и никак не продвинулся вперед, и я совсем приуныл.

Между зубов застрял кусочек сушеной рыбки — я выковырял его когтем и заодно облизнул морду. К приятному рыбному запаху примешивался едва заметный аромат благовоний.

Матрасы в доме престарелых весьма твердые. Однако Сацуки, спящая на кровати, согрела ее своим телом, поэтому под ней все равно было уютно.

Я отчаянно старался прислушаться к беседе людей в комнате, но такими темпами сон точно возьмет свое. Делать нечего. Я высунулся из-под кровати.

— Ой, снова этот кот!

Ханаэ, невестка Сацуки, изумленно уставилась на то, как я поправляю растрепавшуюся от сидения под кроватью шерсть. Ага. Мужчина рядом с ней — это, наверное, Сатору.

— Разве терапевтических животных пускают в комнаты? — спросил он.

— Вот уж не знаю... Я уже находила его тут и тогда решила, что Сацуки его сама принесла, — даже замечание ей сделала. Но если подумать, вряд ли она бы так поступила. Может, присутствие животных в комнате — часть терапии?

Однако Сатору уже утратил ко мне всякий интерес.

— Наконец получилось зайти, а она даже не проснулась, — со вздохом заметил он. В его голосе звучало скорее не беспокойство или сожаление, а досада. Мне даже стало немного обидно за Сацуки.

— Но когда ей лучше, она ведет себя очень естественно. И о тебе всегда спрашивается. Врачи говорят, что улучшения и ухудшения как будто цикличны. Ее состояние меняется где-то раз в пару недель.

Из окна повеяло прохладой — я зябко поежился.

— Кстати, мне сестра написала, — Сатору достал телефон из кармана пиджака.

— Кодзуми? Что она говорит?

Сатору развернул к Ханаэ экран, но она как раз встала, чтобы закрыть окно, так что он снова опустил руку. Этого времени мне хватило, чтобы прочесть сообщение:

Как дела у мамы? Прости уж, что все хлопоты упали на вас с Ханаэ. Я часто поглядываю на дом престарелых.

В комнате повисло молчание. Наконец Ханаэ заговорила:

— Она наверняка хочет с ней повидаться. Может, устроим им встречу хоть разок?

Я дернул усами. Отличное предложение! Однако Сатору покачал головой.

— Не стоит. Они всегда не очень ладили. Сейчас маме лучше потому, что она почти забыла о дочери. Встреча только разбередит старые раны и ухудшит ее самочувствие.

— Твоя сестра ведь не виделась с матерью с тех пор, как развелась, да?

— Нет, они разорвали отношения еще раньше. Мама была резко против ее брака, но сестра пошла ей наперекор. Они так рассорились, что мать заявила: «Ты мне больше не дочь!» А сестра, хоть и упорствовала, в итоге развелась через год. Хотя девичью фамилию так и не вернула.

— А сейчас она одна?

— Судя по всему.

— Интересно, что значит «часто поглядываю»...

— О чем ты?

— Ну, она ведь пишет в письме: «Часто поглядываю на дом престарелых». Кодзуми живет где-то рядом?

— Да нет. Наверное, просто иногда проходит мимо?

Разговор затих. Тут в дверь постучали, и в комнату заглянул медработник:

— О, здравствуйте! Навещаете маму?

Я поспешно выскользнул в приоткрытую дверь.

— Да, хотя она сегодня весь день спит, — донеслось до меня неловкое пояснение Сатору.

Я вышел из дома престарелых и стал слоняться по окрестностям. Что Кодзуми имела в виду под своим «часто поглядываю»? Сразу вспомнился наказ Нидзико развивать силу воображения. Я принялся рассуждать: она каждый день тут прогуливается? Или переехала в квартиру поблизости, из окна которой виден дом престарелых, просто Сатору об этом не знает?

«Виден из окна...»

Я замер на месте и внимательно огляделся. Тут мой взгляд упал на маленькую прачечную напротив дома престарелых.

Посмотрев по сторонам, я осторожно перешел дорогу и прислушался к разговору сотрудницы с клиенткой, притаившись у раздвижной двери.

— Один бежевый свитер, правильно?

— Ага. Доставала из шкафа одежду на новый сезон и обнаружила, что свитер остался нестиранным с прошлого года... Ну даю, — засмеялась клиентка.

— Резко похолодало, да? В межсезонье вечно не знаешь, что бы надеть, — улыбнулась в ответ сотрудница. Похоже, эти двое давно знакомы.

— Да уж, рано. А ведь совсем скоро праздники. Вам уже пришли листовки о распродажах?

— Я не тут живу, — покачала головой сотрудница прачечной. — Мне больше часа на поезде сюда добираться.

— Ого, так далеко?

— Да, так вышло. У меня мама лежит в доме престарелых напротив.

— Вот оно как! Конечно, рядом спокойнее, — понимающе улыбнулась посетительница. Тут из служебного помещения донесся голос:

— Хосака!

Последние сомнения развеялись. Как я и думал, Кодзуми работает рядом, поэтому каждый день видит дом престарелых, где живет ее мать.

Отлично!

Я распушился, чтобы поднять боевой дух: все тело до самого кончика хвоста вмиг стало казаться больше раза в два.

6

Сначала надо понять, как получить послание от Сацуки. Раз ее воспоминания размываются, должно быть, часть ее души уже перешла в синий мир. Но она еще не принадлежит ему. Как же ухватить кусочек души, что бродит на грани между мирами?

Я уже знаю, что состояние Сацуки то ухудшается, то улучшается. Но в чем закономерность?

Глубоко задумавшись, я неспешно брел куда глаза глядят, пока вдруг не уловил тихий шелест. Желтые листочки дерева гинкго, стоящего посреди парка, укрывали землю вокруг. Смена сезонов... Вот и Кодзуми с клиенткой это только что обсуждала. Вспомнив их разговор, я замер среди золотистого ковра из листьев.

Смена сезонов...

В Хиган* жители синего мира могут подобрать-ся очень близко к зеленому. Так называют празднование равноденствия: Хиган включает в себя три дня до и после весеннего и осеннего равноденствия. В это время Солнце оказывается по отношению к Земле в таком положении, что день и ночь становятся одинаковыми по длине. Считается, что небеса и земля тогда максимально близки друг к другу, а потому в Хиган люди поминают умерших и навещают их могилы.

* *Хиган* (яп. 彼岸 — «другой берег») — буддийский японский праздник, отмечается ежегодно во время весеннего и осеннего равноденствия. Начинает праздноваться за три дня до равноденствия и заканчивается тремя днями после. Хиган, наравне с Новым годом зимой и фестивалем Бон летом, является праздником почитания предков, во время него совершаются поминальные службы.

Мне хорошо это известно, ведь в доме Митиру тоже соблюдали традиции: в Хиган семья ела охаги — рисовые колобки в оболочке из сладкой бобовой пасты. Не знаю, как насчет других кошек, но мне сладкая паста из красной фасоли весьма нравится. Митиру давала мне немного слизать с пальца — очень вкусно!

Помню, как мама объясняла Митиру, что пусть это и одно и то же лакомство, но на осеннее равноденствие его зовут охаги, а на весеннее — ботамоти, в честь весенних цветов*. Еще она говорила, что осеннее и весеннее равноденствие — часть календаря, который делит год на двадцать четыре цикла. Я тогда подумал: значит, охаги можно лакомиться целых двадцать четыре раза в год — и был очень разочарован, узнав, что это не так.

Такой календарь делит год на двадцать четыре сезона — получается, новый сезон наступает где-то раз в пятнадцать дней.

А ведь Ханаэ сказала Сатору: «Врачи говорят, что улучшения и ухудшения как будто бы цикличны. Ее состояние меняется где-то раз в пару недель».

Не стану утверждать наверняка, но не вижу ничего удивительного в том, что блуждания души

* В названии лакомства на весеннее равноденствие есть японское обозначение пионов — «ботан».

между мирами могут быть связаны с положением Солнца. Наверное, в день смены сезонов душа Сацуки проваливается в синий мир. Я уверенно развернулся и пошел обратно к дому престарелых.

Над стойкой регистрации висел календарь, на котором также были помечены и циклы Солнца и Луны вместе с заметками о благоприятных и неблагоприятных днях. Новый цикл настанет послезавтра.

— Надо спешить!

Я так заторопился, что на бегу врезался в стеклянную автоматическую дверь, прежде чем она успела открыться. Пришлось попятиться назад, чтобы попасть в зону действия сенсора. На этот раз она распахнулась как положено.

Я лежал на коленях у Сацуки, когда Ханаэ, как обычно, заглянула в палату.

— Как он к вам привык, — сказала она, уже не пытаясь делать замечание.

— Ку — умница, — Сацуки продолжала меня наглаживать. Кажется, Ханаэ она даже не услышала. Пусть я и на работе, но такими темпами точно унесусь в страну грез... Бороться с сонливостью становилось все сложнее. Я с огромным трудом приоткрыл глаза, так и норовящие слипнуться, и сквозь прищур оглядел комнату.

На маленьком прикроватном столике стоял бумажный стаканчик с холодным кофе, который Ханаэ купила в автомате в коридоре. Она отпила глоток и отвернулась, погружившись в уборку на большом столе.

«Сейчас!»

Я дернул усами, вскинулся и прицельно прыгнул на маленький столик так, чтобы зацепить лапой тот самый стаканчик. Он тут же опрокинулся на бок с негромким стуком. Кофе расплескался, и капли оставили пятна на рукаве светлорозового халата Сацуки.

— Ой! Сацуки, вы в порядке? — обернулась Ханаэ. Я поспешил спрятаться, прежде чем меня начнут ругать.

— Что-то случилось? — одна из сиделок услышала восклицание Ханаэ и заглянула в комнату. Я тут же выскочил наружу, скользнув у нее между ног.

Давненько я так не активничал — даже разволновался. Сердце в груди так и стучало. Немного успокоившись, я подошел к двери и прислушался.

— Все в порядке, на Сацуки почти не попало, только халат испачкался. И водой такое вряд ли отстираешь, — растеряно пояснила Ханаэ. Мне даже стало немного совестно, но сегодня все непременно надо было сделать именно так.

— Давайте я заберу его в нашу прачечную? Правда, день сбора грязной одежды — понедельник, — с сожалением протянула сиделка.

— Понедельник, значит... И вернут только через три дня. А Сацуки ведь очень любит этот халат. У нас есть еще один такой же на смену, но он тоже в стирке, — расстроилась Ханаэ.

Сиделка поспешила ее успокоить:

— Если хочется постирать побыстрее, отнесите в прачечную через дорогу! Там и за сутки управятся.

С халатом в руках Сацуки поспешила в прачечную. Я отправился за ней. Нос до сих пор улавливал запах кофе, впитавшегося в ткань.

— Здравствуйте! — голос Кодзуми прозвучал почти одновременно с тем, как раздвинулись автоматические двери.

Тут же обе женщины синхронно воскликнули:

— Ханаэ?

— Кодзуми?

— Значит, вы тут работаете, — протянула Ханаэ после обмена приветствиями.

Кодзуми кивнула:

— Простите уж, что вся забота о маме легла на вас, — тихо добавила она.

— Это халат Сацуки, получится постирать его поскорее?

— Ох. Значит, она его носит?

— Он вам знаком?

— Это мой подарок на ее день рождения. Еще до замужества ей вручила. Там был комплект из двух халатов, очень выгодная покупка. Но мама все равно сказала, что не стоило так тратить, и совсем их не носила.

— Она очень любит эти халаты. Без них ей беспокойно. Значит, их вы подарили, — растрогалась Ханаэ.

— К завтрашнему дню все сделаем. Во сколько вы планируете забрать заказ? Я позабочусь, чтобы он был готов к выдаче в нужное время, — Кодзуми говорила привычными, заученными фразами, но голос у нее зазвучал куда бодрее и радостнее.

7

На следующий день я засел у прачечной ждать прихода Ханаэ. Вчера, во время очередной смены сезонов (наступил сезон «выпадения инея»), я успешно получил кусочек души Сацуки в синем мире. Осталось лишь подселить его Ханаэ, чтобы она передала Кодзуми послание от матери.

Устроить все это было непросто, и теперь меня переполняла гордость от осознания хорошо проделанной работы. Но что-то Ханаэ опаздывает...

Уже настало назначенное время, однако она до сих пор не явилась за заказом. Я даже забеспокоился: неужели она успела проскользнуть, пока я на что-то отвлекся? Нет, не может быть. «Сегодня я следил как должно и ни разу не прикрывал глаза», — приободрил себя я. Тут в прачечной зазвонил телефон.

На звонок ответила Кодзуми. Правда, даже с моим чутким слухом расслышать ее собеседника через дверь я все же не мог.

— Здравствуйте. Да, заказ готов. Мы договаривались, что его заберут в десять, но пока никто не приходил.

Это о Ханаэ. Значит, ее и правда не было. Я успокоился. Конечно! Я ведь внимательно следил! И ни на секундочку не задремывал. Ни на мгновение!

В голосе Кодзуми зазвучало замешательство.

— Что? Доставка? Да, это возможно...

Я тут же подключил силу воображения. Видимо, Ханаэ по какой-то причине не сумела зайти, вот Кодзуми и попросили занести постиранный халат лично.

— Да, Кодзуми Хосака — это я. Ханаэ вчера отдавала заказ мне.

После я слышал лишь короткие фразы типа «Да» и «Хорошо», а затем разговор прервался. До моих ушей донесся тяжелый вздох Кодзуми. Судя по всему, сегодня она в прачечной одна. Кодзуми повесила на двери табличку «Короткий технический перерыв» и вышла на улицу, держа пакет с логотипом прачечной в руках.

Я тут же сориентировался и последовал за ней. Прямо как кот-детектив из одной детской книжки Митиру, правда, тот был голубоглазым сиаменцем.

Несмотря на короткий путь — всего-то и надо, что перейти через дорогу, — Кодзуми несколько раз останавливалась, чтобы успокоить сбившееся дыхание и потереть виски. А уже перед самым зданием и вовсе пошла на попятную и принялась бродить туда-сюда, вместо того чтобы зайти внутрь, — хотя уж заблудиться там точно негде. Так и захотелось подсказать ей: «Пройди еще немного прямо и окажешься перед главным входом». Но даже я прекрасно понимал: Кодзуми просто не может собраться с духом, чтобы зайти в здание, где находится ее мать.

Потоптавшись вокруг, женщина наконец нашла в себе силы дойти до стойки регистрации и выпалить:

— Здравствуйте, я из прачечной «Белизна». Принесла заказ на имя Ханаэ Комай.

— А, здравствуйте! Прошу прощения, не могли бы вы занести вещи в комнату? Нужно просто подняться вон по той лестнице, — начала объяснять сотрудница.

Изумленная Кодзуми перебила ее:

— Я? Лично?

— Да. Это просьба невестки Сацуки. Видимо, заказ очень личный, и ей не хотелось вмешивать посторонних. Потому она и сказала: «Лучше, если сотрудница прачечной передаст все из рук в руки». Прошу прощения за хлопоты.

Объяснив ситуацию, девушка вернулась к работе. Кодзуми растерянно замерла на месте: случившееся застало ее врасплох, но больше тянуть было нельзя. Она ведь закрыла прачечную на перерыв в разгар рабочего дня.

Женщина встрепелась и глубоко вздохнула. Затем неспешно поднялась по лестнице и остановилась перед комнатой Сацуки. Постучалась.

— Здравствуйте. Я принесла заказ из прачечной.

Кодзуми приоткрыла дверь. Я тут же прошмыгнул в комнату и запрыгнул на колени сидящей у окна Сацуки.

— Здравствуй, Ку! — ласково поприветствовала меня она.

Я подал голос в ответ. А затем махнул хвостом из стороны в сторону, касаясь ее рук, и передал

Сацуки кусочек ее же души, что получил в синем мире.

Она тут же встrepенулась и подняла голову.

— Это одежда, которую ваша невестка отдавала нам для стирки. Я оставлю пакет вот здесь, — потупившись, Кодзуми положила его на прикроватный столик. Волосы падали на ее лицо так, что я не мог рассмотреть его выражение. Да и Сацуки, скорее всего, тоже.

— Спасибо большое.

Услышав ответ, Кодзуми отвернулась и уже собралась уходить, но тут ее снова окликнули.

— Поможете мне надеть халат? — обратилась к ней Сацуки. — Он очень уютный. Без него мне неспокойно.

Она по-девичьи ясно и искренне улыбнулась.

Кодзуми на мгновение растерялась, а затем с посветлевшим лицом ответила:

— Ваша невестка тоже мне так сказала. Поэтому и отнесла его к нам, чтобы поскорее выстирать.

Женщина аккуратно достала халат, подошла к Сацуки и накинула его ей на плечи.

Сидя у Сацуки на коленях, я видел слезы, стоящие в глазах Кодзуми, но смотрящая вперед Сацуки их заметить не могла.

— Спасибо, — склонила голову она.

Кодзуми не ответила. Тогда та повторила:

— Спасибо, что заглянула поведать.

Когда Кодзуми вышла из комнаты, Сацуки продолжила гладить меня. Она рассказала:

— Открою тебе секрет. У меня есть еще дочка. Очень милая девочка, — и добавила: — Нет на свете родителей, которые не пекутся о своих детях. Но теперь я уверена: у нее все будет в порядке. Можно больше за нее не переживать.

Хотелось бы мне передать ее слова Кодзуми. Но это уже высший пилотаж. Для такого мне надо подрасти.

После я еще какое-то время оставался в комнате. На коленях Сацуки было так уютно, что я сам не заметил, как уснул. А проснувшись, понял, что успел проголодаться. Пора возвращаться, а то Нидзико забеспокоится.

Когда я подошел к двери, Сацуки открыла ее для меня. Еще и сушеной рыбкой угостила перед уходом.

— Спасибо, что привел сюда мою девочку, двойник Ку, — озорно подмигнула она мне напоследок.

Когда она распознала подвох? Или поняла все с самого начала? Хотя какая разница...

Я хотел попрощаться с обитателями живого уголка, но они по запаху заметили бы, что я хитростью получил лакомство, поэтому передумал. Только мысленно поблагодарил рыжего Ку, похожего на меня как две капли воды.

— Какой ты молодец. В одиночку справился с таким непростым делом, — похвалила меня Нидзико. И торжественно поставила пятую печать. — Ну, ступай. Вот и твой черед настал.

Эпилог

Сотрудники транспортной компании всегда на нашей стороне.

Прошло каких-то полгода, но при виде хурмы во дворе дома Митиру меня захлестнула ностальгия.

Дерево хурмы дает хороший урожай раз в два года. Их называют «плодоносный год» и «бесплодный год». В прошлом году фруктов совсем не было, и это расстроило папу Митиру. Однако теперь дерево усыпано яркими плодами.

Пока я зачарованно им любовался, к дому подъехала машина.

А вот и доставка.

Я тут же скользнул под ноги курьеру, легко коснулся его кончиком распушенного хвоста и в то же мгновение переселился в его тело.

Помещать в чужое тело собственную душу... Даже звучит странно.

Работа кота-посланника — получить частичку души того, с кем заказчик хочет повидаться, и подселить ее на время «посреднику», чтобы тот озвучил послание.

Но сейчас особый случай.

Сегодня я сам «заказчик». И я же исполнитель.

Оказавшись в теле курьера, я бросил взгляд на свою одежду и недоуменно нахмурился. Обернулся к машине у ворот. На ней красовался не привычный логотип с черной кошкой и котенком, а какое-то совершенно незнакомое название. Значит, это не сотрудник той службы доставки, а курьер какой-то отдельной компании.

«Но ведь Нидзико велела мне использовать именно этот момент».

Я рассказал ей о своем плане, и она сообщила мне точное время, когда к дому прибудет курьер. Я был уверен, что посредником станет работник привычной службы, но ошибся.

Впрочем, душа уже в его теле — сделанного не воротишь. Я радостно направился к знакомой двери в облике курьера.

— Здравствуйте! Доставка, — сообщил я в домофон.

И тут же услышал ответ:

— Да-да!

При звуке нежного голоса мамы я едва удержался от того, чтобы тут же вбежать в дом.

— Из кондитерской, да? — а это уже папин голос.

Из кондитерской?

Я посмотрел на коробку у себя в руках. Кстати, а ведь я уже видел где-то этот логотип. Точно. Он принадлежит кондитерской, в которую я как-то заглядывал по работе. Той, где продают популярные булочки шу.

Папа пояснил кому-то в доме:

— Я сегодня проходил мимо нее во время работы. Но очередь была такая, что купить что-то не успел бы. Решил попытать счастья на обратном пути, и мне сказали, что как раз пекут дополнительную партию и я могу заказать доставку домой по готовности.

— Ой, здорово!

Едва я слышал голос Митиру, как мне тут же захотелось войти и потребовать, чтобы меня гладили.

— А что за кондитерская? — это уже спросила мама.

— «Амбруаз», так, кажется.

— О, она очень известная! Впервые слышу, чтобы там пекли дополнительные партии вечером, еще и предлагали их доставить, — удивилась она.

Я уже заметил на наклейке с адресом небольшую приписку: «Отложено для госпожи Нидзико». Рядом даже стояла маленькая аккуратная печать с изображением кота.

«Спасибо, Нидзико! Я обязательно отплачу тебе и помогу встретиться с твоей кошкой. Непременно исполню твое желание», — мысленно пообещал я и аккуратно перехватил коробку, ожидая, когда входная дверь распахнется.

— Я открою! — с этими словами Митиру появилась прямо передо мной.

С нашей последней встречи волосы у нее немного отросли, а еще она вдруг показалась мне взрослее — наверное, из-за макияжа. К тому же она была без очков — видимо, начала носить линзы. Выглядела она просто прекрасно. Похоже, у нее все хорошо. Мне о многом хотелось бы с ней поговорить, но пока достаточно лишь этих слов.

— С днем рождения, — от всего сердца сказал я и протянул Митиру коробку. На меня тут же нахлынуло облегчение от того, что удалось благополучно передать послание, — даже пришлось поспешно давить зевок.

— Поставьте личную печать, пожалуйста, — от волнения фраза прозвучала смазанно: скорее как «помялууста».

— Да, сейчас принесу.

Направившись в гостиную, Митиру на ходу открыла коробку с пирожными. Я улыбнулся. Пусть она и стала выглядеть взрослее — в душе все та же девчушка.

— Какие красивые! И целых четыре, — радостно воскликнула она.

— Четыре? Но я заказывал три, — удивился папа, глядя в квитанцию.

— Вот как, — понимающе кивнула Митиру. Вскоре она вернулась ко мне, но в руках ее была не личная печать, а бумажная тарелка с булочкой шу, полной восхитительного крема. Она протянула ее мне.

— Вот. С днем рождения, — она широко улыбнулась. Совсем как в детстве.

*

Разумеется, Фута не мог знать о разговоре Нидзико и Ская, заглянувшего в гости в кафе Pont.

— Надо думать, Фута уже встретился с хозяйкой, да?

— Ага. Ей сегодня исполняется двадцать лет. Фута всегда справлял свой день рождения в один день с ней. Он обещал, что непременно будет рядом и в день ее совершеннолетия*. Хорошо, что ему удалось сдержать слово.

* Совершеннолетие в Японии наступает в возрасте 20 лет.

— Вот оно что. Понятно, почему он так старался поскорее управиться с поручениями, — проникся Скай.

— Смотри, что у меня есть, — улыбнувшись, Нидзико показала ему карточку из ящика анкет «С кем вы хотели бы увидеться?»

— Ого. Значит, она здесь была? — округлил глаза Скай.

— Ага. Хотя я даже не запомнила, кто конкретно кинул карточку. Только не говори Футе. Это секрет, — Нидзико приложила палец к губам.

— Да, так будет лучше.

На карточке, которую Скай вернул Нидзико, с одной стороны значилось:

С кем вы хотите повидаться: Фута.

А с другой:

Ваше имя: Митиру.

*

Вернувшись в облик кота, я спрятался за деревом хурмы и тщательно слизал крем с булочки, которую мне подарила Митиру.

Тут кто-то окликнул меня по имени. Я огляделся по сторонам, но никого не обнаружил. Курьер,

чье тело я позаимствовал, тоже уехал — его машины нигде не было видно.

«Показалось, наверное».

Я принялся умываться, слизывая с морды остатки крема, но снова услышал:

— Фута, я тут!

Наверху! Подняв голову, я увидел, как что-то чернеет между ветвями хурмы. А присмотревшись, понял: да ведь это черная кошка! Нацуки, восседающая на личной метле, радостно замахала мне.

— Теперь я могу и тебя покатать, — гордо заявила она.

Наверняка с метлы Нацуки дворик будет выглядеть совсем иначе. При виде того, какой этот мир бесконечно большой, все тревоги, сомнения и печали покажутся мелочными и мимолетными. Да, посмотреть бы на такой пейзаж.

Я в который раз облизнулся, слизывая с шерсти сладкий крем.

*

Завершив пятое получение, я отработал свое в синем мире. Да и семь месяцев уже прошли. Теперь я могу свободно перемещаться между «тем» и «этим» мирами. Однако я решил еще немного задержаться и побыть котом-посланником.

Не то чтобы меня сильно беспокоило счастье незнакомых людей. И не то чтобы меня так уж

радовала благодарность тех, кто смог увидаться с близкими.

Я просто люблю угощения Нидзико, и мне нравится спать в тепле у горящего камина. Это — настоящее счастье. Вот и все тут.

Об авторе

Наги Симэно

Место рождения — город Хамамацу в префектуре Сидзуока, но жить Наги приходилось и в Токио, и в Фукуоке, и в Саппоро. Наги Симэно владеет маленьким кафе, которое открылось в Фукуоке, а после переехало в Токио. В 2018 году произведение Симэно было номинировано на премию «Самая вкусная литература», а в 2019 году вышла в печать дебютная работа автора «Перекус перед последним поездом. Лунные рецепты кафе “Фу-мицуки”». Перу Наги принадлежат также книги «Гадальная чайная “Потерявшийся котенок”» и «Еще один день на кухне кафе “Додо”».

Оглавление

Пролог	5
Первое поручение. Кот Фута идет на выставку	7
Второе поручение. Кот Фута покупает торт	60
Третье поручение. Кот Фута резвится в поле	101
Четвертое поручение. Кот Фута наслаждается ветром на школьном дворе	137
Пятое поручение. Кот Фута сворачивается клубочком	176
Эпилог	214
Об авторе	222

МИ∞ Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/prose

mifproza

Литературно-художественное издание

Симэно Наги

**Рыжий кот Фута
из кафе между мирами**

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Шеф-редактор *Дарья Калачева*

Ответственный редактор *Анастасия Устинова*

Литературный редактор *Алина Нос*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Валерия Шило*

Иллюстрация на обложке
и внутреннее оформление *lewisite*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Надежда Критику*, *Надежда Евменкина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

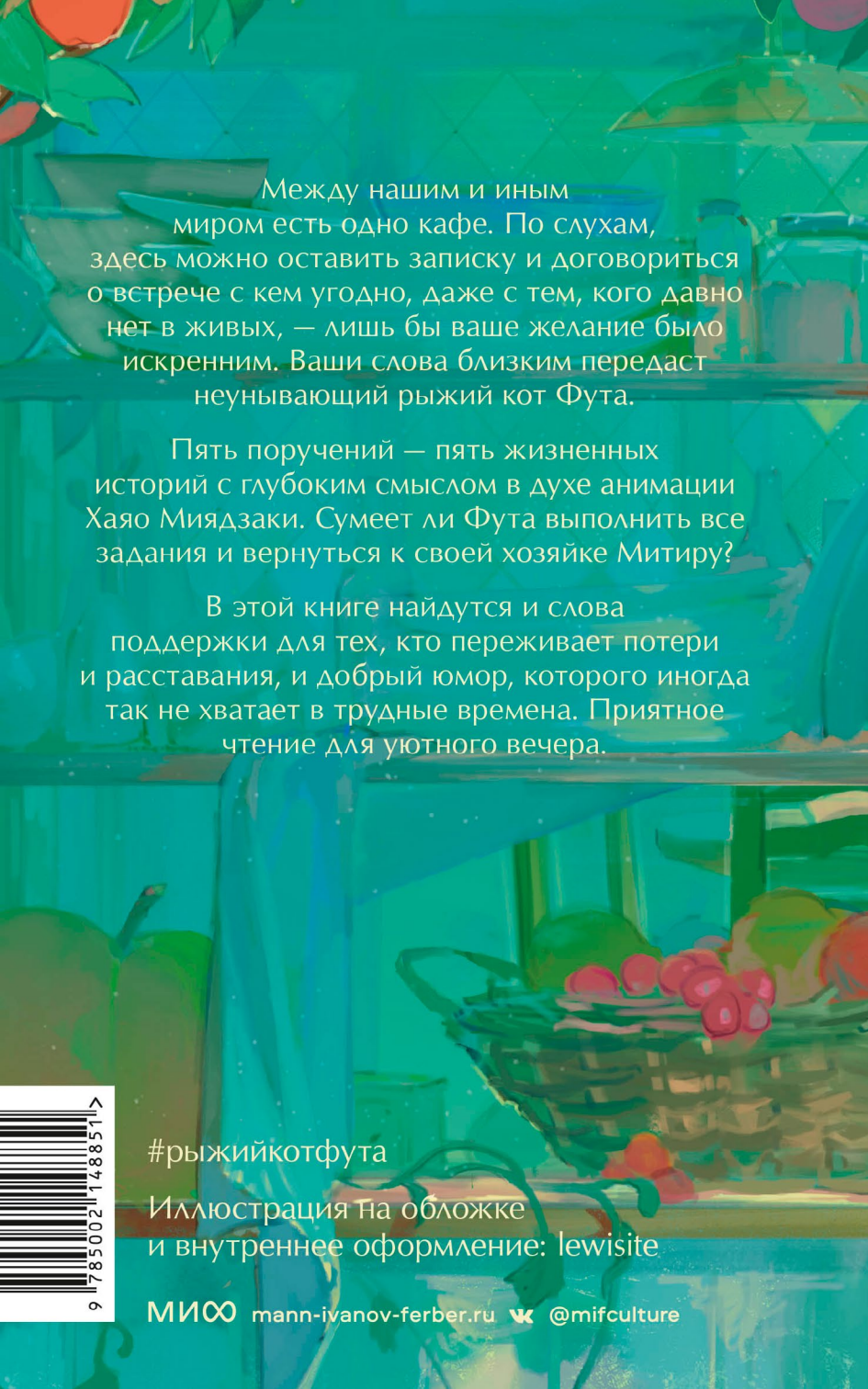
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,

д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifculture

Между нашим и иным
миром есть одно кафе. По слухам,
здесь можно оставить записку и договориться
о встрече с кем угодно, даже с тем, кого давно
нет в живых, — лишь бы ваше желание было
искренним. Ваши слова близким передаст
неунывающий рыжий кот Фута.

Пять поручений — пять жизненных
историй с глубоким смыслом в духе анимации
Хаяо Миядзаки. Сумеет ли Фута выполнить все
задания и вернуться к своей хозяйке Митиру?

В этой книге найдутся и слова
поддержки для тех, кто переживает потери
и расставания, и добрый юмор, которого иногда
так не хватает в трудные времена. Приятное
чтение для уютного вечера.

#рыжийкотфута

Иллюстрация на обложке
и внутреннее оформление: lewisite

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifculture

9 785002 148851 >